ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Фокина Александра Дмитриевна

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Ларионова Марина Владимировна

Москва – 2026

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ДИССЕРТАЦИИ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

[…]	пропуск части текста при цитировании
[*текст*]	добавление слов в текст перевода для обеспечения понимания смысла фразы переводного текста
АПК РФ	Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации
ГК	Гражданский кодекс (с указанием государства)
ГК РФ	Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК РФ	Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации
доп.	дополнения
изм.	изменения
ИЮД	испаноязычный юридический дискурс
ИЮТ	испаноязычный юридический термин, испаноязычные юридические термины
ИЯ	исходный язык – язык, с которого осуществляется перевод
п.	пункт
РФ	Российская Федерация
РЮД	русскоязычный юридический дискурс
СК РФ	Семейный кодекс Российской Федерации
ст.	статья
УПК РФ	Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
УК	Уголовный кодекс (с указанием государства)
ФЗ	федеральный закон
ч.	часть
ЮД	юридический дискурс
ЮТ	юридический термин, юридические термины
ЯП	язык перевода – язык, на который осуществляется перевод
art.	artículo (статья)
CC	Código Civil – Гражданский кодекс (с указанием государства)

CP	Código Penal – Уголовный кодекс (с указанием государства)
CCF	Código Civil Federal – Федеральный гражданский кодекс (с указанием государства)
CCyC	Código Civil y Comercial – Гражданский и торговый кодекс (с указанием государства)
DLE	*Diccionario de la lengua española* – Словарь испанского языка Королевской академии испанского языка
DPEJ	*Diccionario panhispánico del español jurídico* – Паниспанский юридический словарь Королевской академии испанского языка
RAE	*Real Academia Española* – Королевская академия испанского языка

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ДИССЕРТАЦИИ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 2

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА I. ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 27

§ 1. Дискурс в зарубежных лингвистических исследованиях 27

§ 2. Дискурсивные исследования в отечественной лингвистике 35

§ 3. Юридический дискурс в российском и зарубежном языкознании 38

3.1. Понятие юридического дискурса 38

3.2. Функции юридического дискурса 51

3.3. Субдискурсы и функционально-стилистические разновидности юридического дискурса 54

3.4. Типологические характеристики юридического дискурса 62

§ 4. Юридический дискурс стран Латинской Америки и Испании: единство и многообразие испаноязычного дискурсивного пространства 102

Выводы по Главе I 108

ГЛАВА II. ТЕРМИНОЛОГИЯ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ 111

§ 1. Понятия терминологии, термина, терминосистемы. Терминология испаноязычного юридического дискурса 111

§ 2. Семантические особенности терминологии испаноязычного юридического дискурса 119

§ 3. Полисемия терминов испаноязычного юридического дискурса 124

§ 4. Синонимия терминов испаноязычного юридического дискурса 135

4.1. Избыточная синонимия 136

4.2. Ложная синонимия 139

4.3. Комбинированная синонимия 144

§ 5. Межъязыковая омонимия и паронимия терминов испаноязычного юридического дискурса 147

Выводы по Главе II 151

ГЛАВА III. ТЕРМИНОЛОГИЯ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ 154

§ 1. Прагматические характеристики терминологии испаноязычного юридического дискурса 154

§ 2. Смысловые искажения при толковании и переводе терминов международных договоров 161

§ 3. Детерминологизация юридических терминов 169

3.1. Детерминологизация юридических терминов вне юридического дискурса 171

3.2. Детерминологизация юридических терминов в пределах юридического дискурса 182

§ 4. Безэквивалентные термины 188

4.1. Полностью безэквивалентные термины 189

4.2. Относительно (частично) безэквивалентные термины 204

4.3. Квазибезэквивалентные термины 212

§ 5. Полиэквивалентные термины 216

Выводы по Главе III 221

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 225

БИБЛИОГРАФИЯ 232

ПРИЛОЖЕНИЕ 269

Приложение 1. Список латинских выражений, использованных в постановлениях Верховного суда Испании в 2006 году 269

Приложение 2. Список испанских паремий, содержащих лексему *derecho*, с переводом на русский язык и толкованием 271

Приложение 3. Алгоритм перевода, рекомендуемый для решения проблемы безэквивалентности испаноязычных юридических терминов 272

ВВЕДЕНИЕ

Современная геополитическая обстановка обусловливает повышенный интерес исследователей различных областей науки к странам Латинской Америки и Карибского бассейна: в п. 58 новой Концепции внешней политики России закреплено намерение развивать сотрудничество со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, и приоритетными направлениями развития двусторонних отношений признаны, среди прочих, налаживание и расширение взаимодействия в сфере безопасности, укрепление дружбы, взаимопонимания и углубление многопланового обоюдовыгодного партнерства, увеличение объёмов взаимной торговли и инвестиций, расширение культурных, научных, образовательных и иных гуманитарных связей с регионом[1].

По справедливому утверждению В. В. Путина, Россия и страны Латинской Америки имеют много общего во взглядах на международные вопросы и историческое стремление к самостоятельности и независимости[2], что во многом обеспечивает перспективность вектора на расширение всесторонних контактов между Россией и государствами Латиноамериканского региона. В этом процессе исключительную важность приобретают исследования правовых систем стран указанного региона, а также опыта их участия в международных договорах, являющихся надёжной основой международного сотрудничества.

Юридический дискурс латиноамериканских государств, в котором многопланово проявляется национально-культурное мировидение, демонстрирует ярко выраженную языковую специфику употребления юридических терминов как в актах внутреннего права, так и в текстах международных договоров на испанском языке. В этой связи для обеспечения корректного понимания положений испаноязычных международных договоров, законов, подзаконных актов, судебных решений и доктринальных источников возрастает необходимость в проведении

---

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229), п. 58. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Путин: РФ и Латинская Америка во многом одинаково смотрят на международные отношения. 29.09.2023. URL: https://tass.ru/politika/18878237 (дата обращения: 01.05.2026).

лингвистических исследований, направленных на уяснение семантических и прагматических особенностей терминологии, используемой в пространстве испаноязычного юридического дискурса (ИЮД) стран Латиноамериканского региона. Безусловно, исследования, посвященные юридическим терминам испанского языка, не могут быть полными без обращения к языковому материалу, содержащемуся в нормативно-правовых источниках Испании, которые сыграли важную роль в процессе становления правовой традиции стран Латинской Америки.

Для этих целей представляется целесообразным и необходимым проведение всесторонних лингвистических исследований функционирования терминологии на языковом материале оригинальных источников на испанском языке – законов и иных нормативно-правовых актов как основополагающих текстов, на которых основывается ИЮД, а также текстов ненормативного характера, создаваемых в процессе правоприменения и толкования законов и иных нормативно-правовых актов – комментариев к законодательству, судебных решений, аналитических статей и др. Качество и результативность таких исследований предопределяются полнотой рассмотрения семантических и прагматических особенностей функционирования юридических терминов, непосредственно проявляющихся в языковом материале, с учётом экстралингвистических факторов коммуникации, что становится возможным исключительно при условии применения методов дискурсивного анализа.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью изучения семантических и прагматических особенностей функционирования юридических терминов, используемых в языковом материале стран Латинской Америки и Испании, в собственной дискурсивной среде – в ИЮД. Проблемы понимания испаноязычных юридических терминов (ИЮТ), связанные с их семантическими и прагматическими особенностями, проявляющимися при функционировании в пространстве ИЮД, не могут быть решены на основе существующих в настоящее время специализированных юридических словарей, в том числе на испанском языке, и русскоязычных источников, оперирующих ИЮТ.

Это обусловлено не только несовершенством толкования и перевода ИЮТ на русский язык, а в случае с испаноязычными словарями – недостаточно точной систематизацией терминологии, но и семантическими и прагматическими особенностями самих ИЮТ, которые проявляются исключительно в процессе их реального применения коммуникантами в пространстве ИЮД. Рассматривая ИЮТ в качестве опорных элементов для понимания любого текста на правовую тематику, от краткого высказывания до многотомных комментариев к законодательству, следует констатировать необходимость разработки более эффективного способа установления содержания ИЮТ, которым представляется дискурсивный анализ их функционирования в собственной языковой среде – ИЮД. Ввиду отсутствия комплексного междисциплинарного исследования, посвященного ИЮД и особенностям функционирования терминологии в его пространстве, возникает необходимость в изучении особенностей ИЮД, поскольку именно его потенциал во всем многообразии разновидностей ЮД и кросс-дискурсивных связей может быть эффективно использован для решения практических задач, связанных с пониманием, толкованием и переводом на русский язык ИЮТ.

Выбор **темы диссертации** обусловлен объективной необходимостью разработки действенных дискурсивных механизмов анализа ИЮТ для решения проблем, связанных с их пониманием, толкованием и переводом на русский язык. От эффективности их решения зависит понимание юридических текстов испаноязычных стран Латинской Америки и Испании, без которого невозможно проведение исследования национального законодательства зарубежных государств для оценки перспектив международного сотрудничества в конкретной сфере, заключение двусторонних международных договоров, имеющих равную юридическую силу и не допускающих несоответствия используемой терминологии на двух языках, и в конечном счёте укрепление всесторонних связей между Россией и странами Ибероамериканского региона.

Тема диссертационного исследования соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности «5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»:

пункту 9 «Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста»;

пункту 11 «Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов»;

пункту 26 «Теоретические проблемы юрислингвистики, политической лингвистики и языка средств массовой информации»;

пункту 14 «Филологические исследования и лингвистика» Базовых направлений научных исследований МГИМО.

Степень научной разработанности темы и теоретическая база исследования.

Несмотря на активное развитие теории дискурса во второй половине XX века, юридический дискурс обособляется в качестве самостоятельной дискурсивной практики и получает теоретическую разработку лишь в начале XXI века. Современные исследования юридического дискурса проводятся по трём основным направлениям: философия, лингвистика и на стыке права и лингвистики – в междисциплинарном пространстве юрислингвистики.

С точки зрения философии рассматриваются социально-философская методология юридической герменевтики, процессы правового мышления и способы интерпретации юридического дискурса, направленность юридического дискурса на трансформацию действительности в трудах А. М. Пономарёва и А. Е. Писаревского [Пономарёв, 2013; Писаревский, 2004, и др.].

С точки зрения юрислингвистики – интегративного научного направления, направленного на рассмотрение норм, закономерностей и преобразований естественного языка, которые возникают при его прохождении сквозь призму права [Голев, 1999: с. 12], юридический дискурс рассматривается М. В. Батюшкиной, А. В. Богатырёвым, Ю. П. Боруленковым, А. Ю. Гарашко, М. В.

Коноваловой, О. А. Крапивкиной, К. Г. Салтыковым, М. Н. Федуловой, Н. Г. Храмцовой и др. исходя из социально-регулятивной функции права, а также в контексте процесса, охватывающего период от создания правовых предписаний до обеспечения правоприменения [Батюшкина, 2022; Боруленков, 2018; Гарашко, 2020; Салтыков, 2015; Храмцова, 2010 и др.].

С позиции лингвистики юридический дискурс рассматривается в качестве институционального (статусно-ориентированного) дискурсивного пространства, обладающего собственными структурными, прагмалингвистическими и прагмастилистическими особенностями. Исследователи обращают внимание на отдельные свойства юридического дискурса: интертекстуальность [Коновалова, 2008; Богатырёв, 2016], перформативность [Мальцева, 2011; Мосесова, 2020], дискурсивный потенциал категоризации и концептуализации действительности, в т.ч. собственно терминов [Колесникова, 2007; Федулова, 2010, 2015]. Авторы рассматривают проблемы, возникающие в пространстве юридического дискурса: интерпретацию в контексте семантического и прагматического анализа [Попова, 2005]; дискурсивно детерминированное формирование языковой личности [Кубиц, 2005; Климович, 2016]; лексическую лакунарность и методы её элиминирования [Ибрагимова, 2017].

Ряд исследователей посвятили свои работы различным видам и функциональным стилям юридического дискурса. В рамках исследований судебного дискурса Т. В. Дубровская изучила модель речевого поведения судей [Дубровская, 2010], И. В. Палашевская – характеристики судебного дискурса в социокоммуникативном, жанровом, функциональном, структурном и презентационном аспектах [Палашевская, 2010(а), 2010(б)], Л. Н. Шевырдяева – языковую специфику судебных решений [Шевырдяева, 2009]. И. Д. Зайцева изучила дискурсивные признаки жанра постановления [Зайцева, 2011(а)]; В. В. Зайцева – когнитивные, коммуникативно-прагматические и языковые особенности допроса [Зайцева, 2011(б)]. Законодательному дискурсу как разновидности юридического дискурса посвятили работы Л. А. Борисова и А. А. Телешев

[Борисова, 2010; Телешев, 2004]. Д. Н. Шлепнев представил типологию юридического дискурса для переводческой деятельности [Шлепнев, 2018].

Медиатизация юридического дискурса – одно из важнейших явлений, исследуемых А. С. Авериным, М. А. Силановой и др. в парадигме кросс-дискурсивных исследований. Она отображает трансформацию дискурсивных элементов при их использовании в материалах, обращённых к широкой аудитории, – в популярно-юридических текстах разъяснительного характера, публикуемых на профильных интернет-сайтах [Аверин, 2022; Силанова, 2017, и др.].

Испаноязычному юридическому дискурсу посвятили статьи С. В. Кудряшова, А. А. Бульба, О. А. Пильщикова, Е. В. Зубкова, В. П. Литус, И. Ф. Валиуллина и др., при этом в фокусе внимания оказываются отдельные лексические и грамматические особенности исследуемого дискурсивного пространства: англоязычные заимствования в испаноязычном юридическом дискурсе [Кудряшова, 2014], глагольные перифразы [Бульба, 2022], реализация определенных институциональных установок в процессе коммуникации адвоката как адресанта сообщения и свидетеля как его адресата [Пильщикова, 2024], стратегии языковой реализации гендерной нейтрализации языка в ряде испаноязычных стран, таких как Испания, Куба, Колумбия и Венесуэла [Зубкова, 2021], использование политкорректных терминов в целях противодействия дискриминации по различным признакам [Литус, 2013], лексико-семантическое поле термина *juez* [Валиуллина, 2024]. В научных трудах Л. В. Моисеенко рассматриваются проблемы поиска языковых соответствий при переводе юридических текстов и понимания юридических терминов, а также таксономия лингвистических исследований в области юридического дискурса [Моисеенко, 2023, 2025, 2017]. Ввиду необходимости учета национальной специфики функционирования испаноязычной терминологии особую ценность имеют работы О. С. Чесноковой, в которых анализируются особенности испанского языка в Мексике и Колумбии [Чеснокова, 2021(а), 2021(б)].

В МГИМО МИД России сложилась собственная школа дискурсивных исследований, для которой характерно рассмотрение иностранного языка в

качестве языка профессии. В этой связи объектом дискурсивных исследований выступают прежде всего различные виды дискурсивных практик: медийная, политическая, дипломатическая, электоральная, рекламная, экономическая, юридическая и др. Так, Н. А. Чес исследует современный политический медиадискурс на материале английского языка [Чес, 2023], Е. В. Пономаренко – деловой дискурс на материале английского языка [Пономаренко, 2017], Д. С. Храмченко – медийный и деловой дискурсы на материале английского языка [Храмченко, 2014, 2018], В. Л. Малахова – функционально-семантические процессы в системе факторов формирования прагматики английского дискурса [Малахова, 2022]. Н. В. Иванов исследовал феномен и понятие дискурса с точки зрения современной онтологии языка [Иванов, 2023]. В. Е. Анисимов изучает кинодискурс как иерархическое семиотическое пространство на материале русского, французского и английского языков [Анисимов, 2026]. Э. Л. Шубина посвятила ряд трудов публицистическому дискурсу на материале немецкого языка [Шубина, 2019, 2023]. Изучению правового дискурса на материале французского языка посвятила свою научную деятельность К. Х. Рекош, которая исследовала этимологические параметры семантики правового дискурса, дискурс обычного права, процесс концептуализации дискурса на пути к нормативности, влияние интерпретации на правовой дискурс, когнитивный аспект дискурса позитивного права и др. [Рекош, 2011, 2016(а), 2016(б)].

Многие ученые МГИМО МИД России посвятили свои труды проблемам толкования и перевода терминов в рамках освоения иностранного языка как языка профессии. Во всех трудах дискурсивный анализ неизменно выступает в качестве ключевого метода исследования языкового материала, а также последовательно доказывается постулат о том, что перевод, соответствующий всем критериям качества, невозможен без учета семантических и прагматических факторов, которые определяют выбор языковых средств применительно к определенной, конкретной ситуации взаимодействия в рамках той или иной дискурсивной коммуникации. М. К. Огородов доказывает важность языковой догадки для установления семантических значений юридических терминов и конструкций

иностранного языка (на материале французского языка) [Огородов, 2020]. Е. А. Самородова обращает внимание на влияние изучения языка на формирование профессиональной идентичности юристов-международников в ходе освоения иностранного языка как языка профессии [Самородова, 2023]. И. Г. Федотова и Г. П. Толстопятенко разработали методический комплекс, посвященный юридическим понятиям и категориям в английском языке, в котором представлены возможности использования контекста для толкования юридических терминов [Федотова, 2014]. М. А. Чигашева рассматривает проблемы терминологии в политическом дискурсе СМИ (преимущественно на материале немецкого языка), доказывая возможность терминологизации деонимических единиц, т.е. их перехода из разряда окказионализмов и жаргонизмов в разряд терминов [Чигашева, 2017].

Особым значением в контексте исследования функционирования терминов в пространстве испаноязычного юридического дискурса обладают труды, посвященные политическому и медийному дискурсам, поскольку именно в них ввиду свойственной им иммерсивности юридические термины претерпевают процессы детерминологизации и иные семантические трансформации. В отношении экономического дискурса следует отметить, что в силу взаимосвязи и взаимозависимости экономики и права многие специальные термины могут считаться общими для пространств юридического и экономического дискурсов, что, с одной стороны, позволяет использовать исследования экономического дискурса для анализа функционирования в нем юридических терминов, а с другой стороны, установить особенности их функционирования на основе кросс-дискурсивного анализа их применения в двух взаимосвязанных дискурсивных пространствах. Так, на материале испанского языка исследованием различных аспектов политического и медийного дискурсов занимаются Р. Р. Алимова [Алимова, 2013], Е. В. Астахова [Астахова, 2015], Ю. В. Верещинская [Верещинская, 2015], И. С. Воронцова [Воронцова, 2021], А. Н. Гуров [Гуров, 2024], Ю. В. Давтян и Е. В. Крюкова [Давтян, Крюкова, 2022], М. В. Ларионова и Г. С. Романова [Ларионова, Романова, 2024], А. В. Макарычева и Е. В. Смирнова

[Макарычева, 2022], С. К. Мосина [Мосина, 2019], Ю. П. Мурзин [Мурзин, 2023], И. В. Смирнова [Смирнова, 2023], Е. А. Савчук и Е. С. Сыщикова [Syschikova, 2022], В. В. Яковлева [Алимова, Яковлева, 2021]. Испаноязычному экономическому дискурсу посвятили свои труды Е. С. Коржукова [Матюшенко, Коржукова, 2020], Н. А. Михеева [Михеева, 2020], Ф. Ю. Сангинова [Сангинова, 2005]. Мексиканскому варианту испанского языка посвящены труды И. В. Гусевой [Гусева, 2013]. В. А. Иовенко обращает внимание на необходимость учета особенностей языковой картины мира носителей испанского языка и представляет практические рекомендации по установлению и преодолению национально-культурных различий для обеспечения адекватности перевода текстов профессиональной направленности с испанского языка на русский [Иовенко, 2013]. Г. С. Романова обратилась к истории и современному состоянию терминологии в испанском языке, тенденциям словообразования и проблемам создания терминосистем в условиях информационного общества [Романова, 2010]. А. В. Дементьев в соавторстве с Н. А. Дементьевой представил перевод и толкование испанских терминов, которые для их корректного восприятия требуют от переводчика обширных экстралингвистических знаний в области культурологии и истории Испании; в частности, был истолкован и переведен на русский язык ряд терминов, функционирующих в испаноязычном юридическом дискурсе – *constitucionalismo, Corona, derecho foral, hombre bueno, procés* и др. [Дементьев, 2025].

Испаноязычному юридическому дискурсу посвящены статьи О. Б. Чибисовой, М. В. Ларионовой и А. Д. Фокиной. Так, изучен ряд факторов, препятствующих пониманию и толкованию испаноязычных юридических текстов: грамматические и синтаксические особенности испаноязычных юридических текстов [Чибисова, 2023, 2024], избыточное употребление вводных слов и предложений [Чибисова, 2016(б)], а также грамматические особенности испанского юридического текста [Чибисова, 2016(а)] и, в частности, судебных решений [Chibisova, 2018]; проанализированы свойства перформативности и ритуальности испаноязычного юридического дискурса [Ларионова, Фокина, 2024;

Ларионова, Фокина, 2025]; выявлены трудности перевода терминологии испаноязычных юридических текстов и разработаны подходы к обеспечению их эквивалентности [Ларионова, Фокина, 2023; Фокина, Данилова, 2024].

Несмотря на возрастающий интерес исследователей к различным дискурсивным практикам испаноязычных стран (политической, медийной, рекламной и др.), ИЮД как профессиональная дискурсивная практика, обладающая собственной спецификой, и юридическая терминология испаноязычного юридического дискурса как его системообразующая когнитивно-коммуникативная составляющая до настоящего момента не становились самостоятельными объектами диссертационных исследований. Представленная диссертация направлена на то, чтобы восполнить отсутствие комплексного научного исследования, посвященного испаноязычному юридическому дискурсу и особенностям терминологии, функционирующей в его пространстве.

Цель диссертационного исследования состоит в установлении семантических и прагматических особенностей функционирования юридических терминов в пространстве испаноязычного юридического дискурса как специализированной, профессиональной коммуникативной практики.

Для достижения указанной цели автором диссертационного исследования были поставлены следующие **задачи**:

– представить обзор отечественных и зарубежных дискурсивных исследований для определения отправных точек исследования испаноязычного юридического дискурса как разновидности профессиональной дискурсивной практики;

– дать характеристику и определение юридическому дискурсу как особой разновидности дискурсивной практики, которой присущи собственные типологические особенности, способствующие реализации коммуникативных целей и стратегий дискурсивного взаимодействия коммуникантов;

– выделить разновидности юридического дискурса – субдискурсы и его функциональные стили с точки зрения современного российского и зарубежного языкознания;

– представить испаноязычный юридический дискурс стран Латинской Америки и Испании как единое дискурсивное пространство, для которого характерны семантические и прагматические особенности функционирования терминологии;

– выявить основные семантические особенности функционирования испаноязычных юридических терминов в пространстве испаноязычного юридического дискурса, которые могут вызывать трудности при их интерпретации и переводе;

– исследовать проявления полисемии, синонимии (избыточной, ложной и комбинированной) и межъязыковой омонимии юридических терминов испанского языка, а также установить дискурсивные механизмы решения связанных с ними проблем;

– установить прагматические особенности терминологии испаноязычного юридического дискурса, проявляющиеся в смысловых искажениях при толковании и переводе терминов международных договоров;

– изучить процесс детерминологизации юридических терминов в пределах собственной дискурсивной среды и за её пределами;

– разработать подходы к преодолению проблемы интерпретации и перевода безэквивалентных испаноязычных терминов, основываясь на их практической классификации по критерию наличия терминологических пересечений в языке перевода (полностью безэквивалентные, частично безэквивалентные, ложно безэквивалентные термины).

Объектом исследования выступает испаноязычная юридическая терминология, функционирующая в пространстве профессиональной коммуникации юристов, осуществляемой в целях решения профессиональных задач в сфере права.

Предметом исследования являются семантические и прагматические особенности терминологии испаноязычного юридического дискурса как лексической системы, образованной терминами – основополагающими языковыми компонентами испаноязычного юридического дискурса.

Научная гипотеза диссертационного исследования представляет испаноязычный юридический дискурс как коммуникативное пространство профессионального взаимодействия юристов, которое обладает собственным когнитивно-языковым потенциалом для решения целого ряда проблем, связанных с пониманием, толкованием, трансляцией и ретрансляцией смыслового содержания юридических терминов, которые исключительно в пространстве юридического дискурса и непосредственно в процессе дискурсивного функционирования проявляют свойственные им семантические и прагматические особенности.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена комплексным изучением семантических и прагматических особенностей употребления испаноязычных терминов, функционирующих в юридическом дискурсе – пространстве профессиональной коммуникации юристов, которое объективируется в различных ситуациях строго регламентированной деятельности, осуществляемой в целях решения профессиональных задач в сфере права. Термины рассматриваются не в качестве статичных языковых единиц, закрепленных в специализированных словарных изданиях и обозначающих строго соответствующие им понятия, а в качестве самостоятельных компонентов юридического дискурса, семантика и прагматика функционирования которых обусловлена множеством дискурсивных факторов: экстралингвистическим и языковым контекстом употребления, дискурсивным поведением и интенциями участников дискурса (как адресантами, так и адресатами), принадлежностью юридического термина к той или иной отрасли права и др.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена вкладом автора в дальнейшую разработку теории дискурса и научной терминологической концепции. В частности, автор на материале нормативно-правовых актов, аналитических статей и публикаций в СМИ на испанском и русском языках впервые в отечественной иберoамериканистике раскрывает дискурсивный потенциал испаноязычной юридической терминологии как системы дискурсивных единиц, функционирующих в пространстве профессиональной

коммуникации юристов и обладающих собственной семантической и прагматической спецификой.

Практическая ценность диссертационного исследования объясняется тем, что результаты исследований функционирования испаноязычных юридических терминов, основанные на дискурсивном подходе к их изучению, позволяют предотвратить и преодолеть смысловые ошибки, которые нередко встречаются в аналитических статьях на русском языке, посвященных праву стран, государственным языком которых является испанский язык, а также в специализированных испанско-русских словарях – зачастую единственных и немногочисленных лексикографических источниках информации об испаноязычных терминах для специалистов в сфере права, не владеющих испанским языком. Автором сформулированы рекомендации для решения проблем понимания и толкования испаноязычных терминов, которые связаны с семантическими и прагматическими особенностями их использования в пространстве ИЮД. В частности, автор предлагает дискурсивные алгоритмы анализа терминов, вызывающих трудности для понимания и изложения на русском языке, а также практическую классификацию безэквивалентных терминов, что является вкладом в создание комплексного методического подхода к дискурсивным исследованиям, проводимым на стыке права и лингвистики. Представленные автором диссертационного исследования практические рекомендации по дискурсивному анализу испаноязычной юридической терминологии направлены на обеспечение того, чтобы анализ правовых источников испаноязычных государств, толкование и разъяснение его отдельных положений на русском языке могли служить надлежащей и надежной основой для проведения качественных сравнительно-правовых исследований. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для обеспечения точности и эквивалентности употребления юридических терминов на испанском и русском языках при составлении аутентичных текстов международных договоров со странами Латинской Америки: неправильное толкование, перевод и использование неэквивалентных юридических терминов в аутентичных текстах договора на двух

и более языках может привести к невозможности надлежащего применения двусторонних и многосторонних международных договоров, подрывает авторитет субъектов международного права и их взаимное доверие.

Методологическая основа исследования представлена комплексом следующих научных методов: анализ и синтез (при исследовании разновидностей юридического дискурса и характерных черт юридического дискурса как единой дискурсивной практики, интегрирующей множество разновидностей), сравнительно-сопоставительный и контрастивный анализ (для установления эквивалентности терминов и решения проблемы безэквивалентности терминов русскоязычного и испаноязычного юридического дискурса, а также при рассмотрении явления межъязыковой омонимии и паронимии), семантический, контекстуальный, интерпретативный анализ (в процессе установления проявлений синонимии и полисемии испаноязычных терминов), дискурсивный анализ (в качестве общего метода исследования и, в частности, при рассмотрении проблем смысловых искажений и детерминологизации юридических терминов). Комплексное использование указанных методов обеспечивает соблюдение закона тождества и предотвращение смысловых ошибок в ходе осуществления исследования терминов с точки зрения семантики и прагматики их функционирования. Для рассмотрения процессов детерминологизации использован метод кросс-дискурсивного анализа, который предполагает сравнительное исследование употребления лексем в собственной терминосистеме – в ЮД и вне её – в частности, в политическом, медийном, литературном и бытовом дискурсах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Юридический дискурс представляет собой когнитивно-коммуникативное пространство институционального взаимодействия, которое объективируется в различных ситуациях строго регламентированной деятельности, нацеленной на решение профессиональных задач в сфере права. Испаноязычный юридический дискурс, рассматриваемый как единое коммуникативное пространство Испании и испаноязычных стран Латинской Америки, обладает

собственным когнитивно-языковым потенциалом и национальной спецификой, которые способствуют решению проблем, связанных с пониманием, толкованием, трансляцией и ретрансляцией смыслового содержания испаноязычных источников, содержащих юридические термины.

2. В структуре юридического дискурса в качестве обязательных компонентов, необходимых для обеспечения его функционирования, выделяются следующие субдискурсы: нормативный, правоприменительный, включающий в себя административный и судебный, и доктринальный. Полидискурсивное медийное пространство, сформированное публикациями в СМИ и социальных сетях на различные темы, связанные с правом, представляет собой информационно-когнитивную периферию юридического дискурса; оно не является субдискурсом в структуре юридического дискурса, однако выступает необходимым компонентом для онтогенеза юридического дискурса и его терминологии.

3. Испаноязычные юридические термины, рассматриваемые как слова или словосочетания, которые в наиболее точной форме обозначают соответствующие им понятия, относящиеся к профессиональной области права, при функционировании в пространстве юридического дискурса проявляют свойственные им семантические и прагматические особенности. Испаноязычный юридический дискурс выступает в качестве естественной границы использования испаноязычных юридических терминов в присущем им специальном значении, и за пределами собственного дискурсивного пространства юридический термин претерпевает семантические трансформации вплоть до утраты исходного семантического содержания.

4. Испаноязычные юридические термины проявляют характерные семантические особенности, связанные с полисемией и синонимией, а также межъязыковой омонимией и паронимией. Проблема полисемии может быть решена посредством отнесения термина к отраслевой терминосистеме, а проблема синонимии – посредством установления на основе дискурсивного анализа её типа (избыточная, ложная, комбинированная).

5. Прагмакогнитивные особенности испаноязычной терминологии, связанные с декодированием испаноязычных юридических терминов коммуникантами юридического дискурса и иных дискурсивных практик, обусловливают возникновение смысловых искажений испаноязычных терминов при их переводе на русский язык, что нередко приводит к следующим прагмакогнитивным и прагмакоммуникативным последствиям: ошибочному пониманию и неточному переводу испаноязычных терминов, не имеющих эквивалента в терминосистеме русскоязычного юридического дискурса; детерминологизации терминов внутри юридического дискурса и за его пределами; невозможности надлежащего исполнения судебных решений и международных договоров.

6. Безэквивалентность терминов юридического дискурса может быть полной, частичной или ложной. Для решения проблемы безэквивалентности терминов рекомендуется применять юрислингвистический алгоритм, включающий следующие необходимые этапы: установление принадлежности термина к отраслевой терминосистеме юридического дискурса; проверка дефиниции термина в словаре DPEJ; определение нормы, содержащей дефиницию понятия, обозначенного безэквивалентным термином, или его основных признаков, в том числе посредством установления значения однокоренных терминов (при их наличии); описательный перевод, отражающий основные характеристики правового явления, обозначенного безэквивалентным термином; обращение к языковому материалу юридического дискурса языка перевода с целью выявления схожих по характеристикам правовых явлений.

Материалом исследования послужили нормативно-правовые акты, действующие в испаноязычных странах (в частности, в Мексике, Чили, Колумбии, Испании) и Российской Федерации, аналитические статьи, посвященные различным проблемам юрислингвистики, публикации испаноязычных и российских СМИ, освещающие правовую проблематику. Всего проанализированы более 500 текстовых и лексикографических источников на испанском и русском языках.

Хронологические рамки исследования охватывают современный период развития ИЮД с 2000 по настоящее время, что соответствует синхроническому подходу к лингвистическим исследованиям, который предполагает анализ языка на определенном этапе его существования. В то время как Ф. де Соссюр противопоставляет синхронический и диахронический подход как анализ языка в статическом (современном) и динамическом (историческом) измерении. Синхронический подход признается наиболее эффективным при проведении сравнительного анализа двух и более языков, а применительно к испанскому языку – при исследовании его национальных вариантов в странах Латинской Америки, имея в виду признанный постулат о том, что испанский язык указанного региона представляет собой разновидность, или вариант, структурно единого языка «в совокупности особенностей его новых общенародных норм и местных диалектов и говоров» [Степанов, 2022: с. 9].

В отношении нормативно-правовых актов, которые используются в качестве основы, содержащей языковой материал диссертационного исследования, и которые представляют собой опорные тексты нормативного типа юридического дискурса, в которых фиксируются термины – центральные элементы диссертационного исследования, следует отметить следующее: несмотря на то, что законы Испании и стран Латинской Америки приняты в разные годы и исторические периоды развития государства и в дальнейшем претерпевали многочисленные и существенные изменения и дополнения, для целей проведения диссертационного исследования их следует считать принадлежащими единому хронологическому полю и подлежащими сравнению без нарушения законов логики ввиду того, что в диссертации исследуются примеры использования терминов в актуальных редакциях законов, действующих в период написания работы.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты исследования, его основные идеи и положения представлены в девяти статьях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в российских журналах, включенных ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертаций, а

также в испанском научном издании, входящем в международную базу данных Web of Science:

1. Perevoshikova, A. Promesa de matrimonio en Rusia y en España: comparación del valor jurídico y consecuencias del incumplimiento / A. Perevoshikova // Iberoamerican Papers. – 2014. – № 1 (3). – P. 83–87.
2. Фокина, А. Д. Трудности перевода терминологии в контексте анализа нормативного типа испанского юридического дискурса / М. В. Ларионова, А. Д. Фокина // Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 6. – С. 40–52.
3. Фокина, А. Д. Обещание жениться как часть национального лингвокультурного пространства (на примере русскоязычного и испаноязычного юридического, медийного, литературного дискурсов) / М. В. Ларионова, А. Д. Фокина // Cuadernos de Rusística Española. – 2024. – № 20. – С. 49–67.
4. Фокина, А. Д. К проблеме эквивалентности и толкования терминов аутентичных текстов Договора о правовой помощи по гражданским делам (Мадрид, 1990 г.) на русском и испанском языках / А. Д. Фокина, С. А. Данилова // Юрислингвистика. – 2024. – № 34. – С. 140–146.
5. Фокина, А. Д. Термин derecho (право) в пространстве испанского юридического, медийного и бытового дискурсов / А. Д. Фокина // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи : Материалы XII Всероссийской научной конференции с международным участием: Сборник тезисов, Москва, 21–22 ноября 2024 года. – Москва: ООО "МАКС Пресс", 2024. – С. 63.
6. Фокина, А. Д. Ритуальность юридического дискурса: вербальная и невербальная составляющие / А. Д. Фокина // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск № 9 / Материалы XVIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод». Москва, Военный университет. 28 июня 2024 г. / под общ. ред. Н. В. Иванова. – М.: Военный университет Минобороны России, 2024 г. – С. 774–776. (РИНЦ)

7. Фокина, А. Д. Ритуальность как типологическая характеристика юридического дискурса: семиотическое измерение / М. В. Ларионова, А. Д. Фокина // Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 1. – С. 51–66.
8. Фокина, А. Д. Лингвопрагматика концепта «derecho/право» в испаноязычном и русскоязычном дискурсивном пространстве / А. Д. Фокина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2025. – Т. 25. – № 6. – С. 51–62.
9. Фокина, А. Д. Перформативность юридического дискурса как способ изменения правовой реальности / А. Д. Фокина // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск № 11. Том 1 / Материалы XX Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод». Москва, Военный университет. 26 июня 2026 г. / под общ. ред. Н. В. Иванова. – М.: Военный университет Минобороны России, 2026 г. – С. 384–388.

Результаты и выводы диссертации были представлены на заседаниях кафедры испанского языка МГИМО МИД России, а также в ходе выступлений с докладами на следующих научных российских и международных конференциях: VI Международная научная конференция испанистов «Аксиомы и парадоксы испаноязычного мира: исследование и преподавание» (Москва, МГИМО МИД России, 2014); V Международный конгресс испанистов России, Восточной Европы и Центральной Азии «Испанистика в эпоху цифровизации» (Москва, МГЛУ, 2021); Международная научная конференция «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022, 2024); VI Фирсовские чтения «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте» (РУДН, 2023); VII Фирсовские чтения «Язык. Культура. Коммуникации» (РУДН, 2025); Международная научная конференция «Язык, коммуникация, перевод» (Военный университет Министерства обороны РФ, 2024, 2025, 2026); Дни науки НСО МГИМО – 2024, конференция «Испанский язык как инструмент профессиональной коммуникации» (МГИМО МИД России, 2024).

Структура диссертационного исследования обусловлена его целью и необходимостью последовательного решения поставленных задач. Работа включает в себя Введение, три Главы, разделённые на параграфы и пункты, Заключение, Библиографический список и Приложение.

В первой главе *«Дискурсивные исследования в российском и зарубежном языкознании»* анализируются основные направления и подходы российских и зарубежных ученых к исследованиям дискурса как самостоятельной категории лингвистики и юридического дискурса как его разновидности, устанавливаются его функции, структурные особенности, связанные с выделением субдискурсов и функциональных стилей юридического дискурса, а также его типологические характеристики.

Во второй главе *«Терминология испаноязычного юридического дискурса: семантические особенности»* исследуются характерные для испаноязычного юридического дискурса лингвистические явления, связанные с синонимией, полисемией и межъязыковой омонимией и паронимией юридических терминов, и разрабатываются дискурсивные механизмы для их преодоления, в частности, на основе установления полного или частичного единства семантического содержания двух терминов, систематизации терминов по отраслевому признаку, сопоставления дискурсивного контекста использования термина на испанском языке и его аналога на русском языке.

В третьей главе *«Терминология испаноязычного юридического дискурса: прагматические особенности»* рассматриваются проблемы дискурсивной прагматики функционирования ИЮТ, в частности, смысловые искажения при толковании и переводе ИЮТ международных договоров, проявления детерминологизации ИЮТ при функционировании в собственной дискурсивной среде и за её пределами, а также способы решения проблемы безэквивалентности ИЮТ при их переводе на русский язык.

В *Заключении* диссертации на основе проведённого исследования обобщаются его результаты и делаются научные выводы, раскрывающие специфику ИЮД и ИЮТ, функционирующих в его когнитивном пространстве;

определяются перспективы дальнейшего изучения семантических и прагматических особенностей употребления терминологии испаноязычного юридического дискурса, а также терминосистем иных профессионально ориентированных дискурсов.

В *Библиографический список* вошли 344 источника на русском, испанском, французском и английском языках.

В *Приложение* включены следующие материалы: перечень латинских выражений, используемых в качестве терминов Верховным судом Испании (Приложение 1); список испанских паремий, содержащих лексему *derecho*, с переводом на русский язык и толкованием (Приложение 2); алгоритм перевода, рекомендуемый для решения проблемы безэквивалентности испаноязычных юридических терминов (Приложение 3).

ГЛАВА I. ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

§ 1. Дискурс в зарубежных лингвистических исследованиях

Дискурсология – междисциплинарное научное направление и отрасль языкознания, которая возникла относительно недавно, во второй половине XX века. Термин «дискурс» впервые используется в лингвистике в 40–60-е годы XX века, и с тех пор происходит постепенное смещение фокуса научных исследований дискурса в сторону его рассмотрения во всем многообразии реального языкового взаимодействия коммуникантов. Дискурс, являясь самостоятельным предметом современных исследований, проводимых в различных областях знания и междисциплинарной плоскости, трактуется как способ видения мира, как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, как сам коммуникативный акт, обусловленный многомерным и многоплановым контекстом социального, идеологического, культурного характера, а также как его результат в виде текста или высказывания [Ларионова, 2026(а): с. 23].

Одним из основоположников дискурсологии заслуженно считают швейцарского лингвиста, создателя структурной лингвистики и семиологии Ф. де Соссюра. В «Курсе общей лингвистики», изданном в 1916 г. Ш. Балли и А. Сеше – учениками Ф. де Соссюра на основе его лекций, были противопоставлены два взаимосвязанных понятия – язык (*langue*) и речь (*parole*). Язык, по Соссюру, это важнейшая часть речевой деятельности, социальный продукт и совокупность необходимых условностей, принятых коллективом для обеспечения функционирования способности к речевой деятельности каждого индивида-члена общества и носителя языка, в то время как речевая деятельность имеет в качестве основы индивидуальные акты речевого общения [Соссюр, 1977: с. 47–49], посредством которых и происходит реализация системы языка. Ф. де Соссюр подчеркивал, что язык не является деятельностью говорящего, а представляет собой готовый продукт социального характера, пассивно воспроизводимый говорящим, в то время как речь есть индивидуальный акт воли и разума, в котором

человек пользуется языком как общеизвестным в конкретном социуме кодом для выражения мыслей [Соссюр, 1977: с. 52]. Речевая деятельность разнородна, в то время как язык по своей природе однороден и представлен системой языковых знаков, каждый из которых представляет собой единство понятия (*signifié*, означаемого) и соответствующего ему акустического образа (*signifiant,* означающего).

Существительное «дискурс» (*discours*) в труде употребляется не в качестве термина, неакцентированно и без сопровождающей дефиниции, а исследователи его трудов утверждают, что количество употреблений указанной лексемы было существенно сокращено при переиздании изначального варианта труда [Золян, 2023: с. 7–11]. С уверенностью можно утверждать только то, что Ф. де Соссюр сравнивает значения французских слов *parole* и *discours* в рамках значений немецкого слова *Rede*, говоря о том, что последнее содержит в себе не только значение слова *parole*, но и «специальный смысл» слова *discours*, который сводится к понятиям «выступление», «разговор» или «беседа» [Заложных, 2017: с. 12]. Несмотря на то, что в трудах Ф. де Соссюра лексема «дискурс» не получила полноценной теоретической разработки и не была введена в теорию лингвистики в качестве термина, сам факт её употребления не остался не замеченным его последователями.

Подчеркнем, что Ф. де Соссюр был основоположником структурного направления в языкознании, и в его труде, с известной оговоркой А. А. Холодовича о том, что эта фраза не была обнаружена ни в одном оригинальном конспекте и ни в одном цикле лекций [Соссюр, 1977: с. 18], сформулирован классический постулат о том, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр, 1977: с. 269]. Однако именно Ф. де Соссюр, отвергая идею о том, что речь должна быть объектом лингвистики, продвигая антитезис языка и речи, парадоксально удачно обратил внимание на их тесную и неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость, которая выражается в том, что язык необходим для того, чтобы речь была понятна и эффективна, а речь необходима для того, чтобы сложился язык, поскольку исторически речь

предшествует языку [Соссюр, 1977: с. 57]. Из этого следует, что развитие языка невозможно само по себе, без живой речи, без реального использования языка его носителями, и в этой связи становится очевидной практическая необходимость исследования процессов трансформации языка в речь и особенностей реального использования языка как системы знаков в актах коммуникации.

В 1943 г. бельгийский учёный-лингвист Э. Бюиссанс, развивая идеи Ф. де Соссюра, ввёл термин «дискурс» в качестве дополнения к соссюровской бинарной оппозиции «язык – речь» (*langue – parole*) – двух компонентов речевой деятельности (*langage*) и обозначил им механизм, опосредующий переход языка как знаковой системы в речь. Исходная формула приобрела трехзвенную структуру: язык – дискурс – речь (*langue –> discours –> parole*) [Buyssens, 1943]. Э. Бюиссанс утверждал, что язык невозможно изучать отдельно от речи: лингвистическую систему как таковую можно постичь только в конкретном коммуникативном акте, который следует рассматривать в качестве лингвистического факта (*fait linguistique*) – функциональной абстракции речи [2016: с. 211, 214]. По мнению Э. Бюиссанса, лингвист может приступить к исследованию, обращаясь исключительно к живой речи, к лингвистическим фактам, и поскольку последние относятся к категории актов социальной коммуникации, а не к языку, представляющему собой систему, то предметом изучения лингвистики не может быть собственно язык. Однако предметом лингвистики не может выступать и речь, поскольку она, будучи коммуникативным актом, насыщена нефункциональными элементами, от которых следует абстрагироваться. Лишь после абстрагирования от указанных элементов остается «лингвистический факт в чистом виде» – дискурс, и именно он должен составлять предмет изучения лингвистики, конечная цель которой состоит в том, чтобы установить правила использования языка [Бюиссанс, 2016: с. 214].

В 1952 г. американский филолог З. Харрис ввёл в лингвистику термин «дискурс-анализ» (*discourse analysis*) как метод изучения связной речи или письма, рассматриваемых в качестве некоего сверхфразового смыслового единства. З. Харрис обратил внимание на необходимость лингвистических исследований не

обособленных предложений, а их последовательностей, образующих целое (текст, разговор и т.п.), и выделил в качестве самостоятельной лингвистической единицы связный дискурс (*connected discourse*), представляющий собой единство последовательных высказываний вне зависимости от формы их совершения (устная или письменная) и объёма (от нескольких предложений до нескольких томов произведения), которое создаётся одним или несколькими людьми в определенной ситуации речи [Harris, 1952: p. 1–30].

В 1950–1960-е годы XX века под влиянием семиотики внимание исследователей смещается с предложения как основной синтаксической единицы к высказыванию, а затем к тексту, который рассматривается как сверхфразовое единство и начинает анализироваться с точки зрения акта коммуникации, детерминированного конкретной ситуацией [Ларионова, 2022: с. 30–31]. В середине 1960-х годов американский исследователь, основоположник антропологического подхода в социолингвистике Д. Хаймс смещает фокус лингвистических исследований с абстрактной языковой системы языка к реальному использованию языка в социокультурном контексте. Его междисциплинарный подход к лингвистическим исследованиям, получивший название «этнография речи», основывается на изучении использования языка в социокультурном контексте. Основной единицей этнографии речи представляется «речевое событие» (*speech event*) – целостный, ограниченный во времени и пространстве социально обусловленный акт коммуникации. Для анализа речевого события Д. Хаймс предложил формулу-акроним *SPEAKING*, в которой зашифрованы 7 факторов, обусловливающих любой речевой акт и требующих обязательного учёта при его анализе: ситуация общения, участники, их цели, собственно речевой акт, ключ (код) сообщения, канал связи, коммуникативные нормы, форма сообщения [Ларионова, 2026(а): с. 26].

Особую роль в концептуализации термина «дискурс» сыграла французская школа дискурс-анализа (Э. Бенвенист, Р. Барт, Ж. Делёз, Ж. Деррида, М. Фуко, М. Пешё, Ж. Бодрийяр и др.), возникшая в 1970-е годы на стыке философии и

лингвистики, в центре внимания которой оказались сверхтекстовые смысловые образования.

В 1974 г. французский ученый Э. Бенвенист определил дискурс как «речь, присваиваемую говорящим», противопоставив её повествованию (*histoire*), которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания. Предпринимая попытку коммуникативно-прагматического понимания дискурса, исследователь выводит на первый план говорящего и слушающего, при этом особое внимание уделяется роли личности адресанта и его намерений в отношении воздействия на адресата речевого акта в процессе коммуникации [Benveniste, 1974].

Развивая идеи Э. Бенвениста, М. Фуко определил дискурс как упорядоченную совокупность правил, высказываний и практик, которые детерминируют условия высказывания и непосредственно участвуют в формировании сознания индивидов – субъектов общества. М. Фуко обратил внимание на заложенный в дискурсе потенциал его использования в качестве инструмента реализации власти: будучи способом упорядочения действительности, именно дискурс позволяет воздействовать на способ мышления индивидов о различных аспектах реальности, устанавливать границы истинного и ложного, а значит, формировать такой способ восприятия субъектами действительности, который выгоден конкретной системе власти. Именно М. Фуко считается автором термина «дискурсивная практика» (*pratique discursive*), которым философ обозначил совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и в пространстве правил, которые в данную эпоху и для конкретного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания [2004: с. 227–228]. По М. Фуко, дискурс – это совокупность высказываний, зависящих от одной и той же дискурсивной формации [2004: с. 227]; дискурсивная формация, в свою очередь, рассматривается как совокупность правил и условий, которые определяют возможность появления, функционирования и трансформации высказываний внутри определённого дискурса, т.е. фактически это

принципы организации высказываний в рамках дискурса. Исходя из указанного выше следует, что дискурс благодаря дискурсивным формациям, заложенным в его основе, может рассматриваться в качестве мерила справедливости и социальной нормы в определенную историческую эпоху: отметим, что и современные исследователи обращают внимание на то, что институциональная специфика ЮД проявляется в рационализации жизненных событий и их переводе в пространство коммуникации в целях установить приемлемый для определённого общества в конкретный период времени консенсус [Храпова, 2019: с. 149]. В трудах М. Фуко впервые происходит выделение видов дискурсов по сферам коммуникации: в частности, в работе упоминаются политический, юридический, терапевтический, религиозный, медицинский и экономический и др. дискурсы [1996: с. 71–72].

Дальнейшее развитие идеи о дискурсивных практиках и потенциале воздействия дискурса на социум связано с трудами современного нидерландского ученого Т. ван Дейка – одного из основателей критического дискурс-анализа, теории дискурса и текста. Т. ван Дейк рассматривает дискурс в широком и узком смысле: с одной стороны, дискурс – это комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и др. контексте, а с другой стороны – это письменный речевой или вербальный продукт коммуникативного действия (то есть, это текст или разговор). Т. ван Дейк подчеркнул важность учёта когнитивного, прагматического и социального аспектов дискурса как сложного единства языковой формы, знания и действия [Дейк, 1989: с. 121]. Исследователь доказал, что для понимания и производства дискурса является ключевым контекст как субъективная ментальная модель, создаваемая коммуникантами в процессе общения на основе интерпретации и воспроизводства признаков социальной ситуации; именно под влиянием контекстной модели возникают конвенциональные практики и жанры дискурса [Дейк, 2013 (а), 2013 (б)]. Заслугой Т. ван Дейка стало выделение юридического дискурса (*legal discourse*) в качестве разновидности публичного дискурса наряду с медиадискурсом, политическим дискурсом и др., при этом возможность влияния на тот или иной вид публичного

дискурса определенной социальной группы или её отдельных лидеров позиционируется исследователем в качестве одной из важнейших составляющих социальной власти в целом [Van Dijk, 2015: p. 470].

Основы дискурсивных исследований в контексте прагматики как раздела семиотики, посвященного изучению отношений между знаками и их интерпретаторами, были заложены британским философом-лингвистом Джоном Остином, а затем развиты в работах американского исследователя Джона Сёрля. Прагматика рассматривается как совокупность системы средств и приемов, употребляемых адресантом высказывания для достижения своих целей, речевого воздействия на сознание и состояние адресата, его поведения, изменения его картины мира [Шевцова, 2015: с. 482]. В рамках этой теории семантическая вариативность лексем исследуется в зависимости от обстоятельств коммуникативной ситуации и экстралингвистических факторов. В своих лекциях «Как совершать действия при помощи слов» (*How to do things with words*) Дж. Остин ввёл понятие «речевой акт» в качестве основной единицы коммуникации в виде акта речи между говорящим и слушающим в ситуации непосредственного общения. Изначально Дж. Остин ввел дихотомическое деление речевых актов на перформативы и констативы: к первой группе философ отнес суждения, равносильные действию, ко второй – суждения, описывающие факты. Однако в дальнейшем ученый выявил целый ряд трудностей, связанных с разделением речевых актов на указанные группы: так, перформативы и констативы сближаются в случае высказываний, содержащих предупреждения о будущем (нейтрально сформулированный прогноз может содержать в себе прямую угрозу в отношении слушающего); грамматический критерий перформативности высказывания в виде формы глагола первого лица единственного числа настоящего времени оказался несостоятельным ввиду наличия очевидных семантических пересечений с иными грамматическими конструкциями (фраза «Я ставлю Вам оценку «хорошо» по смыслу равнозначна фразе «Вам ставится оценка «хорошо») [Никитин, 2018: с. 68]. Несмотря на признанное самим ученым стирание грани между констативами и перформативами, безусловно состоятельным и важным для теории языкознания

следует считать выделение в структуре речевого акта трех уровней: локутивный – собственное произнесение высказывания, иллокутивный – намерения, заложенные говорящим, и перлокутивный – воздействие, оказываемое на слушающего. Именно перлокутивный уровень речевого акта позволяет осуществлять изменения в окружающем их мире и в сознании собеседника, а также определяет конечную эффективность совершенного речевого акта в виде достижения или недостижения изначальной цели воздействия говорящего.

Среди испаноязычных исследований особый интерес представляет концепция социального конструкционизма аргентинского политолога Эрнесто Лаклау (*Ernesto Laclau*[3]) и бельгийского политолога Шанталь Муфф (*Chantal Mouffe*), представленная в 1985 г. в труде «Гегемония и социалистическая стратегия». Согласно указанной постструктуралистской теории, социальная реальность формируется через дискурс, который воспринимается как «горизонт осмысленности»: значения и объекты возникают не сами по себе, а в дискурсе и через него, в процессе артикуляции, и любая социальная практика является артикуляционной в одном из своих измерений [Laclau, Mouffe, 2001: p. 107, 114]. Таким образом, теория Лаклау и Муфф рассматривает дискурс как искусственно сконструированную среду, как результат артикуляции представлений о социальной реальности, в которой все значения относительны, а внутреннее содержание дискурсивных элементов определяется переменными значениями внешнего контекста. В этой связи дискурс представляется основным источником изучения социальной реальности, т.е. тех значений и смыслов, которые приписаны объектам, ценностям и практикам в конфигурациях дискурсивного поля [Ромашко, 2022: с. 50–51]. Дискурс представляется полем политической борьбы за смыслы, сущностью которой является борьба в сфере означающего – конкуренция за смыслонаделение, в ходе которой партикулярные смыслы посредством заполнения

[3] В подавляющем большинстве источников фамилия этого автора на русском языке указывается как Лакло. Такое прочтение соответствует французскому варианту произношения фамилии, что, вероятно, связано с его соавторством с бельгийским учёным. В диссертационном исследовании используется транскрипция испанской фамилии на русский язык в соответствии с правилами чтения в испанском языке.

«пустых», досл. «плавающих» означающих (*significantes flotantes*) репрезентируют универсальные [Ларионова, 2026(а): с. 38].

Со второй половины XX века испанские ученые активно разрабатывают прагматические характеристики дискурса. Э. Кальсамиглия Бланкафорт и А. Тусон Валльс предлагают социологическое видение дискурса как социальной практики, которая воплощается в контекстуальном лингвистическом использовании (*uso lingüístico contextualizado)* как в письменной, так и в устной форме; дискурс представляется как часть социальной жизни и одновременно как инструмент, создающий социальную реальность [Calsamiglia Blancáfort, 1999: p. 15]. М. В. Эскандель Видаль утверждает, что для полноценной реализации коммуникативной функции необходимо учитывать экстралингвистические факторы, такие как личность отправителя и личность получателя информации, вербальный контекст высказывания и коммуникативное намерение говорящего [Escandell Vidal, 1996; 2014]. К. Фуэнтес Родригес исследует дискурсивные элементы и лингвистические механизмы персуазивности – способов речевого воздействия автора сообщения на его реципиентов с различными прагматическими целями [Fuentes Rodríguez, 1996; 1999; 2000].

§ 2. Дискурсивные исследования в отечественной лингвистике

Изначально отечественная лингвистика основывалась на ***ситуативно-функциональном подходе*** к исследованию дискурса. По утверждению академика Ю. С. Степанова, дискурс в интерпретациях зарубежных исследователей соответствовал тому, что в русской лингвистике изначально обозначалось термином функциональный стиль речи или языка – особый тип текстов (разговорных, бюрократических, газетных и т.д.) и соответствующая каждому из этих типов текстов лексическая и грамматическая специфика [Степанов, 1995: с. 35]; это «язык в языке», представленный в виде особой социальной данности [Степанов, 1995: с. 43–44]. Данный подход во многом схож с испаноязычной научной парадигмой, которая оперирует понятием «жанры дискурса», выделяя их на основе функциональной направленности текстов. Однако дискурс не может существовать абстрактно: он реализуется прежде всего и главным образом в

текстах, обладающих собственными особенностями грамматики, семантики и синтаксиса, которые формируют «особый мир», и в каждом из этих миров действуют свои собственные правила синонимичных замен, свои правила истинности и свой этикет [Степанов, 1995: с. 44]. Классическим определением дискурса, без которого не обходится ни одно исследование дискурса, является дефиниция Н. Д. Арутюновой: дискурс – это «речь, погруженная в жизнь», при этом функционально дискурс рассматривается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и иными факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: с. 136–137]. Дискурс рассматривается как единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в его результате объекта – текста, и благодаря этому двуединству дискурс может изучаться и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект [Кибрик, 2009: с. 3].

В дальнейшем исследователи стали обращать всё больше внимания на экстралингвистические факторы коммуникации, дискурс стал предметом междисциплинарных исследований, и на современном этапе выделяются два основных направления дискурсивных исследований – когнитивно-коммуникативное и прагмалингвистическое.

Когнитивно-коммуникативный подход к рассмотрению дискурса предполагает, с одной стороны, рассмотрение языковой деятельности в качестве разновидности ментального процесса познания и мышления, а с другой стороны, как социального взаимодействия (общения). С точки зрения когнитивно-коммуникативного подхода осуществляется анализ того, как структура текста и языковые единицы формируются под влиянием контекста, целей общения и когнитивных моделей участников, как взаимосвязаны структура текста и ситуация общения. Дискурс представляется в качестве инструмента конструирования и воспроизводства смысла. Представители когнитивно-коммуникативного подхода рассматривают языковую деятельность человека в качестве разновидности когнитивной наряду с такими процессами, как репрезентация знаний, память,

внимание и сознание. Когнитивный подход в дискурсивном анализе предполагает выход в сферу экстралингвистики и поиск когнитивных, культурных и социальных объяснений наблюдаемых языковых явлений, что позволяет закрепить за дискурсом статус центрального объекта лингвистики, поскольку именно он не является заведомо теоретическим конструктом [Кибрик, 1994: с. 127]. Дискурс по своей сути – явление когнитивное, поскольку имеет дело с процессом передачи знаний, с оперированием знаниями особого рода, а также с созданием новых знаний, и вне зависимости от формулировки дефиниции дискурса (как речи, как речевой деятельности или как использования языка) её следует дополнять введением сведений, составляющих лингвокультурологический и социальный контекст использования языка, личностные качества участников дискурсивной деятельности и сведения, отражающие акт использования языка и его результаты в режиме реального времени; в этой связи под дискурсом может пониматься и отдельный коммуникативный акт, который, разворачиваясь в определенных лингвокультурологических и социальных условиях и между конкретными участниками, описывается с учетом всего разнообразия указанных условий и в реальной зависимости от них [Кубрякова, 2012: с. 122–123]. Дискурс воспринимается как «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора», и в ходе интерпретации происходит как реконструирование мысленного мира, в котором сам автор конструировал дискурс, описывая реальное и нереальное (желаемое) положение дел, так и домысливание интерпретатором деталей, формирование собственной оценки [Демьянков, 2002: с. 31–32]; следовательно, дискурсивный анализ является когнитивной деятельностью, направленной на уяснение сути сказанного с учетом особенностей собственного субъективного восприятия.

В рамках ***прагмалингвистического подхода*** дискурс изучается с точки зрения воздействия на адресата посредством речевых инструментов, и особое внимание уделяется исследованию языковых форм реализации интенций говорящего в реальной ситуации общения. Прагмалингвистический подход исследует способ общения в широком смысле и основан на противопоставлении

таких видов общения, как серьезное и несерьезное, ритуальное и неритуальное, информативное и фасцинативное (имеющее целью воздействие на собеседника), фатическое (нацеленное на установление и поддержание контакта) и нефатическое, прямое и непрямое [Карасик, 2002: с. 151–152]. С позиции прагмалингвистики дискурс – это интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, а также оказание воздействия друг на друга [Карасик, 2004: с. 5].

Завершая обзор современных зарубежных и отечественных дискурсивных исследований, отметим, что все они рассматривают дискурс с разных точек зрения и не выявляют существенных противоречий между собой. В этой связи наиболее эффективным следует признать синтез разных научных подходов, поскольку именно он позволяет учесть научные достижения всех научных школ и направлений исследований в области дискурсологии.

§ 3. Юридический дискурс в российском и зарубежном языкознании

3.1. Понятие юридического дискурса

Юридический дискурс (ЮД) относительно недавно становится объектом научных исследований как для российских, так и для зарубежных ученых.

Самостоятельной теоретической проблемой, которую необходимо решить до исследования существующих научных подходов к юридическому дискурсу, является соотношение двух терминов – *юридический дискурс* и *правовой дискурс*. Их возникновение связывают, в частности, с разнообразием подходов к исследованию коммуникации в государственно-правовой сфере (например, с точки зрения лингвистики, права, философии и т.п.), а также с разграничением понятий «право» и «юриспруденция», которые не являются тождественными [Батюшкина, 2022: с. 15]: юриспруденция происходит от лат. *jūs* – «право» и *prūdentia* – «знание, предвидение» и означает буквально «знание о праве», т.е. право – это предмет юриспруденции как науки. Право являет собой социальный регулятор в виде совокупности общеобязательных норм, обеспеченных силой государственного принуждения, в то время как юриспруденция как наука о праве охватывает не только сферу норм права, но и сферу правоприменения – комплексной

государственно-властной деятельности, которая направлена на претворение в жизнь предписаний правовых норм [Теория государства и права, 2019: с. 158]. Следовательно, термин *юридический* дискурс и правовой дискурс соотносятся как общее и частное. Из этого утверждения следует, что правовой дискурс обладает всеми свойствами юридического, не исключая наличие собственных, присущих только ему черт. Исходя из приведенного выше определения права также следует, что правовой дискурс может называться нормативным (или нормативно-правовым), поскольку он выстраивается вокруг и по поводу нормативно-правовых актов разного уровня. Кроме того, если принимать во внимание разделяемый многими специалистами широкий подход к определению понятия «законодательство» как совокупность всех существующих нормативно-правовых актов (как законов, так и подзаконных актов), а не только собственно законов [Хамнуев, 2003: с. 17], то правовой дискурс может считаться тождественным законодательному дискурсу.

Дискурс как социально-коммуникативная практика обладает собственным семиотическим содержанием, детерминирует взаимодействие между людьми и регулирует когнитивные механизмы сознания и мышления [Ларионова, 2022: с. 43]. Рассмотрение ЮД в семиотическом измерении соответствует социологической теории права, возникшей на рубеже XIX–XX веков в качестве антагониста теории юридического позитивизма. Сторонники социологической юриспруденции, основоположником которой считается немецкий юрист Р. фон Иеринг, противопоставляли понятия «закон» (позитивное, писаное право) и собственно «право» («живое право» – реальные правоотношения, возникающие в обществе, и складывающийся на их основе правопорядок). С точки зрения социологической теории подлинное, «живое право» воплощается не в текстах законов, а в их реализации, и если закон – это сфера должного, то право – сфера сущего, реально сложившегося в жизни. Право – это не то, что было задумано и написано законодателем, а то, что получилось в действительности, в практической деятельности адресатов норм, в процессе правоприменения, в судебной практике. Справедливо и обратное: право всегда следует за правоотношениями, которые

первичны. Таким образом, как причины возникновения права, так и конечный результат правоприменения следует искать в самой жизни.

Право – это сложное, многогранное явление, и связь права как социального регулятора и общества как объекта регулирования отнюдь не ограничивается установлением иерархической системы общеобязательных формально-определенных правил поведения, установленных государством и охраняемых его принудительной силой [Теория государства и права, 2019: с. 26]. Нормы права, являясь социальными нормами и сохраняя их основные черты, обладают специфическими характеристиками, которые необходимо учитывать при их исследовании в качестве языкового материала, создаваемого в контексте ЮД [Теория государства и права, 2014: с. 199–200]:

– формальная определенность как способность права существовать в специфической юридической форме – в законодательстве, которое в широком смысле включает не только законы, но и все виды нормативных правовых актов; формальная определенность затрагивает и ненормативные акты – договоры, которые являются обязательной нормой для участников конкретных правоотношений; из этого следует, что ЮД основывается прежде всего на текстах различных актов, исходящих от государства или от иных лиц, но охраняемых государством;

– выражение идеи социальной справедливости и воздействие на сознание и чувства людей таким образом, чтобы они добровольно, по внутреннему убеждению подчинялись правовым предписаниям; следовательно, реализация прагматической функции в пространстве ЮД зависит во многом от того, насколько участники дискурса, с одной стороны, убеждены в справедливости тех или иных требований закона и конкретных лиц, обеспечивающих их исполнение, а с другой – насколько эффективно участники дискурсивного общения используют не только языковые, но и экстралингвистические средства для обоснования своей позиции и достижения собственных дискурсивных целей коммуникации в каждом конкретном случае;

– процедурность, установленная для реализации права; процедуры носят обязательный характер и конкретизируют права и обязанности участников правового общения в зависимости от той или иной процессуальной отрасли права (так, существуют уголовный, гражданский, административный процесс и др.); в рамках ЮД процедурность реализуется в виде ритуальности.

Справедливо замечено, что право на современном этапе развития представляет собой семиотическую систему с присущими ей взаимоувязанностью, целостностью и эффективностью [Рекош, 2016(а): с. 20].

В российской науке юридический дискурс получил теоретическую разработку относительно недавно – с начала XXI века. Следует согласиться с утверждением о том, что в настоящее время ЮД является одним из самых востребованных дискурсов современности ввиду того, что репрезентирует комплекс взаимоотношений между человеком и обществом [Новикова и др., 2020: с. 32]. Также исследователями подчеркивается, что ЮД – сложное, многомерное, интегративное явление, которое может исследоваться исключительно комплексно, в междисциплинарной плоскости [Дединкин, 2021: с. 221]. ЮД рассматривается как разновидность институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков, формирующих различные формы общения, в которых субъект или объект, адресат или адресант имеют отношение к сфере юриспруденции [Косоногова, 2008: с. 189].

Обобщая актуальные исследования ЮД, следует выделить три основных направления: философское, лингвистическое и юрислингвистическое – на стыке права и лингвистики, в междисциплинарном пространстве юрислингвистики, или юридической лингвистики.

С точки зрения философии юридический дискурс рассматривается в преломлении социально-философской методологии юридической герменевтики, процессов правового мышления и способов интерпретации юридического дискурса, а также направленности юридического дискурса на трансформацию действительности. Так, правовой дискурс рассматривается в качестве совокупности тематически однонаправленных высказываний, кодируемых

различением «правовое / неправовое», содержанием которых являются отношения, обладающие свойством «юридичности» [Пономарёв, 2013: с. 12]. С позиции юридической герменевтики, изучающей механизмы нахождения и придания юридического смысла конкретным ситуациям, под ЮД понимается целый ряд понятий: конкретное высказывание в юридическом контексте, воздействие юридического высказывания на его адресата с учетом коммуникативной ситуации, сам юридический контекст, тип юридического высказывания, имеющий социальные и идеологические ограничения, а также теоретический правовой конструкт – контекст природы права, истории и теории государства и права и т.д. При этом все три предлагаемые разновидности интерпретации ЮД (формальная, функциональная и ситуативная) предполагают учет таких элементов, как целостность юридического контекста, особенности использования языка юридической науки, а также социальные, политические, психологические и культурно-значимые условий реализации ЮД [Писаревский, 2004 : с. 13–14]. ЮД в качестве культурного феномена определяется как регламентированная определенными историческими и социокультурными кодами и традициями смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, направленная на формулирование норм, правовое закрепление, легитимацию, регулирование и контроль общественных отношений, при этом процессы смыслообразования непосредственно связываются с процессом регулирования социальных отношений между индивидами [Кожемякин, 2011: с. 131].

С позиции лингвистики юридический дискурс традиционно рассматривается в качестве институционального (статусно-ориентированного) дискурсивного пространства, обладающего собственными структурными, прагмалингвистическими и прагмастилистическими особенностями. ЮД – это коммуникативное пространство профессионального взаимодействия юристов, которое объективируется в различных ситуациях строго регламентированной деятельности, осуществляемой в целях разрешения профессиональных задач в сфере права. Опираясь на классическую дефиницию дискурса, предложенную Н. Д. Арутюновой, в соответствии с которой дискурс есть «речь, погруженная в

жизнь» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: с. 136–137], ЮД следует трактовать как профессиональную коммуникацию юристов, «погруженную в жизнь» и детерминируемую юридико-правовой деятельностью. При этом то, что является «жизнью», следует воспринимать не только как реальные ситуации профессиональной коммуникации, но и толковать шире, включая те самые «жизненные обстоятельства», которые составляют референциальный аспект правовых ситуаций, на разрешение которых и нацелен весь ЮД как статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии со сложившейся системой ролевых предписаний и норм поведения в ситуациях институционального общения, определенных правом [Палашевская, 2010(а): с. 535, 539].

ЮД представляется как совокупность устных и письменных юридических текстов, отображающих намерения адресанта и содержащих специальные понятия профессиональной сферы права [Кубиц, 2005: с. 8]. ЮД позиционируется в качестве необходимой среды для реализации семантических и прагматических свойств юридических терминов, которые им придают реципиенты в процессе правовой коммуникации [Салтыков, 2015: с. 26].

Отдельного внимания заслуживают исследования ЮД *с точки зрения лингвосемиотики* – науки, синтезирующей лингвистику и семиотику и занимающейся изучением языка как знаковой системы. Семиотика в качестве перспективного направления дискурсивной лингвистики расширяет представление о речевом акте посредством учёта влияния на процесс коммуникации вербальных и невербальных знаковых кодов, а также иных экстралингвистических факторов. Семиотическое пространство включает вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых являются мир права и прецедентные высказывания, различные модели речевых действий, специфических для общения в данной сфере [Храмцова, 2010: с. 99]. Вербальные и невербальные знаки, таким образом, функционируют в юридическом дискурсе в качестве самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Лингвосемиотические исследования ЮД позволяют рассматривать его одновременно в двух измерениях

– реальном и виртуальном (потенциальном) [Шейгал, 2004: с. 12–13]. В реальном измерении правовая коммуникация представляет собой профессионально детерминированную дискурсивную деятельность в определённом социальном пространстве, которая подчиняется установленному процессуальному порядку, а в виртуальном – это семиотическое пространство, в котором адресант и адресат взаимодействуют в профессиональной правовой сфере через установленный канал связи [Лотман, 1996: с. 163].

Прагма-когнитивный подход к изучению дискурса ставит в центр исследовательского внимания речевое действие. Его участниками являются языковые личности – дискурсивные коммуниканты, которые действуют в рамках определённых обстоятельств и условий общения [Карасик, 2000: с. 27]. Речевое действие предполагает не только сами высказывания, но и иную дискурсивную прагматику, которая способствует достижению иллокутивных целей дискурсивных коммуникантов при их взаимодействии. Так, рассматривая судебное заседание в качестве элемента юридического дискурса, можно выделить такие его ритуальные признаки, как наличие закреплённого порядка действий, отступление от которого недопустимо (процессуальность), жёстко фиксированные роли и иерархия участников (что выражается, в частности, через обязательные вербальные и невербальные действия, такие как официальные обращения к суду и обязанность всех лиц, присутствующих на судебном заседании, вставать при появлении судей), клишированность речи и использование специализированной, профессиональной терминологии; символьная нагруженность вещей и артефактов (униформа, ритуальные предметы); привязанность к определённому месту (зал судебных заседаний) и др. [Извекова, 2006: с. 11–12]. Таким образом, вербальные и поведенческие ритуалы, формулы обращения, жесты и конкретные действия, знаки, вещи и артефакты функционируют как самостоятельные элементы семиотического пространства юридического дискурса в общем и совершаемых в его пространстве речевых действий, в частности, которые обеспечивают реализацию ритуальности как имманентной характеристики ЮД.

ЮД может рассматриваться *с точки зрения лингвокультурологии* в качестве одной из важнейших составляющих национального лингвокультурного пространства: трансформация юридических подходов к регулированию различных правовых институтов, отображенных в памятниках права разных эпох и в действующих нормативно-правовых актах, позволяет оценивать эволюцию представлений народа о справедливости и допустимых методах ее достижения. В этой связи исследование правового регулирования различных правовых институтов, обозначаемых терминами, позволяет оценить их не только в качестве элемента охраняемых государством социальных отношений, но и как дискурсивную номинацию, отражающую специфику вербализации социокультурных традиций в различных национально-языковых картинах мира. С этой точки зрения в исторической ретроспективе в качестве компонентов, формировавших национально-культурное восприятие различных правовых институтов, а значит, и закладывавших основы дискурсивного пространства, следует рассматривать, среди прочего, картины: особую роль в становлении национальной государственности в Испании на рубеже XV–XVI вв. сыграла живопись, которая в те времена представляла собой один из политико-правовых и социальных инструментов, направленных на формирование определенного типа идентичности [Калинина, 2020: с. 375].

С точки зрения юрислингвистики юридический дискурс рассматривается сквозь призму социально-регулятивной функции права, проявляющейся на всех этапах правовой деятельности – от создания правового предписания и до контроля в сфере правоприменения. Поскольку в качестве предмета изучения юрислингвистики выступают прежде всего те языково-правовые явления, которые обладают потенциалом конфликтогенности [Барабаш, 2014: с. 16], ЮД следует рассматривать в качестве пространства, позволяющего решить несоответствия, возникающие при декодировании информации, заложенной в нормативно-правовом акте законодателем, в процессе правоприменительной деятельности. ЮД исследуется в качестве понятийного поля юридического познания – опосредованного правом и культурно-историческими факторами научного и

творческого процесса получения информации, который направлен на восприятие достоверных сведений о праве в целях их дальнейшего использования в соответствии со своими социальными функциями и интересами; при этом дискурс и текст соотносятся как процесс и продукт речевого общения, как динамичное и статичное [Боруленков, 2018: с. 178–179]. ЮД, реализуясь в коммуникативных общностях институционального типа, занимающихся различными видами юридической деятельности (парламент, суд, прокуратура и т.п.), представляется как регламентированная традициями смыслообразующая деятельность, направленная на формулирование правовых норм и на регулирование и контроль общественных отношений посредством системы нормативных предписаний [Боруленков, 2013: с. 18]. Под правовым дискурсом понимается «общий знаменатель» информационного взаимодействия в сфере права, конвенциональная правовая среда; это системообразующий фактор для метасистемы права – комплекса связанных единой природой права различных способов концептуализации права [Гарашко, 2020: с. 22]. Наиболее лаконичное и вместе с тем точное определение, отсылающее к известной формуле Н.Д. Арутюновой, представлено в монографии Н.Г. Храмцовой: правовой дискурс – это право, помещенное в контекст дискурса, в контекст речевой мыслительной деятельности, и правовой дискурс в качестве юридического феномена предопределен иными правовыми компонентами, а именно правовым мышлением, базирующимся на сложившейся культуре мыслящего индивида, а также результатами правового мышления, которые объективируются в юридической речи и языке [Храмцова, 2010: с. 9–10].

Обзор дискурсивных исследований в испаноязычных странах следует начать с существенной проблемы терминологического характера: в испанском языке лексема *discurso*, используемая в качестве термина лингвистики, имеет два взаимосвязанных, но разных значения[4]:

– единица, равная или превышающая высказывание, составляющее сообщение (иными словами, *discurso* – это собственно речевое высказывание);

[4] https://dle.rae.es/discurso

– язык в действии, в особенности язык, выраженный в текстовых единицах (например, *lingüística del discurso* – лингвистика дискурса).

Вероятно, именно этим акцентом на речевой деятельности (от одного высказывания до полноценных текстов, следуя постулатам З. Харриса) обусловлен факт того, что в испаноязычных научных трудах, посвященных дискурсу, преобладает подход, в соответствии с которым дискурс имеет в своей основе текст.

Так, в онлайн-издании *Libro de estilo de Justicia*, изданной под эгидой RAE[5], указано, что термин *discurso* является многозначным и в рассматриваемом издании означает «устный или письменный текст, характеризующийся коммуникативной модальностью, для которой важна природа передаваемого сообщения (действия, объекты, аргументы, призывы к действию, управленческие действия и т.п.); цель, преследуемая отправителем (коммуникация, повествование, убеждение); отношения с собеседником и с обстоятельствами, а также композиционная стратегия» [6]. Данный тезис в целом охватывает классические дискурсивные компоненты, однако далее следует перечисление типов дискурса, наиболее тесно связанных с языковыми особенностями речевой практики юристов (*lenguaje jurídico*): аргументативный, описательный, повествовательный, пояснительный и апелляционный дискурсы, которые, в свою очередь, могут пересекаться в различных юридических жанрах (например, в судебных решениях могут совпадать повествование и описание в части изложения фактических обстоятельств, пояснения и аргументы – в части изложения правовых обоснований). Из этого перечисления становится очевидным, что дискурс (*discurso*) представляет собой практическую реализацию речевой практики юристов (*lenguaje jurídico*), под которой, в свою очередь, понимается разновидность языка, используемая в юридических, судебных, административных, нотариальных и других текстах, относящихся к правоприменению и создаваемых адвокатами и иными лицами,

[5] Real Academia Española y Consejo General del Poder Judicial: Libro de estilo de la Justicia [en línea]. URL: https://www.rae.es/libro-estilo-justicia/presentación [Consulta: 02/05/2026].

[6] https://www.rae.es/libro-estilo-justicia/g%C3%A9neros-y-discursos-jur%C3%ADdicos/tipos-de-discurso-en-el-lenguaje-jur%C3%ADdico

работающими в судебной системе [7]. Именно в этом значении критикуется излишний формализм профессионального дискурса, используемого в юридической среде, и необходимость для сообщества юристов приложить усилия к тому, чтобы сделать его более понятным (*lenguaje comprensible*), более соответствующим лексике, используемой обычными гражданами. Среди проблем, требующих решения, выделяются использование устаревших слов, излишнее и неоправданное использование латинских выражений, а также избыточно сложные синтаксические конструкции [Gettial Perengüez, 2019: p. 16–17].

Одним из крупнейших исследователей дискурса считается испанский исследователь Грегорио Роблес (*Gregorio Robles*) – основоположник коммуникационной теории права (*teoría comunicacional del derecho*). С его точки зрения, право следует понимать как явление коммуникации, а не только как принудительный порядок человеческого поведения, средство социального контроля и идеал справедливости. Автор поддерживает тезис о лингвистическом характере права и на основе объединения герменевтического и аналитического методов исследует различные дискурсы, лежащие в основе права [Robles, 1998: p. 10]. Поддерживая семиотическое рассмотрение дискурса, которое опирается на действия и участников ЮД, Роблес рассматривает юридические решения как речевые акты двух типов: внесистемные (экстрасистемные) решения, представленные в конституирующем решении, и внутрисистемные (интрасистемные) решения, представленные в решениях, принимаемых на основе конституирующего [Robles, 1998: p. 18]. Указанное дихотомическое деление подчеркивает исключительно коммуникативный характер права, поскольку ЮД оказывается организационно-регулятивным текстом, где любое обсуждение можно легко перенести в поле вербализации правовых реалий посредством языкового выражения содержания актов нормативного характера, их аргументов и согласованности нарративов.

Элена Кальсамиглия Бланкафорт (*Helena Calsamiglia Blancáfort*) и Ампаро Тусон Валльс (*Amparo Tusón Valls*) связывают возникновение дискурсивных

[7] https://www.rae.es/libro-estilo-justicia/el-lenguaje-jur%C3%ADdico

практик с публичными и частными сферами общественной жизни, существование которых они обусловливают: так, правосудие (*justicia*) указывается в качестве примера сферы социальной жизни, существование которой невозможно представить без использования слова [Calsamiglia Blancáfort, 1999: p. 16].

Испанский ученый Элиса Мореу Карбонель (*Elisa Moreu Carbonell*) исследует право с точки зрения лингвистики, подчеркивая, что право представляет собой особую коммуникативную практику («*El derecho es un lenguaje*») [Moreu Carbonell, 2020: p. 354]. Лингвистический поворот в исследовании права позволяет, с её точки зрения, рассмотреть такие важные для всей сферы права вопросы, как эмотивные аспекты юридической коммуникации, персуазивное использование языка и влияние социально-политического контекста на дискурсивные коммуникации. Лексическое, семантическое и прагматическое измерения рассматриваются как взаимно дополняющие на пути достижения большей юридической рациональности. Лексико-семантический подход позволяет понять, как юридические концепты воплощаются посредством языка, а также установить их значение и эволюцию смыслов. Лексическое варьирование в ЮД никогда не может рассматриваться как простая игра слов, поскольку право не является нейтральным, будучи инструментом власти (так, например, термины «устойчивость», «прозрачность», «историческая память», «правовая определенность» или «инклюзивность», с точки зрения Моро Карбонель, тонко формируют реальность и направляют поведение граждан. Использование одних и тех же ЮТ не означает неизменность самих юридических концептов, стоящих за ними, и наоборот, вновь возникающие ЮТ могут скрывать за собой концептуальный вакуум. Прагматический поход в дискурсивных исследованиях необходим для адаптации юридического языка к контексту его использования и для оптимизации коммуникации. В рамках прагматического подхода предлагается выделить различные уровни юридических текстов, которые не допускают применения одинакового для всех подхода. Язык предстает инструментом управления поведением, и юридические тексты могут влечь за собой очень разные последствия в зависимости от используемой в них «лингвистической формулы».

Однако лингвистический поворот в праве ставит вопрос о необходимости обеспечения понятности юридического языка его адресатам, поскольку минимальная ясность языка является обязательным и непреложным условием эффективности любого диалога, а это, в свою очередь, укрепляет доверие граждан к институтам и механизмам социального контроля [Moreu Carbonell, 2020: p. 355].

Перуанский исследователь Хайме Франсиско Коагила Вальдивиа (*Jaime Francisco Coaguila Valdivia*) полагает, что дискурсивный анализ права включает в себя не только нормативную составляющую и не исчерпывается источниками права (т.е. не ограничивается собственно текстом), но должен применяться к любому высказыванию юридического характера, совершаемому в правовой сфере [Coaguila Valdivia, 2005: p. 167].

Темой юридического дискурса активно занимается целый ряд исследователей из Аргентины.

Пилар Самбрано (*Pilar Zambrano*) рассматривает право как дискурс и как социальную практику. В качестве дискурса право представляет собой совокупность речевых актов, а в качестве социальной практики право рассматривается с точки зрения таких целей и намерений участников коммуникаций, которые отличаются от иных видов социальных практик [Zambrano, 2009: p. 110]. Исходя из утверждения о том, что успех любой языковой коммуникации зависит от того, насколько точно лицо, воспринимающее информацию, приближается к прагматическому замыслу говорящего, и рассматривая любое юридическое утверждение как речевой акт, автор заключает, что успех восприятия высказываний юридического характера зависит от того, насколько адресат сможет воспринять прагматический замысел автора нормы [Zambrano, 2009: p. 117].

Орасьо Гильермо Корти (*Horacio Guillermo Corti*) исследует ЮД с точки зрения философии права и, развивая идеи Карлоса Эдуардо Анчуррона (Carlos Eduardo Anchourrón) и Эухенио Булыгина (Eugenio Bulygin), разрабатывает дискурсивную структуру, которая состоит из нескольких уровней, формирующих базовую форму юридического дискурса (*forma básica del discurso jurídico*):

юридический текст, собственно право, юридическая догматика и общая теория права [Corti, 1997: p. 113].

Грасиела Э. Альварес (*Graciela E. Álvarez*) рассматривает ЮД как коммуникативный процесс вербализации и интерпретации правового содержания (*proceso enunciativo-interpretativo*), который основывается на анализе адресантов высказываний, отношений, которые устанавливаются с адресатами, а также используемых ими аргументативных стратегий. Последние применяются в контексте коммуникативного ритуала, свойственного правовой сфере, и имеют целью убедить аудиторию, опровергнуть неблагоприятные тезисы, вписать дискурс в систему сложившихся ценностей или произвести разрыв с ними. Однако ЮД включает в себя и совокупность знаний и культурных компонентов, которые должны быть усвоены всеми будущими юристами для раскрытия своего профессионального потенциала [Álvarez, 2008: p. 139–140].

Каролина Кинта Гой (*Carolina Quintá Goy*), рассматривая проблемы гендерной инклюзивности в юридической коммуникативной практике, выделяет две составляющие: собственно нормы юридической коммуникативной практики (*lenguaje legal*), т.е. нормативное использование ЮТ в правовых документах, и их конкретную реализацию в практической деятельности юристов (*lenguaje de los juristas*) [Quintá Goy, 2022]. Исследователь разделяет воззрения Херардо Рибейро (*Gerardo Ribeiro*) о том, что цель ЮД заключается в том, чтобы участники судебного процесса согласились с тем, что предлагает говорящий; в частности, он стремится к тому, чтобы судья удовлетворил его ходатайства и выразил согласие с позицией участника процесса в вынесенном решении. В этой связи выделяют три риторические функции юридического дискурса: убедить, уговорить и склонить на свою сторону (*convencer, persuadir y seducir*) [Ribeiro, 2013: p. 242].

3.2. Функции юридического дискурса

ЮД выполняет целый ряд функций, которые во многом основываются на функциях права как регулятора общественных отношений. Выделяются восемь основных функций ЮД [Палашевская, 2010(а): с. 536].

– Регулятивная функция состоит в упорядочении социальных отношений посредством создания нормативного контекста, установления общеобязательных правил поведения и правовых предписаний, обязательных для выполнения всеми участниками дискурса. Данная функция основывается на установлении и сохранении социально значимых норм и ценностей.

– Перформативная функция состоит в том, что посредством актов коммуникации, имеющих правовой характер, появляется возможность не только описывать правовую действительность, но и создавать новую правовую реальность, в которой действия совершаются посредством произнесения или написания слов. Речевые акты, совершенные по заранее установленным правилам в пространстве ЮД, изменяют правовой статус, права и обязанности субъектов. Данная функция ЮД является одной из важнейших, поскольку именно она трансформирует правовые нормы из абстрактно сформулированных правил, содержащих права субъектов, в конкретные действия, имеющие юридически значимые последствия. С перформативной функцией связывают функцию презентации, которая направлена на формирование позитивного отношения к системе права в целом и на поддержание авторитета системы права, а также стратегическую функцию, предполагающую выбор нормативно обусловленных коммуникативных стратегий и тактик дискурсивного взаимодействия для достижения коммуникативных целей [Федулова, 2015: с. 55].

– Информативная функция состоит в создании, трансляции и ретрансляции смыслов, определяющих суть того или иного института, т.е. обеспечении непрерывности информационных потоков в пространстве ЮД для обеспечения надлежащей степени осведомленности всех коммуникантов ЮД и эффективности их дискурсивного взаимодействия. В рамках информативной функции реализуются функция интерпретации, функция хранения – формирования «институциональной памяти», а также кодовая функция в виде создания специального информационного поля, в котором используется специальный язык для эффективной реализации дискурсивных целей и задач [Федулова, 2015: с. 53–54].

– Интерпретационная функция состоит в толковании, уяснении смысла действий и интенций дискурсивных коммуникантов, в том числе актов нормативно-правового характера и судебных решений. Отметим, что толкование как когнитивный процесс осознания правовой реальности во всех ее проявлениях является обязательным процессом, происходящим на всех этапах взаимодействия коммуникантов ЮД, и охватывает толкование нормативно-правовых актов для целей надлежащего применения того или иного положения закона и действие коммуникантов дискурса для установления того, подпадают ли они под действие соответствующей нормы права. Толкование нормы права обеспечивает «жизнь» правовых норм, и эффективность реализации интерпретационной функции ЮД обеспечивает существование права как реального социального регулятора, обеспечивающего жизнь всего общества, а не только как формально закрепленных правил поведения.

– Кумулятивная функция состоит в создании «институциональной памяти», накоплении правового опыта, т.е. формировании той самой правовой традиции, которая обеспечивает стабильность права как социального регулятора и формирует правосознание в обществе.

– Презентационная / символическая / ритуальная функция состоит в поддержании авторитетности права как социального регулятора и привлекательности дискурсивного пространства для профессиональных и непрофессиональных коммуникантов, их убежденности в том, что дискурсивный потенциал позволит им защитить свои права и законные интересы.

– Стратегическая функция выражена в наличии у коммуникантов заранее установленного выбора стратегий и тактик взаимодействия в дискурсивном пространстве для эффективного достижения собственных коммуникативных целей в процессе институционального взаимодействия. Программа коммуникативных ходов, которыми могут воспользоваться участники дискурса, заложена в процессуальных кодексах, правилах подачи документов, установленных в различных органах власти. Среди стратегий, предоставляемых ЮД, выделяются агональная (основанная на конфликте и достижении собственных интересов через

противоборство и противопоставление интересов коммуникантов) и консенсуальная (основанная на цели достижения компромисса, выгодного всем участникам) стратегии взаимодействия, применяемые в ходе судебных тяжб; стратегии принуждения и дозволения, применяемые в сфере нормотворчества; стратегии предостережения, одобрения и поощрения, применяемые в сфере взаимодействия между работодателями и работниками и т.д.

– Кодовая функция – создание специальных знаковых систем, предназначенных для освоения дискурса и его использования профессиональными коммуникантами с целью более эффективного достижения дискурсивных целей. Эта же функция отграничивает профессиональных и непрофессиональных коммуникантов дискурса (т.е. агентов и клиентов), обеспечивает устойчивость используемых профессиональными коммуникантами терминологических конструкций.

Выделяются и иные функции ЮД. Так, обособляются прескриптивная, аргументирующая и декларативная функции [Новикова и др., 2020: с. 33]. Вместе с тем декларативная (установление социально значимых ценностей и правовых идей) и прескриптивная (т.е. предписывающая) функция может рассматриваться как частное проявление регламентирующей функции, а аргументирующая функция, предполагающая обоснование правовой позиции, в большей степени характерна для отдельных видов юридического дискурса (прежде всего судебного и административного).

3.3. Субдискурсы и функционально-стилистические разновидности юридического дискурса

Субдискурс – термин, используемый для обозначения частной разновидности профессионального дискурса [Голованова, 2013: с. 33]. В структуре ЮД как единого, целостного и неделимого дискурсивного пространства субдискурсом следует считать институционально и функционально обособленную разновидность ЮД, которая обладает собственными отличительными признаками, связанными с ролью коммуникантов, характером и процедурными особенностями

их взаимодействия, а также целями и формой фиксации результатов конкретной дискурсивной коммуникации.

Анализ существующих подходов к классификации видов юридического дискурса позволяет выделить два основных подхода к дифференциации субдискурсов – подход, основанный на концепции трёх ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) [8], и подход, основанный на разграничении российского и зарубежного права, отдельных правовых институтов и отраслей права, частных аспектов регулирования, различных видов юридической практики и юридических текстов [Батюшкина, 2022: с. 20–25]. Так, выделяются юридический дискурс уголовного права и криминалистики, юридический дискурс банковского права, юридический дискурс административного права, юридический дискурс конституционного права, юридический дискурс международного права и др.; при этом для каждой отрасли права характерна своя упорядоченная терминологическая система [Виноградов, 2018: с. 126].

Д. Н. Шлепнев представляет переводческую типологию ЮД, в основу которой положены три параметра: правовой аспект, лингвистическая специфика и специфика переводческой работы с текстом. Согласно практической классификации для целей перевода, субдискурсы выделяются в зависимости от репрезентирующего текста. Так, наряду с законодательным дискурсом, которым обозначается нормативный дискурс законодательной и исполнительной власти, автор выделяет индивидуальный административный дискурс (индивидуальные административные акты), доктринальный дискурс (научные труды, комментарии и учебная литература), корпоративный дискурс (уставы юридических лиц, внутренние регламенты), дискурс частных юридических актов (акты волеизъявления субъектов права, в т.ч. договоры, расписки, доверенности,

[8] Данная концепция представляет собой политико-правовую теорию, созданную Джоном Локком и сформулированную Шарлем-Луи де Монтескьё в труде «О духе законов» (*«De l'esprit des loix»*), изданном в 1748 г.; теория нацелена на предотвращение концентрации власти в одних руках и предполагает самостоятельность и независимость каждой из трех властей друг от друга при реализации своих полномочий, а также недопустимость того, чтобы одна ветвь власти приняла на себя осуществление функций другой ветви власти. Принцип разделения властей закреплен в ст. 10 Конституции РФ.

завещания и т.п.; главная подкатегория – договорный дискурс); канцелярский, или трафаретный, дискурс (акты, фиксирующие статус субъекта, а именно свидетельства, справки и т.п.). Судебный дискурс представлен в качестве подкатегории процессуального дискурса, который охватывает не только судебные решения, но и различные акты, связанные с охраной законности и правопорядка (например, заявления о преступлении, свидетельские показания, ходатайства и т.п.) [Шлепнев, 2018]; в свою очередь, выделяются различные типы судебного общения (дискурс уголовного, гражданского, административного, арбитражного судопроизводства и др.), однако все они характеризуются общностью принципов построения [Попова, 2016: с. 28].

Классификация ЮД, рассматриваемого в рамках отдельно взятого государства, может быть основана на дихотомии «правотворчество – правореализация», и в соответствии с таким подходом выделяются правотворческий дискурс, в пространстве которого создаются текстовые источники правовых норм, и правореализационный дискурс, в рамках которого осуществляется последующая интерпретация текстовых источников норм, их применение и создание иных текстов, дополняющих их содержание [Батюшкина, 2022: с. 41].

В соответствии с наиболее распространенным подходом, который разделяют большинство исследователей (в частности, М. В. Коновалова, М. Н. Федулова, О. А. Крапивкина, И. В. Палашевская, А. В. Богатырёв, Д. Н. Шлепнев и др.), в структуре ЮД выделяются законодательный (нормативный) дискурс и судебный (юрисдикционный) дискурс.

Нормативный тип ЮД представляет особый интерес для лингвистических исследований ввиду того, что именно язык письменных источников, в особенности если речь идет о юридических нормах, обладает наддиалектальным характером [Григорьев, 2015: с. 61]. Справедливо замечено, что законодательный текст постоянно воспроизводит и одновременно преобразовывает ЮД, и весь процесс формирования ЮД основан на двух взаимосвязанных процессах – создании общеобязательных норм и обеспечении их соблюдения [Батюшкина, 2017: с. 71].

Законодательные нормы представляют собой конструктивные элементы национальных правовых систем [Орлов, 2021: с. 23]. Нормативный тип ЮД является ядром, основой ЮД, поскольку все дискурсивные коммуникации, происходящие в судебном, административном и доктринальном субдискурсах, происходят по поводу норм права, их толкования и применения.

Именно нормативный тип ЮД служит основой для проведения юридико-лингвистического анализа, подразумевающего сопоставление текстов нормативно-правовых актов и установление традиций использования ЮТ в российском и испанском законодательстве [Ларионова, Фокина, 2023: с. 50] – этапа, без которого невозможно эффективно решать трудности, связанные с семантическими и прагматическими особенностями функционирования ЮТ в ИЮД. Кроме того, данный тезис поддерживает и представление о праве в парадигме коммуникационной теории права (*teoría comunicacional del derecho*), в соответствии с которой право рассматривается в качестве совокупности сообщений, направленной на организацию всей социальной системы посредством вербализации институтов и языкового выражения нормативных предписаний, в связи с чем для существования права необходимо, чтобы оно соблюдалось и понималось обществом на основе заранее сформулированных норм [Robles, 1998].

В рамках исследований судебного дискурса изучены модель речевого поведения судей, обладающая собственными прагмалингвистическими характеристиками и национально-культурной спецификой [Дубровская, 2010], характеристики судебного дискурса в социокоммуникативном, жанровом, функциональном, структурном и презентационном аспектах [Палашевская, 2012], языковая специфика судебных решений [Шевырдяева, 2009].

Помимо двух основных субдискурсов, в структуре выделяются также доктринальный дискурс [Шлепнев, 2018: с. 185]; административный дискурс (Коновалова, Федулова, Шлепнев); приватный дискурс (Крапивкина).

Несмотря на наличие большого разнообразия подходов, как представляется, выделение субдискурсов в составе ЮД следует основывать на двух одновременно применяемых критериях – институциональном и функциональном. С

институциональной точки зрения тот или иной вид субдискурса непосредственно связан с определённым органом власти, в котором осуществляется дискурсивное взаимодействие коммуникантов, однако такой подход не учитывает возрастающую роль публикаций, осуществляемых в научных журналах и на профессиональных интернет-платформах специалистами в сфере права. С функциональной точки зрения к субдискурсам в рамках единого пространства профессиональной коммуникации ЮД следует относить не только взаимодействие в рамках органов власти, но и акты коммуникации вне пределов органов власти, которые нацелены на анализ и усовершенствование права.

Представляется целесообразным выделить в структуре ЮД в качестве обязательных составляющих следующие компоненты:

1. нормативный дискурс (он же нормативно-правовой, правотворческий, правовой, законодательный дискурс);
2. правоприменительный дискурс (включающий в себя судебный, но не ограничивающийся им);
3. доктринальный дискурс.

Информационной периферией ЮД следует считать полидискурсивное медийное пространство, сформированное публикациями в СМИ и социальных сетях на различные темы, связанные с правом. Это пространство, безусловно, не может считаться полноценным компонентом ЮД, однако, как будет показано далее, играет существенную роль в развитии ЮД в целом и его терминологии в частности.

Следует отметить, что предлагаемая структура ЮД может быть соотнесена с тем, как представляют взаимосвязь между языком и правом многие испаноязычные ученые, выделяя три области: 1) «язык» (*lenguaje*) закона («язык» правовых текстов и проблемы, возникающие в связи с их содержанием; 2) «язык» судебных процессов («язык» текстов, создаваемых в результате языковой деятельности в различных судебных и иных административных инстанциях), 3) «язык» судебных процессов в прагматико-лингвистическом смысле (анализ языкового материала на различных уровнях) [Ramis Barceló, 2011: p. 333–334]. В некоторых исследованиях

РЮД устанавливаются схожие соответствия : так, «языку» закона присущ официально-деловой стиль, «языку» доктрины – научный стиль, речи юристов – публицистический стиль, «языку» процессуальных актов – официально-деловой стиль с элементами научного, публицистического и разговорного, «языку» договоров – официально-деловой стиль [Шепелёв, 2012: с. 220].

На Рисунке 1 представлена в графической форме структура юридического дискурса.

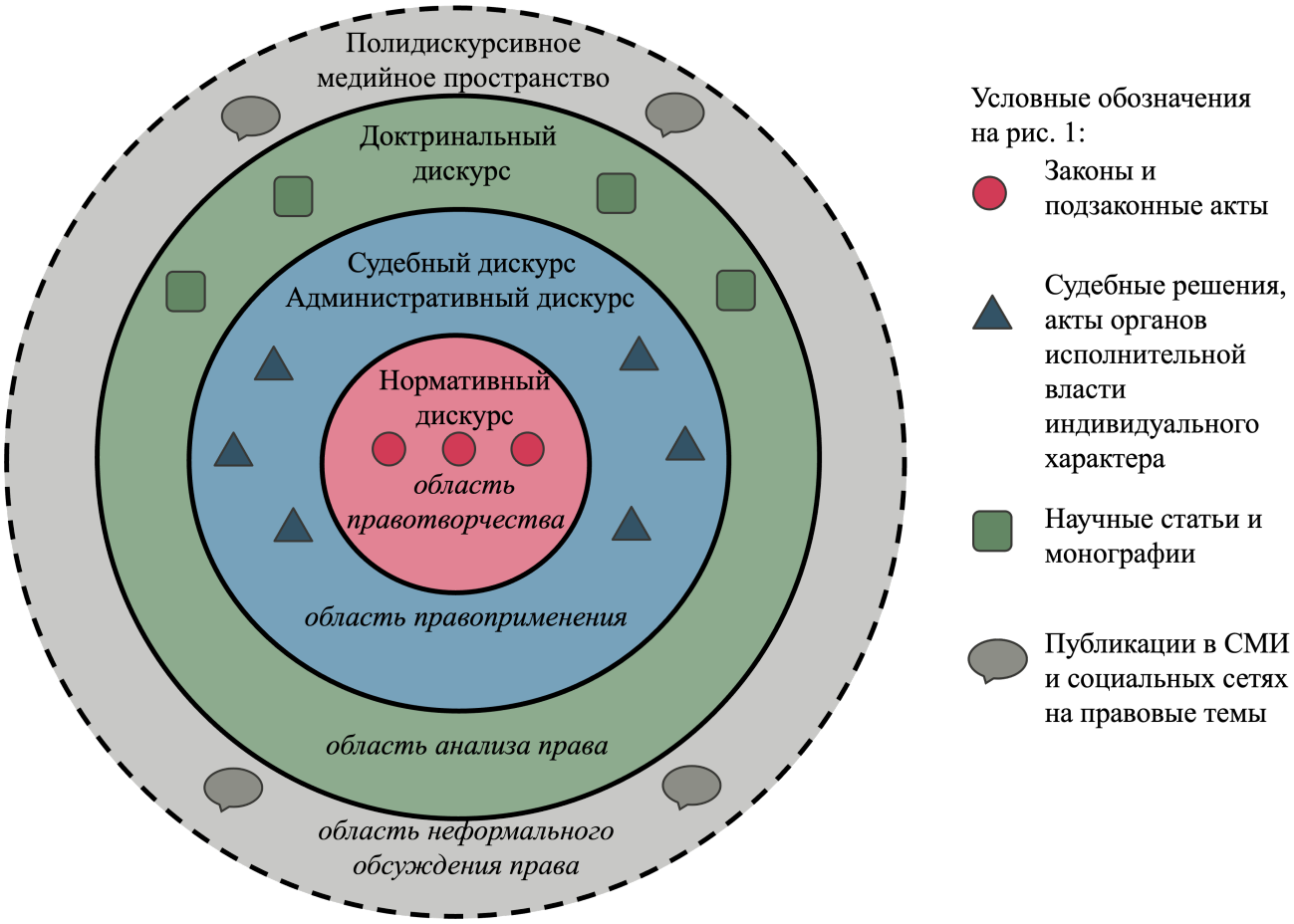

Рисунок 1 – Структура юридического дискурса
Источник: составлен автором

Функционально-стилистические разновидности ЮД – особая категория, выделяемая не всеми лингвистами, исследующими ЮД[9]. Она имеет отношение не

[9] В ряде работ данное понятие обозначено термином «жанр дискурса», однако он представляется неточным, поскольку основывается на внешней (стилистической), а не на функциональной (смысловой) составляющей рассматриваемых разновидностей дискурса. Кроме того, намеренное неприменение термина «жанр» в отношении дискурса призвано избежать смешения с другим

к структурным компонентам ЮД, а к функциональным (телеологическим) и стилистическим (формальным) особенностям коммуникаций, реализуемых в рамках ЮД.

Функционально-стилистическая разновидность ЮД определяется как типовая модель общения, обладающая определенной степенью автоматизированности, как способ организации взаимодействия субъектов права в институциональном пространстве; при этом стереотипность не предполагает жестких жанровых схем, а лишь соответствие множества индивидуальных версий жанровых формул устоявшейся дискурсивной форме, или формуле [Палашевская, 2010(б): с. 28–29]. Критериями классификации функционально-стилистических разновидностей ЮД являются статусные характеристики участников дискурса (заявления и ходатайства, запрос об установлении значимых обстоятельств – у адвоката, допрос и предписание – у следователя, постановления и определения – у суда), характер диалогических связей между ними (требования и возражения, договор) и сценарные последовательности событий (опрос подсудимого, допрос, прения сторон, последнее слово подсудимого и приговор – в структуре судебного заседания).

В издании RAE «*Libro de estilo de la Justicia*» («Книга по стилю в сфере правосудия») отмечена многозначность термина *discurso* и предложена следующая дефиниция: «*El término discurso […] se asume como un texto, oral o escrito, caracterizado por una modalidad comunicativa en la que cobra importancia la naturaleza de lo que se transmite (acciones, objetos, argumentos, exhortaciones, actos directivos...), la finalidad que persigue el emisor (comunicativa, narrativa, persuasiva...), la relación con el interlocutor y con las circunstancias, así como la estrategia compositiva*» – <Под дискурсом *[…]* понимается устный или письменный текст, характеризующийся коммуникативной модальностью, в которой особое значение приобретают такие обстоятельства, как характер транслируемого содержания

устоявшимся термином: во второй половине XX века М.М. Бахтин разработал термин «речевой жанр», под которым понимается относительно устойчивый тип высказываний, выработанный каждой сферой использования языка [Бахтин, 1996: с. 159].

(действия, объекты, аргументы, призывы, приказы и т.д.); цель, поставленная перед собой адресантом (коммуникация, повествование, убеждение и т.д.); его отношения с адресатом; обстоятельства коммуникации и композиционная стратегия>[10] (здесь и далее перевод автора – А.Ф.). Такая интерпретация понятия дискурса соответствует восприятию текста в пространстве ЮД как его неотъемлемого элемента, посредством которого институционально объективируются действия участников ЮД.

RAE выделяет следующие функционально-стилистические разновидности ЮД (*géneros jurídicos*): аргументативный ЮД (*argumentativo*); дескриптивный ЮД (*descriptivo*); нарративный ЮД (*narrativo*); экспозитивный ЮД (*expositivo*); апеллятивный ЮД (*apelativo*)[11].

Аргументативный ЮД предполагает приведение доводов в обоснование мнения или решения, убеждение.

Дескриптивный ЮД предназначен для объективного описания различных характеристик предметов, лиц, окружающей обстановки и т.д., нацеленное на их реальное представление. Дескриптивный ЮД не является превалирующим, однако имеет особое значение при описании обстоятельств совершения правонарушения.

Для нарративного ЮД характерно повествование, изложение событий, происходящих в одном или нескольких местах в течение определенного времени, в которых принимают участие одно или несколько лиц. Описание в нарративном ЮД должно быть объективным (т.е. не включать субъективные оценки происходящего), соблюдать хронологическую последовательность событий, отображать все существенные характеристики происшествия (движения, слова), его участников (психическое состояние, внешний вид) и иные обстоятельства, которые могут иметь значение для выяснения обстоятельств дела[12].

---

[10] https://www.rae.es/libro-estilo-justicia/g%C3%A9neros-y-discursos-jur%C3%ADdicos/tipos-de-discurso-en-el-lenguaje-jur%C3%ADdico

[11] Там же.

[12] https://www.rae.es/libro-estilo-justicia/g%C3%A9neros-y-discursos-jur%C3%ADdicos/tipos-de-discurso-en-el-lenguaje-jur%C3%ADdico/la-narraci%C3%B3n/caracter%C3%ADsticas-de-la-narraci%C3%B3n-en-los-textos-jur%C3%ADdicos

Экспозитивный ЮД представляет собой изложение какой-либо позиции, является характерным для преамбул к законам, для судебных решений (в особенности для резолютивной части), отчетов, меморандумов, заявлений, протоколов и т.д. Несмотря на внешние черты односторонне направленного сообщения, не предполагающего рефлексии и ответа, экспозитивный ЮД представляет собой диалогическое общение, закономерности которого (постулаты, стратегии, тактики и др.) строятся на интенциях и реакциях участников коммуникации [Пензева, 2021: с. 106]. Экспозитивный ЮД выделяется многими современными латиноамериканскими исследователей, несмотря на различия в подходах к организации дискурса. Так, аргентинский исследователь И. Санчес де Рамирес выделяет только две функционально-стилистические разновидности ЮД – нарративный ЮД и экспозитивный ЮД, которые различаются между собой внешней и внутренней перспективой рассмотрения дискурсивных событий [Sánchez de Ramírez, 1993].

В некоторых испаноязычных источниках встречается и подход, основанный на принципе деления на субдискурсы, которого придерживается большинство отечественных исследователей: ЮД подразделяется на нормативный (составление текстов законов), парламентский (аргументация для принятия или отклонения законопроекта) и судебный (отправление правосудия) [Álvarez, 2008: p. 139].

Подводя итог рассмотрению существующих подходов к выделению субдискурсов в структуре ЮД, а также его функционально-стилистических разновидностей, следует подчеркнуть, что, несмотря на их многообразие, они являются взаимодополняющими; вместе с тем для целей исследования семантических и прагматических особенностей функционирования ИЮТ более релевантным является установление структуры ЮД и выделение входящих в него субдискурсов, поскольку это предопределяет охват источников, которые могут быть использованы для установления значения ИЮД.

3.4. Типологические характеристики юридического дискурса

Институциональность – характеристика, основанная на дихотомическом делении дискурсов с точки зрения социолингвистического подхода. В отличие от

личностно-ориентированного (персонального), статусно-ориентированный, или институциональный, дискурс обусловлен наличием профессиональной среды, сформированной специализированными институтами, в рамках которых осуществляется взаимодействие участников, принадлежащих определенной социальной группе.

Институциональность следует считать первой и ключевой характеристикой ЮД, некой общепризнанной аксиомой, сквозь призму которой осуществляются все исследования ЮД. Институциональный дискурс представляет собой речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом и с людьми, которые реализуют свои статусно-ролевые возможности в существующих общественных институтах [Карасик, 2004: с. 245]. Поскольку ЮД реализуется в коммуникативных общностях институционального типа (в частности, в органах законодательной, исполнительной и судебной власти), значение того или иного термина следует устанавливать с учётом особенностей его употребления в различных нормативных и ненормативных правовых актах и иных документах, в зависимости от процедуры, в рамках которой он используется (например, термин *medidas cautelares* в контексте судебного разбирательства по уголовным делам будет обозначать «меры пресечения», а по гражданским делам – «обеспечительные меры»). ЮД функционирует как когнитивно-коммуникативная среда, где реализуются процессы смыслообразования и смыслонаделения, посредством которых устанавливаются и регулируются социальные отношения и полномочия между отдельными субъектами ЮД, государством, его институтами и гражданами [Ларионова, Фокина, 2023: с. 42].

Однако институциональность ЮД неизбежно ставит перед исследователем вопрос о пределах, границах ЮД. С одной стороны, институциональность ограничена институтами – то есть, конкретными органами, в рамках которых происходит взаимодействие коммуникантов, а также профессиональными коммуникантами – лицами, обладающими юридическим образованием. Безусловно, не представляется затруднительным очертить границы судебного дискурса, законодательного (или нормативного) дискурса, но если исходить из

сформулированной нами дефиниции ЮД – профессиональная коммуникация юристов, направленная на решение задач в сфере права – то возникает вопрос о том, относится ли к ЮД общение юристов на правовую тему в неформальной обстановке, вне судебного заседания, не в рамках пребывания в том или ином органе власти, но по поводу судебного разбирательства или реформы законодательства. Аналогичный вопрос возникает и в отношении выступлений и публикаций юристов, которые потенциально направлены на неограниченный круг лиц, которые не обязательно обладают юридическим образованием и не вполне способны осуществлять профессиональную коммуникацию, однако написаны профессионалом в сфере права, который испытывает потребность в том, чтобы высказать свое мнение по правовому вопросу и привлечь к дискуссии своих коллег или получить общественное мнение.

В условиях активно развивающегося информационного общества институциональность не должна и не может сводиться к взаимодействию строго в определенных институтах власти. Более того, открытость институционального ЮД рассматривается специалистами не как угроза внедрения в сферу права непрофессионалов, а как способ обеспечить развитие права, которое подвержено влиянию динамично меняющейся социальной ситуации [Макович, 2023: с. 555–556]. Кросс-дискурсивный анализ – неотъемлемая составляющая анализа юридического типа дискурса, который не является замкнутой средой общения юристов, а в силу своей социальной значимости вовлекает непрофессиональных участников, привносящих в него собственное понимание правовых реалий и поднимающих социально значимые вопросы, требующие осмысления профессионалами в сфере права. Таким образом, происходит некий двусторонний обмен: посредством социальных сетей и СМИ общество получает информацию о процессах, имеющих отношение к сфере права, а из социальных сетей и иных откликов (в том числе комментариев к публикациям) юристы получают некий общественный запрос на совершенствование той или иной области права. Примером может послужить резонансное «дело Долиной», когда общественное мнение и протест по поводу дискурсивной ситуации, изначально

разворачивавшейся исключительно в рамках ЮД, позволило предотвратить формирование негативного судебного прецедента и привлекло внимание органов судебной власти к недопустимости отказа от принципа двусторонней реституции[13]. Безусловно, телевизионные шоу, посты в соцсетях и комментарии пользователей Интернета под соответствующими новостными публикациями не могут считаться актами коммуникации в рамках ЮД, однако именно они оказали значительное влияние на юридическое сообщество, которое пришло к выводу о серьёзном нарушении базового принципа гражданского права, что было признано и закреплено уже в рамках ЮД (сначала – доктринального, затем – судебного).

Медиатизация ЮД – одно из важнейших явлений, изучаемых в парадигме кросс-дискурсивных исследований, поскольку отображает трансформацию дискурсивных элементов при их использовании в материалах на юридическую тематику, размещенных на различных интернет-платформах (форумах) и обращённых к широкой аудитории пользователей сети Интернет вне зависимости от наличия профессионального образования. Ряд исследователей выделяет «популярный юридический дискурс», который объединяет специализированные интернет-сайты, содержащие полезную информацию, касающуюся решения повседневных проблем правового характера, и отличается рядом специфических признаков: тематика, соответствующая прежде всего бытовым потребностям граждан и связанная с семейным правом; цель – разъяснение сложных юридических вопросов простым, понятным языком; языковые особенности – замена профессиональных терминов и терминологических словосочетаний общедоступной лексикой, упрощенные синтаксические конструкции и менее формальный стиль [Аверин, 2020: с. 113–114]. В этой связи возникает вопрос об идентификации указанного дискурсивного пространства в качестве самостоятельного дискурса либо как разновидности медийного или ЮД. В лингвистике выявляются несколько подходов к решению этой теоретической

[13] Верховный Суд РФ поставил точку в деле о продаже квартиры Ларисы Долиной, признав право собственности на жилье за Полиной Лурье. Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/35233/ (дата обращения: 05.05.2026).

проблемы, имеющей прикладной характер: отнесение данной практики к ЮД может привести к размыванию границ ЮД и в конечном счете к депрофессионализации сферы права [Шлепнев, 2018: с. 187].

ЮД может функционировать в качестве части газетно-публицистического дискурса наряду с другими видами дискурса, репрезентированными в прессе, – политическим, дипломатическим, экономическим, спортивным, военным, рекламным и т.п. [Ларионова, 2015: с. 32]. Указанные виды дискурса, будучи помещенными в газетно-публицистический дискурс, образуют его концептосферу, которая отображает культуру нации, ее умственное и духовное богатство [Лихачев, 1996: с. 156]; частью этого богатства является право – историческое отражение справедливости, которая именно в праве, трансформируясь в его внутреннее свойство, обретает защиту государства и юридически значимый характер [Морозова, 2014: с. 213]. Некоторыми исследователями в структуре ЮД обособляется параюридический дискурс, охватывающий публикации СМИ на юридическую тематику, выступления юристов и различные предписания неформального характера, вывешенные в общественных местах для целей обеспечения порядка (например, в магазинах) [Шлепнев, 2018: с. 187]. Вместе с тем тексты параюридического дискурса должны приниматься во внимание при переводе в части особенностей использования терминологии, в том числе узуса [Шлепнев, 2018: с. 186–187] (т.е. варианты устойчивых девиаций употребления от строгой литературной нормы), учитывая при этом различия в жанровой специфике собственно ЮД и параюридического дискурса и в функционировании терминологии. Иной подход предполагает расширение понятия ЮД и выделения в его структуре двух разновидностей ЮД – профессионального и популярно-юридического дискурсов, под которым понимается речевое взаимодействие коммуникантов по вопросам правоприменения, нацеленное на разъяснение профессиональными юристами правовых норм и практики правоприменения лицам, не обладающим познаниями в сфере права, которое реализуется посредством публикации текстов в сети интернет и печатных изданиях и характеризуется максимально доступным для понимания языком [Аверин, 2022: с.

5–6]. Обязательная типологическая характеристика популярно-юридического дискурса связана с адресантами, которыми должны быть лица, обладающие профессиональным образованием в сфере права, и адресатами, которые не обладают специальными юридическими знаниями. Наконец, в лингвистике предлагается выделять юридический медиадискурс, который возникает ввиду ассимиляции ЮД в медиадискурс и является гибридным дискурсом, зоной пересечения юридического медиадискурса и юридического дискурса [Силанова, 2017: с. 52], для которой характерен процесс трансформации юридических терминов в медиаконцепты, которые, в свою очередь, могут приводить к трансформации юридических терминов.

Основываясь на классическом понимании институциональности ЮД, четкие границы можно установить исключительно в отношении судебного и законодательного дискурса, поскольку эти субдискурсы формируются строго в рамках определенных институтов законодательной и судебной власти и имеют в качестве результата профессионального взаимодействия документы – судебные акты и законы. Однако коммуникации, связанные с критическим анализом и толкованием актов профессиональным сообществом (в результате привлечения внимания со стороны общества или без такового) – процесс, который происходит при применении норм права, при анализе судебных решений, в ходе любой правоприменительной практики – это то, без чего ЮД перестанет быть дискурсивной практикой. Именно в этих спорах рождается пусть относительная, непостоянная, но истина, на основе которой происходит трансформация ЮД в целом.

Поскольку право в качестве одного из основных регуляторов общественных отношений должно следовать за возникающими социальными отношениями, иногда социальные реалии, прежде всего отображаемые в медийном дискурсе, создают новые концепты.

Перформативность

Принимая во внимание неограниченное разнообразие целей, которые ставят перед собой коммуниканты при взаимодействии в пространстве юридического

дискурса, а также интенций и мотивов, которые не имеют непосредственного отношения к сфере права, но получают своё объективное выражение в дискурсивной практике, можно утверждать, что все коммуникации, осуществляемые в рамках юридического дискурса, в той или иной степени направлены на реализацию прав, признаваемых на уровне законодательства как за частными лицами, так и за органами государственной власти, а также на защиту прав в случае их нарушения. Нацеленность дискурсивного взаимодействия на решение реальных проблем, связанных с реализацией и защитой прав и поддержанием социального порядка [Оглезнев, 2025: с. 94], обусловливает важность дискурсивной перформативности как имманентного свойства юридического дискурса, которое в конечном счете обеспечивает результативность всех дискурсивных коммуникаций и достижение целей коммуникантов.

Перформативность – свойство дискурса, которое непосредственно связано с характерным для ЮД наличием перформативных речевых актов. По утверждению Дж. Остина, произнесение перформативного высказывания само по себе является совершением действия [Austin, 1962]. Перформативное высказывание (перформатив) – это речевой акт, который сам по себе является действием и непосредственно направлен на изменение реальности, а не на ее описание; это особый тип речевых актов, функция которых не сводится к простой передаче информации: они выражают намерения говорящего, побуждают к конкретным действиям и в языковой форме репрезентируют совершение определенного поступка. В свете самокритики Дж. Остина в отношении сформулированного им дихотомического деления актов на перформативы и констативы, о чем было сказано выше, следует сделать допущение о том, что перформативы выступают в качестве инструмента, преобразующего не только высказывание (и не только в «классической» форме глагола в первом лице единственного числа настоящего времени), но и жест, и любой иной знак, обладающий собственным семиотическим кодом, в некий факт, изменяющий действительность, имевшую место до его совершения. Применительно к ЮД перформативы не просто описывают, а создают новую юридическую реальность, в которой слова становятся эквивалентом

юридически значимого действия и порождают возникновение юридически значимых последствий. Перформативность дискурса проявляется двояко: как коммуникативная фактуализация явления и как языковое осуществление поступка; при этом операции, которые являются манифестацией перформативности в дискурсе, проявляются в виде эмотивных речевых действий, этикетных высказываний и клишированных перформативов, а действия реализуются в виде речевых актов, которые могут включать имплицитно выраженные и транспонированные перформативы [Горбачева, 2015: с. 5]. Следует согласиться с тем, что потенциал идеи перформативности в контексте ЮД не исчерпан [Миловидов, 2017: с. 28].

Примером перформативности речевых актов ЮД является заключение договоров в устной форме, когда законодательством не установлена обязательная письменная форма сделки и при условии, что поведение лица демонстрирует наличие волеизъявления лица на совершение сделки (п. 2 ст. ГК РФ). Такое поведение реализуется также в совершении конклюдентных действий – актов, посредством которых лицо демонстрирует намерение совершить сделку без вербализации (например, человек может изъявить желание заключить договор купли-продажи товара посредством того, что опускает деньги в автомат и набирает соответствующий код товара [Гражданское право, 2019: с. 403].

Свойством перформативности могут обладать не только речевые акты, означающие принятие на себя определенного обязательства или прямо выраженное согласие на совершение юридически значимых действий, но и обещания – например, взаимно принятое обещание жениться.

Помолвка, или обручение[14] – это не только элемент культуры, обычай, который возник в древности у многих народов, но и один из старейших правовых институтов, имеющий длительную историю в обществе [Косарева, 2007: с. 99].

[14] На основании словарных статей нами установлено, что в русском языке концепты «помолвка» (сговор) и «обручение», изначально являвшиеся разными этапами ритуализированного процесса заключения брака, прошли путь семантического сближения, а «предложение» как термин, связанный с заключением брака, стал использоваться в более поздний период в значении неформального заявления о намерении вступить в брак [Ларионова, Фокина, 2024: с. 53].

Исторически это был обязательный этап, который предшествовал вступлению в брак, гарантировал заключение брака и имел не только бытовые, но и юридические последствия. В большинстве современных государств обряд помолвки сохранился исключительно в качестве красивой традиции: так, действующее российское законодательство не предусматривает процедуры обручения как взаимного обещания вступления в брак; права и обязанности супругов возникают исключительно со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния (п. 2 ст. 10 Семейного кодекса РФ). Однако в ряде стран Латинской Америки помолвка (*esponsales*) как взаимное обещание вступить в брак, имеющее выражение в различных речевых актах, обладает свойствами перформативности в качестве акта обещания и акта принятия на себя правовых последствий в случае неисполнения. Само происхождение терминов *esposo* и *esposa,* по утверждению мексиканских исследователей, объясняется обязательным, связывающим характером *sponsalia de future* – римским прототипом *esponsales* как разновидности *sponcio* (устного договора, совершаемого в виде торжественной клятвы), который в силу юридико-религиозного характера придавал юридический смысл высказыванию [Código Civil para el Distrito Federal en Materia Común y para toda la República en Materia Federal, 1993: p. 106].

Эффект перформативности обещания жениться достигается произнесением ритуальных слов в стандартных ситуациях по сложившимся ранее правилам, в том числе национальным традициям. Предложение руки и сердца зачастую осуществляется в виде стандартизированных вопросительных или императивных высказываний («Согласна ли ты стать моей женой?», «Будь моей женой», «Выходи за меня (замуж)», «Давай поженимся» и т.п.), которые могут сопровождаться или заменяться традиционными действиями (мужчина встаёт на колено, дарит кольцо), а принятие предложения – в виде положительного ответа на вопрос («Да», «Я согласна» и т.п.) или жеста (кивка головой и принятия кольца). Однако вне зависимости от формы, в которой делается предложение, все речевые акты и невербальные компоненты помолвки несут в себе, помимо собственно сообщения о намерениях адресату, перформатив «Я обещаю жениться на тебе» – речевой акт,

посредством которого совершается обещание вступить в брак. Положительный ответ девушки на вопрос равнозначен встречному согласию на вступление в брак и заключает в себе иной перформатив – «Я обещаю выйти за тебя замуж». Следовательно, речевые акты-обещания, которыми обмениваются при совершении помолвки вне зависимости от используемых в них вербальных и невербальных форм общения, имеют в качестве семантического ядра классические перформативные выражения, которыми традиционно выступают глагольные формы 1 лица единственного и множественного числа и формы императива. В структуре рассматриваемого перформатива можно вычленить все его необходимые компоненты: локуция – произнесение стандартизированных речевых формул и (или) совершение ритуального жеста, иллокуция – приглашение вступить в брак, направленное адресанту сообщения, и одновременно выражение намерения совершить указанный акт, и перлокуция – комиссив в виде обещания заключить брак [Ларионова, Фокина, 2024: с. 60].

Однако помолвка объективируется в качестве полноценного перформативного высказывания в контексте ЮД исключительно в странах, законодательство которых предусматривает гражданско-правовые последствия нарушения взаимно принятого обещания жениться. В ином случае свойства перформативности ограничиваются сферой бытового дискурса.

В законодательстве Испании не используется термин *esponsales*. Обещание жениться (*promesa de matrimonio*) не влечет за собой обязанность заключить брак или выполнить то, что предусмотрено на случай, если бракосочетание не состоится; иск о принуждении ко вступлению в брак должен быть оставлен без рассмотрения (ст. 42 ГК Испании). Данная норма материализует принцип свободы брака, который должен основываться на свободном решении сторон [Abad Arenas, 2012: p. 6] и чистоте выражения согласия на вступление в брак – *el consentimiento ha de ser puro* [López y López, 2017: p. 48], и любые условия, сроки и способы выражения согласия на вступление в брак признаются несуществующими (ст. 45 ГК Испании). При нарушении точного обещания вступить в брак (*promesa cierta de matrimonio*) возникает обязанность по возмещению реальных расходов и выплате

компенсации по обязательствам, возникшим непосредственно в связи с подготовкой к бракосочетанию (ст. 43 ГК Испании). Иск о компенсации затрат на несостоявшуюся свадьбу может быть подан в течение года с момента нарушения обещания. Так, суды признали право на возмещение расходов на ресторанное обслуживание и иные расходы, связанные со свадебным торжеством (расходы на изготовление приглашений и обручальных колец), а также на свадебное путешествие. Моральный вред, возникающий в связи с расторжением помолвки, не подлежит компенсации, поскольку, как утверждается в решении суда Малаги, вызывающие чувство вины упрёки не должны компрометировать свободу вступления в брак[15].

В странах Латинской Америки обещание жениться для возникновения негативных последствий в случае его нарушения должно отвечать требованию взаимности в отношении самого обещания (*promesa recíproca de futuro matrimonio* – взаимное обещание будущего брака – ст. 41 ГК Венесуэлы) или его принятия сторонами (*promesa de matrimonio mutuamente aceptada* – взаимно принятое обещание брака – ст. 81 ГК Уругвая). В Колумбии обещание жениться обозначено двумя терминами-синонимами – *esponsales* или *desposorios,* которые, согласно легальной дефиниции, означают взаимно принятое обещание брака; в законодательстве предусмотрена возможность истребовать вещи, подаренные по случаю помолвки, если брак не был заключён (ст. 110–112 ГК Колумбии). В Венесуэле для возникновения права на возмещение расходов требуется соблюдение административной процедуры – формальной регистрации помолвки (ст. 66–71 ГК Венесуэлы). В Парагвае возврат подарков осуществляется по аналогии с последствиями неосновательного обогащения; при этом компенсация морального вреда обусловлена степенью тяжести страданий, причиненных невиновному лицу (ст. 137–138 ГК Парагвая). Верховный суд Перу на своей официальной странице в одной из социальных сетей не только напомнил о необходимости иметь в виду юридические последствия неисполнения обещания жениться, но и начал публикацию с примера конкретной перформативной формулы

[15] https://elpais.com/economia/2019/02/14/mis_derechos/1550144888_841498.html

согласия: «*Sí, acepto*»[16] – «Согласна» (досл. «Да, принимаю»), подчеркнув тем самым важность учета перформативных свойств указанного речевого акта в ЮД.

Свойством перформативности в ЮД может обладать и молчание, которое при определенных обстоятельствах интерпретируется как имплицированное согласие. Феномен заключается в том, что отсутствие речевого акта при определенных условиях, предусмотренных законом или соглашением сторон, может обладать свойствами перформативности. Верховный суд Испании[17] подчеркивает, что молчание может толковаться как подразумеваемое согласие (*consentimiento tácito*) при наличии следующих обстоятельств: оно вытекает из конклюдентных действий (*actos concluyentes*), которые позволяют безошибочно распознавать волю так, что молчанию не может быть придан иной смысл, кроме согласия; молчащий должен быть осведомлен о фактах, которые мотивируют его возможность ответа (требование субъективного характера); молчащий должен быть обязан ответить или, по крайней мере, для него должно быть естественным и нормальным выражать свое несогласие, если он не хотел соглашаться с предложением другой стороны (требование объективного характера).

Свойствами перформативности может обладать как молчание, так и «недвусмысленные сигналы» (*signos inequívocos*), т.е. жесты, выступающие как невербальные акты коммуникации:

CCyC de la Nación (Argentina) *Art. 262. Manifestación de la voluntad.* *Los actos pueden exteriorizarse oralmente, por escrito, por signos inequívocos o por la ejecución de un hecho material.*	Гражданский и торговый кодекс Аргентины Ст. 262. Выражение воли. Акты [волеизъявления] могут выражаться устно, письменно, посредством недвусмысленных сигналов или осуществлением материального действия.
Art. 263. Silencio como manifestación de la voluntad. *El silencio opuesto a actos o a una interrogación no es considerado como una manifestación de voluntad conforme al acto o la interrogación, excepto en los casos en que haya un deber de expedirse que puede resultar de la ley, de la voluntad de las partes, de los usos y*	Ст. 263. Молчание в качестве выражения воли. Молчание в ответ на действия или вопросы не считается выражением воли в отношении действия или вопроса, за исключением случаев, когда существует обязанность выразить волю [об ином], которая вытекает из закона, воли сторон, обычаев и практики

[16] https://www.expreso.ec/actualidad/mundo/promesa-matrimonio-incumplida-multada-peru-136457.html

[17] https://www.poderjudicial.es/search/AN/openDocument/7e559371be411a84/20191015

prácticas, o de una relación entre el silencio actual y las declaraciones precedentes.	сторон либо из связи, существующей между молчанием и ранее сделанными заявлениями.
Art. 264. Manifestación tácita de voluntad. La manifestación tácita de la voluntad resulta de los actos por los cuales se la puede conocer con certidumbre. Carece de eficacia cuando la ley o la convención exigen una manifestación expresa.	Ст. 264. Подразумеваемое выражение воли. Подразумеваемое выражение воли вытекает из действий, по которым её можно с уверенностью установить. Подразумеваемое выражение воли не имеет юридической силы, если закон или соглашение требуют явного выражения воли.

Таким образом, чтобы молчание или иные сигналы (жесты) в ИЮД могут выступать в качестве перформативного акта, выражающего подразумеваемое согласие, выраженное в отношении юридически значимых действий другого коммуниканта (например, контрагента), при соблюдении условий, установленных законом, и на основе анализа конкретной ситуации коммуникации в общем контексте прецедентных дискурсивных ситуаций, имевших место ранее между теми же коммуникантами.

Свойствами перформативности может обладать и акт коммуникации, выраженный полностью или частично паравербальными семиотическими знаками – смайликами, эмодзи и эмотиконами, которые для целей дискурс-анализа могут рассматриваться как паралингвистические феномены общего семиотического порядка [Ларионова, 2022: с. 282–283]. Использование смайликов – графических изображений улыбающегося лица, эмотиконы – графические изображения разных эмоций и эмодзи – графические изображения любых предметов, явлений или действий следует рассматривать в качестве нового ритуала коммуникативной вежливости, способа имитировать живое общение и выразить эмпатию к адресату. В некоторых случаях иконки-образы имплицируют целое предложение, что позволяет добиться экономии языковых средств, необходимой для обеспечения динамики общения и быстрого достижения коммуникантами дискурсивных целей. Несмотря на то, что содержание универсальных эмотиконов и эмодзи понятно каждому человеку вне зависимости от того, на каком языке он говорит, прагматика коммуникативной ситуации может предопределять новые интерпретации и транслировать дополнительные семантические и прагматические смыслы

пиктограмм, выходящие за границы изначально заложенного в них семиотического кода [Ларионова, Демкина, 2023: с. 1181].

Следует согласиться с позицией RAE, которая отмечает допустимость использования эмодзи и эмотиконов в неформальном или частном контексте, но считает это неуместным в институциональном или формальном документе[18]. Однако следует констатировать, что иконические знаки уверенно завоёвывают пространство не только неформальных, но и официальных коммуникаций. Смайлики, эмотиконы и эмодзи активно используются не только в дружеской, но и в деловой переписке, и функционируют в качестве полноценных и часто употребляемых элементов институциональных дискурсивных практик [Ларионова, Фокина, 2025: с. 61].

Употребление иконических знаков в институциональных дискурсивных контекстах нередко приводит к возникновению споров, основной причиной которых является имманентный потенциал полисемичности (в том числе эмотивности, или оценочной модальности) и перформативности как двух взаимосвязанных и взаимозависимых свойств подобных знаков. Примерами служат прецеденты трактовок смайликов, эмотиконов и эмодзи как паравербальных знаков при их использовании в ЮД для обоснования доводов сторон в суде.

Иконический образ поднятого вверх пальца, так называемый «лайк», иллюстрирует потенциал перформативности эмотикона, который в юридическом дискурсе может быть приравнен к различным речевым актам, при этом его толкование варьируется в зависимости от контекста. Так, «лайк», поставленный в переписке в мессенджере WhatsApp под условиями договора, был истолкован судом как акцепт оферты[19]. В соответствии со ст. 438 ГК РФ акцептом признается ответ лица, которому адресована оферта, о её принятии, однако в законе не указана форма, в которой должен быть направлен ответ акцептанта адресату оферты.

---

[18] https://www.rae.es/duda-linguistica/es-correcto-el-uso-de-los-emojis-y-emoticonos

[19] Юридический эмодзи: арбитражные суды признали лайк акцептом при согласовании условий договора [Электронный ресурс]. 15.09.2023 // Гарант.РУ: [сайт]. URL: https://www.garant.ru/news/1647367/ (дата обращения: 09.05.2026).

Единственное требование закона к акцепту – это его полнота и безоговорочность, и эти признаки акцепта с учётом деловой практики сторон суд фактически признал за актом использования «лайка». Подобное толкование эмодзи и эмотиконов имеет ещё одно юридическое обоснование: сделка, которая может быть совершена в устной вербальной форме, считается заключённой и в том случае, если из поведения лица явствует воля совершить сделку (п. 2 ст. 158 ГК РФ). В этом смысле использование эмотикона трактуется как конклюдентное действие, графически выраженный жест, означающий согласие или одобрение. Следовательно, эмотикон «лайк» может быть приравнен к вербальному речевому акту, обладающему классическими признаками перформативности: «Я заключаю договор, соглашаясь полностью и безоговорочно на указанные оферентом условия».

Эмотиконы и эмодзи, используемые в мессенджерах в контексте деловой переписки, могут использоваться в качестве доказательства в уголовном и административном процессе. Так, «лайк», поставленный под публикацией экстремистского характера, если уведомление о поставленном «лайке» автоматически направляется иным лицам, является основанием для привлечения к ответственности, причём доказать отсутствие умысла лица в распространении информации экстремистского содержания практически невозможно [Аршинова, 2023]: понимание последствий лайка в виде ретрансляции содержания сообщения в новостной ленте подписчиков презюмируется.

Помимо стандартных смайликов и эмотиконов, которые представляют собой изображения различных эмоций, эмодзи функционируют как иконические образы различных артефактов, транслирующих заложенные в них символьные смыслы. Так, использование иконки денежного мешка в сообщении в контексте обсуждения встречи с должностным лицом стало доказательством по делу о даче взятки [Царев, 2004].

При декодировании исходного семантического кода в процессе интерпретации эмодзи не столько учитывается его предметное, денотативное, сколько символьное, коннотативное, значение: эмотиконы в виде ножа, пистолета,

бомбы, черепа, гроба и т.п. могут выражать угрозу, выступая в качестве иконических эквивалентов вербальных формул всевозможных перлокутивных речевых актов.

Особую практическую важность приобретает вопрос установления семантики и прагматики употребления эмотиконов и эмодзи или их комбинаций в качестве доказательства виновности лица при расследовании преступлений против личности (против жизни и здоровья); против свободы, чести и достоинства личности; против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Так, в Перу был запущен проект *#BloqueaElAcoso* – #ОстановиДомогательство. В ходе его реализации разработали перечень символов, которые могут быть квалифицированы как совершение домогательств в сети. В список вошли не только очевидные иконки (язык, губы, огонь, отпечаток губной помады), но и ряд эмодзи, изображающих овощи, фрукты, сладости и др., коннотативные значения которых негативно маркированы в указанном семантическом поле[20].

Среди факторов, затрудняющих использование и исследование эмодзи в качестве доказательств в судебном процессе, отмечают отсутствие единой практики толкования эмодзи и невозможность разработки универсального «словаря» эмотиконов; отсутствие специалистов, компетентных в толковании эмодзи, и неэффективность экспертизы; необходимость анализа контекста, сложившейся практики переписки и личных характеристик коммуникантов (их социального положения, взаимоотношений) в каждом конкретном случае; несовпадения в отображении эмотиконов в разных кодовых системах: например, на одних устройствах и платформах эмодзи «пистолет» изображается в виде игрушечного водяного пистолета, а на других – в виде боевого оружия, в связи с чем следует учитывать разницу отображения эмодзи на устройствах отправителя и получателя [Будылин, 2023]; культурные различия в толковании смайликов; ситуативное отсутствие смысловой нагрузки эмотикона [Яшина, 2022].

[20] Acoso virtual: cuando los emojis sobrepasan los límites y pierden la inocencia [Электронный ресурс] // El Comercio: [сайт]. URL: https://elcomercio.pe/somos/acoso-virtual-cuando-los-emojis-sobrepasan-los-limites-y-pierden-la-inocencia-internet-noticia/ (дата обращения: 20.04.2026).

Особой проблемой, возникающей при проведении судебной лингвистической экспертизы, является трудность установления семантики окказиональных (не конвенциональных) эмотиконов, скрытый смысл или символьное значение которых пытаются определить на основании контекста и коммуникативной ситуации создания поликодового сообщения, однако и в этих случаях эксперты зачастую констатируют допустимость множества интерпретаций [Галяшина, 2022: с. 47–48].

Фактуальность юридического дискурса обеспечивает реализацию принципа правовой определенности, которая выражается, с одной стороны, в стабильности правовой системы за счет последовательности применения ее норм, а с другой стороны, в гарантии осуществления прав дискурсивных коммуникантов за счет их уверенности в предсказуемости последствий совершаемых ими юридически значимых действий.

Ритуальность и клишированность

Ритуальность и клишированность – характеристики, непосредственно связанные с хронотопом ЮД, под которым в широком смысле понимается обстановка, в которой разворачивается правовой диалог в устной или в письменной форме [Борисова, 2016: с. 136]. И ритуальность, и клишированность относятся к стандартизированной форме взаимодействия между коммуникантами дискурса.

Ритуал – это закрепленная традицией последовательность действий, имеющих символьную значимость [Карасик, 2002]. В широком смысле ритуалы присущи социальной деятельности человека во всех её проявлениях, однако в ЮД ритуальность имеет особое значение, поскольку объективируется в наиболее значимых ситуациях – в процессе правоприменительной деятельности, применения правовых норм к конкретным жизненным ситуациям, разрешения споров посредством властной деятельности государственных органов и должностных лиц [Теория государства и права, 2019: с. 158–159], а именно в ходе судебных заседаний, направленных на защиту гражданами прав и свобод, признаваемых и обеспечиваемых государством. Кроме того, на основании проявлений ритуальности в многообразии символьных действий, совершаемых участниками

ЮД, могут быть идентифицированы ценностные культурные доминанты, которые сформировались в результате длительного воспроизведения однотипных речевых и поведенческих актов в определенных ситуациях дискурсивного общения. Ритуал определяет жесты, поведение, обстоятельства и совокупность знаков, которые сопровождают дискурс, и ряд дискурсов, к которым относятся юридический, политический, религиозный и др., совершенно неотделимы от выполнения ритуала, который определяет особые свойства и роли субъектов коммуникации [Фуко, 1996: с. 71]. Ритуальность поддерживает культурные традиции, а применительно к ЮД – правовую культуру граждан.

Рассматривая ритуал с точки зрения дискурсологии, следует отметить, что он возникает на основе коммуникативно значимого дискурсивного действия и постепенно переосмысливается, приобретая и фиксируя особый символьный смысл, который имплицирует скрытое значение какого-либо действия. В этом и состоит процесс ритуализации дискурсивного действия. Ритуалы в дискурсе выполняют целый ряд самостоятельных функций, среди которых выделяются констатирующая, интегрирующая (объединение коммуникантов), мобилизующая (призыв к выполнению конкретных действий или формирование определенного отношения коммуникантов к дискурсивным событиям) и фиксирующая (закрепление дискурсивного действия в определенной форме, имеющей приоритетный для дискурса характер). Собственно, именно последняя функция превращает коммуникативное действие в дискурсивно значимый ритуал [Карасик, 2002]. Так, в научных исследованиях используется также термин «юридический жест», который означает любое преднамеренное движение тела или символическое действие конвенционального характера, которое означает определенное изменение правовой действительности [Новикова, 2021: с. 142].

В наибольшей степени свойство ритуальности во всей своей высокой степени строгости и обязательности реализуется в судебном дискурсе как разновидности ЮД. С точки зрения дискурсивного взаимодействия именно в ходе судебного разбирательства достигается цель взаимодействия участников ЮД – важнейший и самостоятельный дискурсивный элемент наряду с коммуникантами, хронотопом,

ценностями, материалом, прецедентными текстами и дискурсивными формулами и др. [Карасик, 2000: с. 29], изначально обусловливающий и детерминирующий дискурсивный функционал всех прочих элементов дискурса. Применительно к любому взаимодействию в рамках судебного дискурса конечная цель состоит в соотнесении определенного акта, ущемляющего интересы государства, общества или конкретного лица, с применимой в данном случае нормой права [Извекова, 2006: с. 11] с последующим возмещением ущерба, восстановлением прав и свобод и т.п.

Судебному дискурсу присущи следующие признаки, подтверждающие свойственную ему ритуальность: процессуальность – строго закрепленный в нормативных актах и регламентах судов порядок действий и формул обращения, обязательный для всех участников судебного заседания; заранее закрепленные роли и иерархия участников, что реализуется через вербальные и невербальные действия – определенные формулы обращения к судьям, обязанность всех, кто присутствует на судебном заседании, вставать при появлении судей); высокая степень клишированности и терминологичности речи; символьный смысл артефактов, используемых в ходе судебных заседаний (судебная мантия, молоток и иные ритуальные предметы); заранее известное участникам дискурса место проведения судебных заседаний, куда обязаны явиться участники процесса и на которое они не могут повлиять, и т.д. [Извекова, 2006: с. 11–12]. В частности, в ИЮД Испании используются следующие формулы-обращения: *«Excelencia»* (*«Ваше Превосходительство»*) – к должностным лицам Генерального совета судебной власти (*Consejo General del Poder Judicial*), к судьям Верховного суда Испании, председателю Национального суда (*Audiencia Nacional*), председателям верховных судов автономных сообществ (*Tribunales Superiores de Justicia*) и некоторым высокопоставленным представителям органов судебной власти; *«Señoría Ilustrísima»* («*Ваша Светлость*») – к председателям судебных коллегий (т.е. структурных подразделений высших судебных органов разных уровней) и судов провинций, а также к членам любых коллегиальных судебных органов

(*magistrados*); «*Señoría*» («*Ваша честь*») – к судьям судов первой инстанции, рассматривающим дела единолично (*jueces*)[21].

Ритуальность как имманентное свойство ЮД реализуется посредством вербальных, невербальных и паравербальных компонентов дискурса, обладающих собственным прагматическим функционалом и потенциалом. В качестве таких компонентов могут выступать высказывания-формулы (вербальные ритуалы), артефакты – вещи, имеющие собственный прагматический функционал в судебном процессе, и артефактуальные действия (поведенческие ритуалы и жесты). Все они могут рассматриваться и исследоваться в качестве самостоятельных элементов семиотического пространства ЮД.

Отметим, что ритуальность совершения некоторых перформативных актов ЮД не обязательно является проявлением ритуальности как свойства ЮД. Помолвка и обряды ее совершения являются юридически нейтральными и не рассматриваются в ЮД, за исключением обязательных формальных требований к помолвке, которые установлены законом.

В лингвокультурологической парадигме под артефактом понимается любой искусственно созданный объект, который может функционировать в различных сферах культурно-семантического поля, отличается полисемией и имеет свойство вариативного проявления в различных культурных средах [Ежова, 2022: с. 469–470]. Артефакт как объект культуры имеет собственное значение (код), однако это значение раскрывается исключительно посредством артефактуального действия – активного и избирательного действия, в ходе которого происходит передача накопленного культурного опыта от поколения к поколению, что обеспечивает сохранение и воспроизведение материальной и духовной культуры [Николаев, 2011: с. 193]. Артефакт функционирует в качестве реального материального объекта дискурса и выполняет роль визуального манифеста, транслируя дополнительное смысловое и символьное содержание, релевантное для адресанта,

[21] Acuerdo de 23 de noviembre de 2005, del Pleno del Consejo General del Poder Judicial, por el que se aprueba el Reglamento № 2/2005, de 23 de noviembre, de honores, tratamientos y protocolo en los actos judiciales solemnes. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2005-20840 (дата обращения: 03.02.2026).

который посредством использования артефакта передает прагматически маркированные значения и выстраивает собственное смысловое поле, позволяющее управлять дискурсивным и социальным поведением адресата [Ларионова, 2026(б): с. 298–299].

Экстраполируя предложенный подход к пониманию сущности артефакта на дискурсивную сферу, можно утверждать, что артефактуальное действие в дискурсе есть ритуальное действие, поскольку при осуществлении заранее предусмотренного, зачастую традиционного действия происходит эффективное декодирование смысла, заложенного в конкретном артефакте, который функционирует как компонент дискурса. Так, в юридическом дискурсе к артефактам относятся мантии судей, судейский парик, молоток судьи, которые используются в ходе судебного разбирательства – процессе, предусматривающем последовательность ритуальных (в том числе артефактуальных) действий.

В действующем законодательстве России в качестве символа судебной власти, наряду с Государственным флагом РФ и изображением Государственного герба РФ, указаны мантии, в которые облачаются судьи при осуществлении правосудия[22]. Судейская мантия как атрибут судебной ветви государственной власти идентифицирует судью как лицо, осуществляющее правосудие, и свидетельствует о его особом статусе, авторитете перед лицами, присутствующими на заседании. Мантия символизирует отстранённость судьи от эмоций, его беспристрастность при рассмотрении дела, придаёт процессу статус ритуала и торжественность, а чёрный цвет рассматривается как символ сосредоточенности судьи на рассмотрении дела. Мантия дисциплинирует всех участников процесса, включая судью, вызывает почтение, усиливает официальность осуществляемых в рамках судебного заседания действий.

Однако частое ношение данного атрибута судебной власти может приводить к прямо противоположному прагматическому эффекту и провоцировать «синдром

[22] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/d1c095697d409091dbbc32adc5e11c2fd85a7bae/ (дата обращения: 17.08.2024).

чёрной мантии» – чувство отчуждённости и отстранённости от реальности, восприятия собственной незыблемости и авторитетности, непогрешимости и неприкосновенности, которое приводит к пренебрежительному отношению к участникам процесса, недостатку самокритичности, излишней самоуверенности, утрате объективности и беспристрастности при рассмотрении дела [Галятин, 2024]. Среди негативных последствий ношения мантий отмечаются также торможение работы суда ввиду стеснения участников от излишней театрализованности процесса и идеализированное восприятие судей, образ которых не предполагает ошибок и адекватной критики [Дубровская, 2010, с. 85–86]. Указанные негативные последствия иллюстрируют прагматическое нарушение символьного восприятия мантии, которая должна ассоциироваться исключительно с самим ритуальным событием – судебным процессом, а не с личностью судьи, которая вне судебного процесса, вне облачения в мантию перестаёт быть частью юридической дискурсивной семиотики и должна осознавать себя и восприниматься окружающими внедискурсивно.

Судейский молоток с фигурной рукояткой на деревянной подставке не является официальным символом судебной власти в России и используется преимущественно в государствах англосаксонской правовой семьи. Вместе с тем благодаря его использованию в медийной среде, фильмах и телевизионных шоу, именно судейский молоток приобрёл устойчивую ассоциативную связь с судебным процессом. Удар судейским молотком по специальной подставке по окончании судебного заседания символизирует его завершение и неоспоримость вынесенного решения. Если удар молотка по специальной подставке происходит в ходе судебного заседания, это означает приказ судьи не нарушать порядок его проведения.

Прагматическая категория перформативности, которая выражается в тождественности слова и действия, приводящей в результате осуществления действия к изменению действительности, в ЮД получает не только вербальную, но и невербальную, экстралингвистическую, реализацию: перформативность эксплицируется через ритуальный акт удара молотком по подставке. Подобное

действие, с одной стороны, равнозначно декларативному речевому акту, обладающему свойством перформативности, а именно: «Объявляю судебное заседание закрытым», а с другой стороны, директивному речевому акту, вербальным выражением которого может считаться фраза: «Приказываю соблюдать порядок в судебном заседании». Таким образом, иллокуция данного ритуального действия детерминируется дискурсивным контекстом его осуществления.

Ритуальность не только институциональна, но и национально специфична. Данный тезис можно проиллюстрировать на примере процессуальных особенностей проведения судебных заседаний в одном из двух ирригационных судов Испании.

Средиземноморские ирригационные суды Испании, признанные в 2009 году нематериальным культурным наследием ЮНЕСКО[23], получили правовой статус в Конституции Испании 1978 года: в силу ст. 125 граждане Испании вправе принимать участие в отправлении правосудия посредством обычных и традиционных судов (*Tribunales consuetudinarios y tradicionales*). Такими судами были признаны Совет добрых людей Мурсии (*Consejo de Hombres Buenos*[24] *de Murcia*) и Водный трибунал плодородных земель Валенсии (*Tribunal de las Aguas de la Vega*[25] *de Valencia*) – старейшее учреждение по отправлению правосудия в Европе [26] . Последний орган сохраняет специфику судебных заседаний до настоящего времени.

---

[23] Decision of the Intergovernmental Committee: 4.COM 13.70 [Электронный ресурс] // UNESCO: [сайт]. URL: https://ich.unesco.org/en/decisions/4.COM/13.70 (дата обращения: 01.07.2025).

[24] *Hombre bueno* переводится также как «достойный / хороший человек», и в Средние века в королевствах Кастилия и Леон словосочетание означало представителей третьего сословия, которых избирали в городские советы или утверждали на муниципальные должности; как правило, избирательное право было обусловлено наличием у таких лиц недвижимого имущества. См.: Испанский язык. Испания: политика, экономика, культура : лингвострановедческий практикум / А. В. Дементьев, Н. А. Дементьева ; под ред. О. Б. Чибисовой. – М.: МГИМО-Университет, 2025. С. 55.

[25] *Vega* – специфический термин испанского языка, означающий «низкую, ровную и плодородную землю, обычно орошаемую рекой или каналом». DLE: https://dle.rae.es/vega?m=form (дата обращения: 30.07.2025).

[26] По информации, размещённой на официальном сайте суда: https://tribunaldelasaguas.org/es/el-tribunal/historia (дата обращения: 30.07.2025).

Заседание в Водном трибунале плодородных земель Валенсии традиционно начинается в строго фиксированное время (каждый четверг, в 12:00) и проводится в одном и том же месте (возле Ворот Апостолов Кафедрального собора успения Пресвятой Богородицы). Символьным характером обладает облачение восьмерых представителей (*síndicos*), каждый из которых является уполномоченным лицом одного из восьми оросительных каналов Валенсии (*acequias*): во время заседания они одеты в традиционную одежду валенсийских фермеров, представляющую собой чёрную блузу (*blusa de huertano*). Она символизирует преемственность традиций, скромность, связь с землёй и подчёркнуто отличается от судейских мантий (*síndicos* позиционируют себя не в качестве судей, а уполномоченных представителей соответствующих оросительных зон). Место открытого заседания уполномоченных представителей ограждено от публики портативной конструкцией, заключая представителей в круг, как показано на Рисунке 2, что одновременно транслирует независимость и коллегиальность принятия ими решений.

Рисунок 2 – Заседание Водного трибунала плодородных земель Валенсии возле Ворот Апостолов Кафедрального собора успения Пресвятой Богородицы
Источник: официальный сайт Водного трибунала Валенсии
URL: https://tribunaldelasaguas.org/imagenes/

Особую роль в судебных заседаниях играет судебный пристав (*Alguacil*, или *Guarda*) – стражник, который ранее отвечал за исполнение решений, вынесенных судом: именно он поднимал и опускал шлюзовые ворота-упоры, влияя на процесс орошения земель. Пристав-стражник начинает судебное заседание ритуальной фразой на валенсийском языке: *«¡Denunciats de la séquia de Quart!»* – «*Ответчики из зоны оросительного канала Quart*!», и это речевое высказывание представляет собой перформативный речевой акт, который означает открытие судебного заседания и начало вызова ответчиков для представления их позиций. Последовательность вызова ответчиков также является проявлением ритуальности: они вызываются по каналам в том порядке, в котором осуществляется забор воды из реки, т.е. первым всегда называется канал Кварт (*Quart*), а последним – канал Робелья (*Robella*). Проявлением ритуальности является и внешний вид стражника: как и уполномоченные представители валенсийских оросительных каналов, он одет в традиционную робу земледельца, на его голове – фуражка (*gorra*), что отличает его от иных участников заседания. Фотография судебного пристава Водного трибунала плодородных земель Валенсии, держащего крюк-гарпун, представлена на Рисунке 3.

Рисунок 3 – Судебный пристав-стражник Водного трибунала плодородных земель Валенсии (*Alguacil del Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia*), держащий в руках крюк-гарпун (*Gancho*)
Источник: официальный сайт Водного трибунала Валенсии
URL: https://tribunaldelasaguas.org/simbolos/

Судебный пристав является носителем официального символа Водного трибунала плодородных земель Валенсии – латунного крюка-гарпуна (*Gancho*), который имеет два зубца, один из которых загнут, и выгравированную с двух сторон надпись с названием судебного органа. Крюк-гарпун представляет собой символьный артефакт: исторически подобным инструментом поднимали и опускали перегородки оросительных каналов на основании решений, принятых судьями Водного трибунала плодородных земель Валенсии. В настоящее время орудие не используется по своему прямому назначению, однако продолжает служить в качестве ритуального артефакта и невербального символа обязательности и исполнимости решений Водного трибунала плодородных земель Валенсии; невербальным подтверждением уважения к традициям и признания важности деятельности уникального исторического органа отправления правосудия.

Таким образом, невербальными проявлениями ритуальности являются использование артефактов (крюка и особого облачения уполномоченных представителей оросительных каналов и пристава), а вербальными –формулы-высказывания на валенсийском языке, которые произносятся приставом в строгой последовательности, исторически установленной по принципу географического расположения оросительных каналов по отношению к водному ресурсу, и проявляющие перформативность в том, что первое из них эквивалентно открытию судебного заседания, а последующие вербализируют процесс вызова ответчиков в суд.

Следует обратить внимание и на историческую важность ритуальных действий, которые играли роль доказательств в судебных процессах. Так, в Русской правде – важнейшем историческом памятнике русского права, содержащем нормы отправления правосудия и процедур доказывания, содержится перечень ритуальных актов, которые надлежало совершить для подтверждения правоты: участники спора могли держать руку в огне, проходить через костер, держать в руках раскаленное железо и т.д. Прагматическое значение указанных жестов проявлялось двояко: во-первых, оно имело функционал клятвы (аналогично

современным присягам свидетелей), а во-вторых, факт прохождения испытания приравнивался к доказательству невиновности с последующим снятием обвинения. В древности и в Средние века жесты играли важную роль в совершении сделок. В Месопотамии формой совершения завещания было взятие наследника за руку; в Англии и Франции формой заключения договора был удар контрагентов по рукам; в средневековой Германии свидетель мог отказаться от принесения клятвы или дачи показаний скрестив руки перед собой [Новикова, 2021: с. 142]. В США произнесение присяги сопровождается поднятием правой руки [Hibbitts, 1995: p. 57].

Клишированность следует рассматривать как частный случай ритуальности, поскольку использование устоявшихся оборотов в определенных ситуациях устной речи (выступление на судебном заседании, на заседании органа законодательной власти и т.п.) и определенных видах письменных текстов (судебный акт, ходатайства, иски и т.п.) представляет собой не что иное, как проявление ритуальности в форме идентично воспроизводимых в определенных ситуациях и контексте вербальных формул. Так, резолютивная часть (*fallo*) каждого решения Верховного суда Испании начинается с формулы следующего содержания: «*Por todo lo expuesto, en nombre del Rey y por la autoridad que le confiere la Constitución, esta sala ha decidido…*» – «Ввиду всего изложенного выше, от имени Короля и в силу власти, данной Конституцией, судебная коллегия постановила…» и завершается фразой «*Así se acuerda y firma*» – «Так решено и подписано»[27].

Проявлением клишированности в испаноязычном юридическом дискурсе следует признать частое использование в качестве терминов латинских слов и выражений. Данная особенность сближает юридический дискурс с медицинским: несмотря на то, что латинский язык не смог сохранить свою историческую роль международного языка науки и художественной литературы [Боровский, 1991], он продолжает играть важную роль в медицине и юриспруденции.

Одним из важнейших вербальных компонентов, выполняющих особую прагматическую функцию в юридическом дискурсе, выступают латинские

[27] https://www.poderjudicial.es/search/TS/

термины – наследие римского права. Они представляют собой прецедентные элементы истории и теории права, когнитивно необходимые для формирования юридического мышления [Ларионова, Фокина, 2024: с. 58].

Латинские выражения функционируют в качестве самостоятельного компонента терминологии современного международного права, который активно используется в пространстве ЮД, а именно: непосредственно в текстах международных договоров; при установлении содержания международных обычаев как источников международного права; при формулировании общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, на основании которых происходит разрешение споров между государствами [28]; в текстах судебных решений как вспомогательных средствах для установления правовых норм (так, Международный Суд ООН опирается на латинские ЮТ как на общеизвестные, понимаемые всеми единообразно); в сфере международного коммерческого арбитража [Маршалок, Ульянова, 2015: с. 5; автор предисловия к изданию – д.ю.н., проф. А. Н. Вылегжанин].

Множество словосочетаний на латыни функционирует для обозначения коллизионных привязок – той структурной части коллизионных норм права, на основании которых устанавливается право, применимое для регулирования данных правоотношений с иностранным элементом: *lex personalis* – личный закон физического лица, *lex societatis* – личный закон юридических лиц, *lex voluntatis* – право, избранное сторонами, *lex loci delicti commissi* – право места причинения вреда и др. Латинские выражения в качестве терминов активно применяются в сфере торгового права и связанного с ним международного коммерческого арбитража: *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться») – основной принцип договорного права [Принципы международных коммерческих договоров

[28] Статут Международного Суда ООН, ст. 38, п. «с» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap2 (дата обращения: 05.07.2024).

УНИДРУА 2010, 2013: с. 10], *lex mercatoria* – совокупность наднациональных норм и принципов, регулирующих отношения в сфере международной торговли[29].

Самостоятельную подгруппу образуют термины испанского языка, имеющие латинское происхождение и являющиеся историческим наследием римского права. Для перевода этого блока терминов юристу-переводчику потребуется обращение к терминам римского права – исторической основы многих современных правопорядков стран, принадлежащих континентальной правовой семье (в том числе Испании, стран Латинской Америки и России). Ложная безэквивалентность обусловлена тем, что в современном РЮД данные термины не используются, однако эквивалентный перевод может быть установлен посредством обращения к русскоязычным доктринальным источникам, посвященным истории права, в частности – римскому праву. Примерами таких терминов могут послужить *evicción* (эвикция), *domicilio* (домициль / домицилий), *contratos aleatorios* (*de suerte*) = алеаторные (рисковые) сделки и их антоним – *contratos conmutativos* (коммутативные, или меновые договоры, в которых соотношение и объем взаимных обязательств сторон определены и известны сторонам в момент заключения сделки):

CC de Chile, art. 1441. *El contrato oneroso es **conmutativo**, cuando cada una de las partes se obliga a dar o hacer una cosa que se mira como equivalente a lo que la otra parte debe dar o hacer a su vez; y si el equivalente consiste en una contingencia incierta de ganancia o pérdida, se llama **aleatorio**.*	ГК Чили, ст. 1441. Возмездный договор является ***коммутативным***, если каждая из сторон обязуется передать или совершить то, что будет рассматриваться в качестве эквивалента тому, что другая сторона в свою очередь обязана дать или сделать; если эквивалент представляет собой неопределенную вероятность получения прибыли или убытка, он называется ***алеаторным***.

Некоторые термины римского права инкорпорированы в ИЮД практически без изменений либо посредством буквального перевода на испанский язык латинских терминов: *patria potestad* (от лат. *patria potestas*) – родительские права, *buena fe* (от лат. *bona fide*) и *mala fe* (от лат. *mala fide*) – добросовестно и

[29] О трудностях толкования термина *lex mercatoria* см.: Современный международный коммерческий арбитраж: учебное пособие / под ред. А. А. Костина. – М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 146–165. (Автор раздела 4 – А. И. Лобода)

недобросовестно, *causa* (от лат. *causa*) – кауза (основная правовая цель сделки, её юридическое основание), *buenas costumbres* (от лат. *boni mores*) – добрые нравы (поведение, соответствующее этическим и социальным нормам, наиболее широко принятым большинством населения[30]).

Целый ряд юридических терминов на латыни функционирует в современном ИЮД без изменений, т.е. в качестве прямых заимствований: *alibi, litis, petitum, factum, nasciturus, ab initio, ab intestato, a limine, ad litem, habeas corpus, in fraganti, ipso iure, sub iudice, de iure, ut supra, in dubio pro reo, de lege lata* [31]; к ним следует добавить *mortis causa*[32]. Латинские выражения без перевода на испанский язык активно используются в нормативном типе дискурса, несмотря на наличие испаноязычных аналогов, причем одни и те же выражения могут использоваться в рамках одного текста в курсивном написании и в кавычках, на латинском языке и с постановкой графического ударения согласно правилам испанского языка, а также в слитном написании. Особенно заметно указанная тенденция проявляется в отношении ряда терминов наследственного и семейного права – *ab intestato* (по закону), *inter vivos* (между живыми), *mortis causa* (по причине смерти) и *litis expensas* (судебные издержки), которые приводятся далее с сохранением исходного форматирования терминологических словосочетаний (полужирный шрифт наш – А.Ф.):

CC de España, art. 1009. *El que es llamado a una misma herencia por testamento y* ***ab intestato*** *[…].*	ГК Испании, ст. 1009. Лицо, которое призывается к наследованию одновременно по завещанию и **по закону** […].
CC de España, art. 753. *Serán […] válidas las disposiciones hechas en favor del […] cuidador que sea pariente con derecho a suceder* ***ab intestato.***	ГК Испании, ст. 753. […] Будут действительными распоряжения, сделанные в пользу […] осуществляющего уход родственника, который имеет право наследовать **по закону**.
CC de Chile, art. 63.	ГК Чили, ст. 63. […] в отношении договоров, заключенных между лицами, из которых одно или

[30] https://dpej.rae.es/lema/buenas-costumbres

[31] https://www.rae.es/libro-estilo-justicia/el-lenguaje-jur%C3%ADdico/el-lenguaje-jur%C3%ADdico-como-tecnolecto-o-lengua-de-especialidad

[32] https://dpej.rae.es/lema/mortis-causa

*[…] en los casos de contratos celebrados entre personas de las cuales una o varias serán herederos **ab-intestato** de la otra u otras.*	несколько лиц являются наследниками **по закону** другого лица или других лиц.
CC de Chile, art. 952.	ГК Чили, ст. 952.
*Si se sucede en virtud de un testamento, la sucesión se llama testamentaria, y si en virtud de la ley, intestada o **abintestato**[33].*	Если наследование осуществляется в силу завещания, оно называется по завещанию, а если в силу закона – то **по закону**.
CC de España, art. 1346	ГК Испании, ст. 1346
Son privativos de cada uno de los cónyuges […]:	Являются личным имуществом каждого из супругов […]:
*5.° Los bienes y derechos patrimoniales inherentes a la persona y los no transmisibles **ínter vivos**.*	5. Имущество и имущественные права, присущие лицу и не подлежащие передаче **между живыми**.
CC de España, art. 1057	
*El testador podrá encomendar por acto **«inter vivos»** o **«mortis causa»** para después de su muerte la simple facultad de hacer la partición a cualquier persona que no sea uno de los coherederos.*	Завещатель вправе посредством акта «**между живыми**» или «**на случай смерти**» предоставить полномочие по распределению имущества после своей смерти любому лицу, которое не является одним из сонаследников.
CC de España, art. 103	ГК Испании, ст. 103
Admitida la demanda, el Juez, a falta de acuerdo de ambos cónyuges aprobado judicialmente, adoptará […] las medidas siguientes: […]	После принятия к рассмотрению иска суд при отсутствии соглашения супругов, утвержденного в судебном порядке, […] принимает следующие меры:
*3.ª Fijar, la contribución de cada cónyuge a las cargas del matrimonio, incluidas si procede las **«litis expensas»** […].*	3. Определяет вклад каждого из супругов в расходы, связанные с браком, включая, при необходимости, **судебные издержки** […].

Однако латинские слова и выражения функционируют в ИЮД не только в качестве терминов, но и дискурсивных формул (или институциональных фразеологизмов) – профессионально маркированных лексических и фразеологических единиц, типичных для определенного дискурса высказываний, которые характерны для речи агентов институционального дискурса и предназначены для стандартизации общения и выделения принадлежности говорящих к определенному социальному институту в противопоставление тем, кто не принадлежит к данному социальному институту и обращается к нему для решения проблем как к профессиональному сообществу [Бейлинсон, 2008: с. 42]. Несмотря на законодательно закреплённое требование о том, что судопроизводство

[33] Всего по тексту ГК Чили встречается 26 примеров слитного написания термина – *abintestato*.

и делопроизводство в судах РФ ведутся на русском языке[34], в решениях российских судов используются высказывания на латыни, сопровождаемые переводом на русский язык. Наиболее часто употребляются краткие и широко известные латинские выражения, например, *status quo* (существующее положение вещей), *de jure* (согласно праву), *ad hoc* (для данного случая) и др. Иногда в судебных решениях встречаются целые предложения на латыни, имеющие аналог в русском языке. Так, арбитражные суды и суды общей юрисдикции используют латинские фразы в тех случаях, когда приводят позиции Конституционного Суда РФ и существовавшего до 2014 года Высшего Арбитражного Суда РФ, например, *Lex posterior derogat priori* – «Последующий закон отменяет предыдущий»; *Lex specialis derogat generali* – «Специальный закон отменяет общий»; *Nullum crimen, nulla poena sine lege* – «Нет преступления, нет наказания без указания на то в законе»; *Delegatus non potest delegare* – «Никто не может передоверить полномочий больше, чем есть у него самого» и др. [Ефименко, 2019].

В ИЮД формулы на латыни используются судами без перевода на испанский язык, зачастую в курсивном написании. Так, Хайме Ариас Кайетано (*Jaime Arias Cayetano*) собрал перечень из 17 латинских выражений, использованных в постановлениях Верховного суда Испании за 2006 год (Приложение 1), который существенно расширил и дополнил Луис Буэно Очоа (*Luis Bueno Ochoa*) путем включения выражений на латыни, используемых в судебных решениях, с переводом на испанский язык [Bueno Ochoa, 2022]. Активное использование латинских выражений без перевода с латыни проявляется и в материалах на правовые темы, опубликованных на специализированных сайтах, ориентированных на специалистов в области права.

Таким образом, латинские выражения в ЮД выполняют функцию экономии когнитивно-языковых средств, представляя собой краткие и ёмкие по смыслу высказывания, которые презюмируются известными всем коммуникантам

[34] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023), ст. 10 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 01.07.2024).

дискурса. Во многих сферах права латинские словосочетания являются устоявшимися терминами, и их использование обеспечивает единообразное толкование обозначаемых явлений специалистами, говорящими на разных языках, что имеет первостепенное значение для обеспечения дискурсивных функций и достижения целей дискурсивного взаимодействия. Дискурсивная прагматика фраз на латыни связана с их использованием в качестве фигур речи, обеспечивающих авторитетность утверждений и прецедентность принимаемых судом решений.

Можно констатировать, что в сфере международного публичного и частного права латинские выражения передают денотативное значение понятия, сохраняя характеристики термина, однако в ином контексте использования (например, при их употреблении исключительно в прагматических целях) они транслируют символьные смыслы, способствуя сохранению ритуальности юридического дискурса.

Для ЮД характерно использование официально установленных обращений, которые могут рассматриваться как ритуальные компоненты-клише ЮД, сопутствующие определенным дискурсивным действиям ритуального характера.

Реализуя единство функций общения и познания, ЮД включает в себя коммуникативные структуры, текстовые и метатекстовые элементы, относящиеся к акту общения. В качестве метатекстовых единиц функционируют различные дискурсивные формулы – особые конструкции, устойчивые и легко воспроизводимые единицы, используемые в речевом акте для упрощения коммуникации; типовые реакции, равные одной реплике, которые являются маркерами реакций на определённые вербальные стимулы [Жукова, 2019: с. 297]. Примерами дискурсивных ритуальных формул выступают ритуальные реплики, означающие начало и конец судебного заседания («Прошу всех встать! Суд идёт!»), ритуальные обращения: «Господин прокурор», «Господа присяжные заседатели», ритуальные присяги-клятвы свидетелей) и т.п.

В ходе судебного разбирательства все его участники реализуют определённый дискурсивно-функциональный статус – защитника, обвинителя, судьи, подсудимого, свидетеля и т.д. Закреплённый статус формально

обеспечивается ритуальными действиями и ритуальными клишированными текстами. Отдельные формулы-обращения фиксируются в статьях процессуальных кодексов, содержащих нормы, регулирующие порядок судебного заседания. Так, все участники судебного разбирательства и все лица, присутствующие в зале заседания, обязаны использовать ритуальные обращения: к составу суда – «Уважаемый суд», к судье – «Ваша честь». Ритуальность обеспечивается непреложным требованием о том, что участники обязаны стоять при обращении к суду, при даче показаний и объяснений, при формулировании вопросов и ответов иным лицам, а также при заслушивании решения или определения суда по окончании рассмотрения дела (ст. 158 ГПК РФ[35], ст. 154 АПК РФ[36], ст. 257 УПК РФ[37]).

Свойствами ритуальности и перформативности обладает текст присяги свидетелей и экспертов, который содержится в регламентах судов. В частности, в Конституционном Суде РФ свидетель, зачитывая текст присяги, обязуется давать только правдивые и полные показания об известных ему лично сведениях и материалах, касающихся рассматриваемого дела; аналогичный текст произносят эксперты, которые тем самым заверяют, что будут исполнять свои обязанности честно и добросовестно, основываясь на своих профессиональных знаниях, руководствуясь ст. 63 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и своим собственным убеждением[38].

Категория ритуальности, нацеленная на интеграцию и консолидацию участников судебного дискурса, одновременно связана с сосуществующей категорией чуждости, направленной на их дифференциацию: соблюдение различных ритуальных элементов, с одной стороны, объединяет участников судебного дискурса в рамках конкретного процесса, а с другой стороны, демонстрирует отчуждённость агентов и клиентов дискурса, их нейтральность и отстранённость по отношению к правовым ситуациям, что делает правовую

[35] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
[36] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
[37] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
[38] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13034/

систему закрытой областью профессиональной коммуникации [Богомазова, 2014: с. 102].

Ритуальность, институциональность и перформативность – типологические характеристики ЮД, для которых характерны тесная взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимное потенцирование [Ларионова, Фокина, 2025: с. 55].

Связь ритуальности с институциональностью проявляется в том, что последняя отличается социально-ритуальным характером конвенциональных коммуникативных актов – форм речевого взаимодействия, стандартизированных и регламентированных конкретным обществом [Храмцова, 2012: с. 75], которое в этой связи следует толковать не только как общество в целом, но и как его отдельную, относительно устойчивую группу, в качестве которой может выступать юридическое сообщество. Ввиду презюмируемой осведомленности всех коммуникантов процесса о правилах проведения судебного разбирательства они имеют возможность заранее спланировать стратегию коммуникативного взаимодействия в рамках ЮД и выстроить его в соответствии с существующими дискурсивными рамками и моделями, в качестве которых выступают процессуальные нормы. Ритуальность как свойство ЮД во многом коррелирует с принципами правовой определённости и системности обязательных требований, содержащихся в нормативно-правовых актах, которые предполагают их ясность, логичность и понятность всем дискурсивным коммуникантам, недопустимость противоречий при их применении и согласованность с целями и принципами законодательного регулирования, а также их системное единство (ст. 7 ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»)[39]. Такой тип кодирования информации, для которого характерны ясные и чёткие формулировки, способствует устранению социальных противоречий и приведению событий и обстоятельств к такому закономерному результату, который обусловлен системой установившихся и признанных в обществе ценностей [Храпова, 2019: с. 149].

[39] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/95b7bacf7a7228c578178f5b3ec806258af3f9cf/

Протокольность и официальность общения являются признаками перформативного типа дискурса, к которому относится ЮД. Официальность ЮД имеет непосредственную связь с институциональностью ЮД, поскольку объективирует, актуализирует статусно-ролевые отношения дискурсивных коммуникантов, в то время как протокольность предполагает определенную последовательность осуществления различных речевых актов. Официальность и протокольность рассматриваются в качестве двух равнозначных компонентов ритуальности перформативного типа дискурса [Сахарова, 2019: с. 63–64].

Терминологичность

ЮД, по своей сути являясь специализированной, сугубо профессиональной средой общения, характеризуется высокой степенью терминологичности. Для успешного коммуникативного взаимодействия в этой сфере участники должны обладать глубоким пониманием юридической терминологии и корректно применять ее в разных контекстах, принимая во внимание особенности ее использования в конкретной области права или в определенном нормативно-правовом акте. Кроме того, среди всех терминологических систем юридическая терминология занимает особое место, располагаясь между научно-технической терминологией, с которой её объединяют термины гуманитарных наук, и терминологией, характерной для органов власти [Martí Sánchez, 2004: p. 181].

Одной из ключевых характеристик юридических текстов является их специфическая терминологическая (понятийно-смысловая) насыщенность, что обусловлено потребностью в точной и формализованной оценке действий людей как правомерных или неправомерных. Таким образом, юридический термин выполняет функцию маркера нормы поведения или отклонения от нее, что обеспечивает однозначное понимание и универсальную интерпретацию содержания текста. Вместе с тем избыточная терминологичность юридических документов зачастую приводит к тому, что реципиент, не обладающий глубокими познаниями в сфере права, не сможет понять их содержание и не сможет сформировать никаких интерпретаций без обращения за помощью к профессионалам, которые обладают достаточной компетенцией для надлежащей

интерпретации правового материала [Кожемякин, 2012: с. 19–20]. Следовательно, терминологичность дискурса является инструментом, позволяющим сохранять его профессиональность и институциональность.

Проявлением свойства терминологичности следует считать также рассматриваемые в диссертационном исследовании случаи использования выражений на латыни в качестве устоявшихся терминов.

Интертекстуальность и прецедентность

Интертекстуальность, в отличие от рассмотренных выше характеристик ЮД, в наибольшей степени проявляется в нормативном типе ЮД. Это свойство предполагает возможность инкорпорирования в один текст нормативного характера ссылки на другой текст с заимствованием элементов, отличающихся определенным содержанием и формальностью [Новикова и др., 2020: с. 34]. Интертекстуальные связи, устанавливаемые между элементами ЮД, способствуют обеспечению единства дискурсивного пространства и преемственности в праве [Крапивкина, 2014]. «Текстом-донором» могут выступать иные нормативно-правовые акты (законы и уточняющие их подзаконные акты) и материалы судебных заседаний прецедентного характера [Богатырёв, 2016: с. 57]. В отношении судебного дискурса предполагается существование связи судебного решения со всеми документами, принятыми судом и приобщенными к материалам дела.

Однако прежде, чем перейти к рассмотрению интертекстуальности, следует остановиться более подробно на термине «текст», в отношении которого среди лингвистов нет единства толкования. Текстом может являться любое вербальное произведение, результат общения [Костомаров, 2005: с. 33]; каждое речевое произведение [Лингвистическая стилистика, 2006: с. 216]. Текст может быть выражен в устной и письменной форме; именно он наиболее полно передаёт национальную ментальность, мировидение, картину мира, национальный характер носителей культуры и является отражением когнитивных структур – структур человеческого сознания и мышления и выражением внеязыковой действительности [Фирсова, 2021: с. 37]. Следует согласиться с точкой зрения, в соответствии с

которой в пространстве ЮД тексты фиксируют нормы и правила человеческого общежития, ввиду этого существование юридической дискурсивной практики принципиально невозможно без текстовой основы, которая выступает в качестве практического ориентира, догматического обоснования юридически значимых действий и знаковой формы права [Кожемякин, 2012: с. 19]. В виде текстов-документов институционально объективируются действия участников дискурса, и документ может рассматриваться как форма существования определенной дискурсивной ситуации, как «статический отпечаток» реального дискурсивного взаимодействия [Палашевская, 2012: с. 146].

Ещё Ф. де Соссюр отмечал, что единицы языка наилучшим образом могут быть выделены именно посредством анализа речи, регистрирующей язык, поскольку отсутствует возможность для этих целей исследовать работу, происходящую в клетках головного мозга [Слюсарева, 2023: с. 14]. Данный постулат в полной мере применим и к терминам – основным языковым единицам ЮД. Регистрация языка происходит прежде всего в текстах, и в этой связи следует отметить, что ЮД не ограничивается текстами нормативно-правовых актов (законами, подзаконными актами, издаваемыми органами исполнительной власти), судебных актов, но и включает иные тексты, которые именуются условно юридическими, или квазиюридическими. К ним относятся научные статьи и монографии, учебники и учебные пособия по юриспруденции, а также публикации в СМИ, при условии, что автор публикации юрист [Чибисова, 2016: с. 243]. Развивая мысль, отметим, что помимо авторства (адресанта текста), при отнесении текста к ЮД следует учитывать целевую аудиторию (адресата текста); издание, в котором опубликован материал; жанр публикации, а также иные дискурсивные факторы.

Исследовательский потенциал интертекстуальности ЮД не только позволяет исследовать термины, но и использовать схожий прием ссылок при переводе безэквивалентных терминов. Особенно эффективным использование свойства интертекстуальности представляется в тех случаях, когда в законе есть дефиниция безэквивалентного термина: ссылка на соответствующую дефинитивную статью

позволит осуществить экономию языковых средств и избежать повтора идентичного описательного перевода испаноязычного термина при переводе нескольких идущих подряд статей, регламентирующих одно и то же правовое явление.

Практическая реализация свойства интертекстуальности проявляется и при освещении правовой тематики в пространстве медийного дискурса: зачастую в тексте публикации встречаются гиперссылки на полный текст закона [40], постановления или судебного акта [41], положения которого рассматриваются автором публицистического материала (аналитической статьи). Гиперссылки оформляются и применительно к ключевым терминам, используемым в публикации. Такой приём позволяет, с одной стороны, продемонстрировать знание первоисточника, что повышает достоверность информации в глазах читателя, а с другой стороны, позволяет достичь эффекта иммерсивности: автор приглашает читателя самостоятельно углубить свои знания в соответствующей юридической области и одновременно снимает с себя нагрузку по разъяснению правовых явлений, обозначенных используемыми в публикации терминами. В результате процессов медиатизации и развития информационных технологий на стыке юридического и медийного дискурса образуется полидискурсивное медийное пространство в качестве вспомогательной по отношению к ЮД дискурсивной практики, которая не может считаться частью ЮД ввиду того, что ей не свойственны рассмотренные выше типологические характеристики ЮД (институциональность, перформативность, ритуальность). Однако основная ценность указанного дискурсивного пространства для ЮД состоит в том, что именно в нем происходят процессы концептуализации и категоризации социальных явлений, требующих нормативно-правового регулирования.

Исходя из всего многообразия текстов, относящихся к ЮД, следует констатировать наличие взаимосвязи не только между собственно текстами

---

[40] См. например: https://noticias.juridicas.com/actualidad/jurisprudencia/21270-el-tc-declara-inconstitucional-y-nula-la-deduccion-de-la-rioja-en-el-irpf-por-inicio-de-actividad/

[41] См. например: https://noticias.juridicas.com/actualidad/jurisprudencia/21254-un-banco-puede-retener-una-herencia-hasta-verificar-la-firma-de-todos-los-herederos/

нормативно-правовых актов, текстов судебных решений, на них ссылающихся, и научных статей, в которых имеются прямые или подразумеваемые отсылки к текстам нормативно-правового характера. Любое коммуникативное взаимодействие в пространстве ЮД подразумевает наличие у адресатов базовых знаний в сфере права и возможности обратиться к соответствующим источникам права, регулирующим конкретную правовую проблему, без необходимости адресанта включать прямую ссылку. Иными словами, существует некая презюмируемая связь, существующая между любым текстом юридического содержания и текстами законов и подзаконных актов, регулирующих рассматриваемый в тексте вопрос, между речью адвоката и текстом кодекса, регулирующего права подзащитного. Подразумевается, что все профессиональные коммуниканты априори осведомлены о сущности базовых правовых концептов, и применительно к текстам такая связь с уже существующими нормативно-правовыми и судебными актами обозначается термином прецедентность, под которой понимается историческая преемственность, обусловленная развитием права как единой, целостной и взаимосвязанной системы правовых норм. К прецедентным текстам относятся конституции, уголовный кодекс конкретного государства, международные договоры [Кожемякин, 2012: с. 22].

Прецедентным характером обладают не только тексты, но и прецедентные формулы, к которым относятся аксиомы права как ценностно-регулятивные основания, объясняющие выбор действий и предписывающие определенный ход событий в институциональной среде; такие аксиомы имплицируют очевидные истины, простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта взаимодействий в институциональной среде права. Аксиогенная сущность норм права проявляется, в частности, в латинских выражениях, известных со времен римского права: *Jus est ars boni et aequi* – Право есть искусство добра и справедливости; *Dura lex sed lex* – Закон суров, но это закон и т.п. [Палашевская, 2017: с. 144–149]. Вместе с тем, прецедентности права может быть противопоставлена другая характеристика ЮД, а именно его социально-политическая детерминированность: право создается в определенном социо-

культурном контексте, который следует иметь в виду при интерпретации правовых предписаний, и вбирает в себя моральные нормы и ценности, присущие обществу на конкретном этапе его развития; также следует учитывать, что современный ЮД более детерминирован политическим контекстом, в то время как в средние века он был обусловлен религиозным дискурсом [Бартагариева, 2020: с. 98].

§ 4. Юридический дискурс стран Латинской Америки и Испании: единство и многообразие испаноязычного дискурсивного пространства

Предваряя предметный анализ семантических и прагматических особенностей терминологии, следует задаться вопросом о том, можно ли говорить о существовании испаноязычного юридического дискурса как единого коммуникативного пространства Испании и испаноязычных стран Латинской Америки. Состоятельность данного терминологического обобщения не может быть имплицитным допущением и требует надлежащего теоретического обоснования.

По утверждению основоположника отечественной латиноамериканистики Г. В. Степанова, литературный испанский язык существует в его многочисленных национальных вариантах [Степанов, 2022: с. 12]. Отмечая языковую общность испаноязычных народов, Н. М. Фирсова подчеркивает, что испанскому языку свойственна «широкая территориальная вариативность, обусловливающая межвариантную национально-культурную специфику коммуникации» [Фирсова, 2021: с. 5]. М. М. Раевская на основе существующих концепций типологической вариативности испанского языка приходит к выводу о том, что испанский язык в странах Латинской Америки следует рассматривать как «гетерогенный континуум», охватывающий существующие территориальные разновидности испанского языка, на которых говорят на американском континенте [Раевская, 2021: с. 29]. Своеобразие исторического, духовного и социального развития явилось основой национального мировидения стран Латинской Америки, которое опирается на культуру, обеспечивающую целостность латиноамериканской социальности при ярко выраженном разнообразии культурных традиций, что позволяет сохранить в качестве сущностной характеристики своего развития *unidad en la diversidad* – «единство в многообразии» [Ларионова, 2024: с. 35].

Вариативность испанского языка проявляется даже на уровне этнонимов – номинаций этнических групп или народов, жителей определенной территории: помимо официальных, альтернативных и супплетивных форм этнонимов, в литературном и медийном дискурсах активно используются топонимические прозвища – неофициальные наименования этнических сообществ и жителей, которые служат способом межнациональной идентификацией и являются реальным выражением существующей в коллективном сознании оппозиции «свой–чужой» [Ларионова, 2025: с. 151–152]. Подтверждения справедливости изложенных тезисов применительно к терминологии находим в законодательстве и комментариях к законодательству латиноамериканских государств.

Так, в ГК Аргентины для обозначения договора аренды в ст. 1187 используется термин *contrato de locación* вместо гораздо более распространенного в ИЮД термина *contrato de arrendamiento*, а стороны по договору обозначаются терминами *locador* (арендодатель) и *locatario* (арендатор). В комментариях к законодательству Аргентины используются более распространенные и общеупотребительные термины *arrendamiento u alquiler* для обозначения договора аренды [Caramelo, 2015: p. 35, 565], а для обозначения сторон – *arrendador* и *arrendatario* и даже *inquilino* (жилец, то есть сторона по договору найма жилого помещения) [Font, 2024: p. 191]. На полную синонимию терминов *contrato de arrendamiento* и *contrato de locación* применительно к Аргентине и Никарагуа указывает DPEJ[42].

Терминологические различия наблюдаются также в наименовании органов и должностных лиц: в ИЮД для обозначения судей функционируют два термина – *juez* и *magistrado*. При этом различия между ними характерны не для всех национальных вариантов испанского языка. Так, в ЮД Испании *juez* обозначает судью единоличного судебного органа первой инстанции – *juzgado*, в то время как термин *magistrado* используется для номинации судьи, имеющего более высокую по сравнению с *juez* категорию [43] и рассматривающего дела в составе

[42] https://dpej.rae.es/lema/contrato-de-locaci%C3%B3n
[43] https://dle.rae.es/juez?w=magistrado&m=form

коллегиального судебного органа, осуществляющего пересмотр дела, – *tribunal*. Аналогичное различие проводится в ЮД Колумбии: термином *magistrado,-a* используется в номинации судей Верховного суда Колумбии[44]; кроме того, этот термин в словосочетании *Honorable Magistrado,-a* используется для обозначения членов Национального избирательного совета (*Consejo Nacional Electoral*)[45] – органа, аналогичного Центральной избирательной комиссии РФ. В большинстве стран Латинской Америки подобное разделение отсутствует, и термин *juez* используется для обозначения любого судьи вне зависимости от суда. Учет контекста использования и отнесение текста к ЮД того или иного государства потребуется для верного толкования существительного *las Cortes*, используемого во множественном числе: в ЮД Испании данный термин является сокращенным наименованием органа законодательной власти – Генеральных кортесов (*las Cortes Generales*), которое используется в том числе в п. 3 ст. 86 текста Конституции Испании: *Durante el plazo establecido en el apartado anterior, las Cortes podrán tramitarlos [Decretos-leyes] como proyectos de ley por el procedimiento de urgencia*[46]. – <В течение срока, установленного в предыдущем пункте, Кортесы вправе рассматривать их [декреты-законы] в качестве законопроектов в порядке срочной процедуры>. В ЮД стран Латинской Америки термин используется для обозначения совокупности судов высшей инстанции: *Las Cortes Generales o Cortes Supremas son órganos que ejercen todos sus poderes y potestades a través del Poder Judicial de un país*[47]. – <Верховные суды являются органами, которые осуществляют все свои полномочия и власть через судебную власть страны>.

В законодательстве Мексики проводится четкое различие между терминами *daño* и *perjuicio*[48]:

CCF de México, art. 2108	ГК Мексики, ст. 2108

[44] Официальный сайт Верховного суда Колумбии. URL: https://cortesuprema.gov.co/la-corte-magistrados-integrantes/

[45] https://www.cne.gov.co/la-entidad/magistrados

[46] Constitución Española. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229

[47] ¿Cómo se integran las Cortes Supremas en América Latina? URL: https://www.sprinforma.mx/noticia/como-se-integran-las-cortes-supremas-en-america-latina

[48] https://mexico.justia.com/federales/codigos/codigo-civil-federal/libro-cuarto/primera-parte/titulo-cuarto/i/incumplimiento-de-las-obligaciones/capitulo-i/#articulo-2108

*Se entiende por **daño** la pérdida o menoscabo sufrido en el patrimonio por la falta de cumplimiento de una obligación.*	***Реальным ущербом*** считается утрата или повреждение имущества из-за неисполнения обязательства.
CCF de México, art. 2109 *Se reputa **perjuicio** la privación de cualquiera ganancia lícita, que debiera haberse obtenido con el cumplimiento de la obligación.*	ГК Мексики, ст. 2109 ***Упущенной выгодой*** считается лишение законного дохода, который должен был быть получен в случае исполнения обязательства.

Однако в ГК Испании указанные термины не разъясняются и используются либо совместно (в словосочетаниях *indemnizar los daños y perjuicios* – <возмещать убытки>*, responder de los daños y perjuicios* – <нести ответственность за убытки>*, sufrir daños y perjuicios* – <нести убытки>), либо по отдельности, но без указания различий. В DPEJ представлена следующая дефиниция[49] со ссылкой на ст. 1101 ГК Испании, которая подтверждает тезис о том, что в ЮД Испании термины *daños* и *perjuicios* используются в неразрывной взаимосвязи и объединяются общим термином *lesión económica* – экономический ущерб:

Lesión económica causada por acciones u omisiones, culposas negligentes o dolosas, sean generadoras de responsabilidad civil o penal.	Экономический ущерб, причиненный умышленными и неумышленными действиями и бездействием, которые являются основанием для гражданской или уголовной ответственности.

Для обозначения терминологического словосочетания «причинение смерти по неосторожности» в испанском языке функционируют сразу несколько терминов: *homicidio culposo* (Перу), *homicidio en riña* (Гондурас, Аргентина, Чили), *homicidio imprudente* (Испания, Эквадор). Данный феномен следует рассматривать в качестве избыточной синонимии в дискурсивном пространстве ИЮД.

В пользу возможности рассмотрения единого испаноязычного пространства языка Испании и государств стран Латинской Америки свидетельствует и общепризнанный факт того, что не существует какой-либо «панамериканской нормы литературной речи», литературная норма едина [Фирсова, 2021: с. 13].

В отношении Испании следует отметить, что в соответствии со ст. 3 Конституции Испании государственным языком является кастильский, и все испанцы имеют обязанность знать его и право пользоваться им; остальные языки

[49] https://dpej.rae.es/lema/da%C3%B1os-y-perjuicios

Испании (*lenguas españolas*) также являются официальными языками в соответствующих автономных сообществах в силу их статутов (уставов)[50]. Так, иные национальные языки Испании – каталанский, галисийский, баскский, или эускера, и валенсийский признаны официальными языками на территории соответствующих автономных сообществ. Кроме того, аранский язык, являющийся одним из субдиалектов окситанского, получил официальный статус на территории Аранской долины (Каталония) наряду с испанским и каталанским языками [Раевская, 2019: с. 112].

Таким образом, испаноязычный юридический дискурс для целей настоящего исследования охватывает дискурсивные практики, реализуемые на пиренейском варианте испанского языка (кастильском) – государственном языке Испании, а также на национальных вариантах испанского (кастильского) языка в странах Латинской Америки.

Возможность рассмотрения испаноязычного ЮД в качестве единого коммуникативного пространства обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, во многих странах Латинской Америки гражданское право формировалось под влиянием французского гражданского права [Soriano Cienfuegos, 2013]. ГК Испании также был создан на основе Кодекса Наполеона 1804 г. с учетом традиций римского права, обычного права и сложившихся к тому периоду особенностей национального испанского законодательства и правоприменительной практики [Шорников, 2010: с. 91]. В связи с этим законодательство Испании и стран Латинской Америки в области гражданского права – важнейшей отрасли права, регулирующей имущественные и неимущественные отношения между гражданами и являющейся основой национальной экономики, отмечено ярко выраженным грамматическим и лексическим сходством.

Во-вторых, ЮД в сравнении с политическим дискурсом отличается большей степенью независимости от изменений политических реалий. ЮД может считаться

[50] https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229

политически нейтральным в той же мере, в которой право может рассматриваться и изучаться в отрыве от политики.

Безусловно, странам Латинской Америки присуща национально-культурная специфика реализации языковых средств в пространстве ЮД. Именно в национальном когнитивном пространстве ИЮД правовые понятия наделяются концептуальным содержанием, превращаясь в термины, обладающие семантической устойчивостью. ЮТ, их толкования и интерпретации являются важной частью когнитивного пространства лингвокультуры и национальной картины мира языкового коллектива как целостной, упорядоченной системы мировосприятия и мировоззрения, представлений об окружающей действительности, которая опосредована языковыми знаками и отражает культурно-национальную ментальность языкового коллектива [Телия, 1999: с. 14], в качестве которого может выступать целая нация.

Выводы по Главе I

На основе проведённого в Главе I диссертации обзора дискурсивных исследований российских и зарубежных учёных можно сделать следующие выводы.

Дискурс – многоплановое, междисциплинарное понятие, история разработки которого охватывает эволюцию от его понимания как прикладного механизма перехода языка как знаковой системы в живую речь до его толкования в качестве самостоятельного, полноценного коммуникативного пространства, обладающего собственным семиотическим содержанием и прагматическим потенциалом. В отечественных исследованиях дискурс рассматривается с точки зрения трёх основных подходов: ситуативно-функциональный подход предполагает исследование речи, выраженной в тексте, с учётом экстралингвистических, социокультурных, психологических и иных факторов; когнитивно-коммуникативный подход опирается на рассмотрение языковой деятельности как разновидности процесса познания и мышления и социального взаимодействия; прагмалингвистический подход позволяет сконцентрировать внимание на языковых формах реализации интенций говорящего и на достижение им собственных дискурсивных целей посредством воздействия на других коммуникантов.

Синтез перечисленных подходов представляется наиболее эффективным при исследовании юридического дискурса – разновидности профессиональной социально-коммуникативной практики. В диссертации ЮД трактуется как когнитивно-коммуникативное пространство, в котором, с одной стороны, происходят процессы познания и применения права как социального регулятора, а также решение профессиональных задач в сфере права, а с другой стороны, функционируют, проявляя семантические и прагматические особенности, юридические термины.

Основными функциями ЮД следует считать регулятивную, перформативную, информативную, интерпретационную, кумулятивную, ритуальную, стратегическую и кодовую.

С учётом существующих представлений о субдискурсах, которые выделяются исследователями в качестве компонентов единого ЮД, особенностей правотворческой и правоприменительной деятельности и функции права как социального регулятора, который должен быть нацелен на решение реальных проблем общества в правовой плоскости, обязательными компонентами ЮД являются нормативный дискурс (он же нормативно-правовой, правотворческий, правовой, законодательный дискурс); правоприменительный дискурс (включающий в себя судебный, но не ограничивающийся им) и доктринальный дискурс. Информационной периферией ЮД следует считать полидискурсивное медийное пространство, сформированное публикациями в СМИ и социальных сетях на различные темы, связанные с правом. Испаноязычные исследователи рассматривают ЮД с точки зрения его функционально-стилистических разновидностей и выделяют аргументативный, дескриптивный, нарративный, экспозитивный и апеллятивный ЮД.

Имманентными свойствами ЮД являются институциональность, перформативность и перлокутивность, ритуальность и клишированность, рассматриваемая как частный случай ритуальности, который объективируется посредством использования вербальных, невербальных (материальных и процедурных) и паравербальных (иконических) дискурсивных компонентов, терминологичность, интертекстуальность и прецедентность. Так, проявлениями ритуальности в ИЮД является активное использование латинских выражений, использование символьных артефактов судебного дискурса в историческом Водном трибунале Валенсии, клишированных обращений к судьям и иные дискурсивные формулы; иконические знаки, используемые в мессенджерах, могут обладать собственным семиотическим кодом в ЮД при их рассмотрении судом в качестве доказательств по рассматриваемому делу. Для свойств ЮД характерна взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимное потенцирование, что позволяет обеспечивать стабильность и результативность деятельности коммуникантов в пространстве ЮД.

Испаноязычный юридический дискурс (ИЮД), несмотря на признанное существование различных национальных вариантов испанского языка, следует рассматривать как единое и неделимое пространство профессиональной коммуникации, осуществляемой в Испании и странах Латинской Америки, ввиду общности терминологической системы, кодифицированной ASALE в Словаре паниспанского юридического языка (*Diccionario panhispánico del español jurídico, DPEJ*). Однако функционирование ИЮТ различается в зависимости от национальной принадлежности конкретного дискурсивного контекста употребления, что следует учитывать при их переводе на русский язык.

ГЛАВА II. ТЕРМИНОЛОГИЯ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

§ 1. Понятия терминологии, термина, терминосистемы. Терминология испаноязычного юридического дискурса

Термин (от лат. *terminus* – граница, предел, пограничный знак) – это слово либо словосочетание, которое обозначает в наиболее точной форме понятие или предмет специальной области знания или деятельности и входит в лексическую систему языка через конкретную терминологическую систему [Лингвистический терминологический словарь, 1990: с. 508]. Это специальное слово, ограниченное своим особым назначением и стремящееся быть однозначным, точным выражением понятий [Реформатский, 1996: с. 61]. С точки зрения когнитивного терминоведения, термины следует рассматривать в тесной связи с концептами – результатами речемыслительной деятельности, которые воплощаются в строго определённых знаках [Манерко, 2024: с. 394]. Термин возникает в процессе рефлексивного познания вещей, которые идентифицируются, классифицируются и интерпретируются, и требует, чтобы его появление сопровождалось дефиницией [Gárate Amoroso, 2021: p. 307].

Терминология – это совокупность терминов определенной области производства, деятельности или знания, которая формирует особый пласт лексики, поддающийся сознательному регулированию и упорядочению [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: с. 473]. Это часть специальной лексики, состоящая из слов и словосочетаний, которые являются номинацией предметов и понятий различных сфер профессиональной деятельности и не относятся к общеупотребительным словам [Лантюхова, 2013: с. 42]. Термин не существует в языке вообще, он существует в составе определенной терминосистемы, охватывающей совокупность терминов конкретной отрасли производства, деятельности, знания, причем один и тот же термин может входить в состав разных терминосистем одного языка, что в научной литературе именуется «межнаучной терминологической омонимией» [Реформатский, 1996: с. 62]. Именно отрасль

производства, деятельности или знания образует терминосистему как особый сектор терминологической лексики, доступный для сознательного регулирования и упорядочения [Реформатский, 1996: с. 62].

Развивая эту идею и отталкиваясь от специфического характера любой отраслевой деятельности, можно предположить, что единая терминосистема ЮД инкорпорирует иные, более частные терминосистемы, которые в сфере ЮД соотносятся с отраслями права. Таким образом, допустимо существование терминосистемы гражданского права, терминосистемы уголовного права, терминосистемы международного права и т.д. Иногда отнесение термина к той или иной отраслевой терминосистеме является единственным средством решения проблемы полисемии ЮТ. Например, в терминосистеме гражданского права термин *delito* означает деликт – проступок частноправового характера, не связанный с неисполнением договора, в результате которого возникает право требовать возмещения причиненного вреда, а в терминосистеме уголовного права *delito* – это преступление, за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность. Данный подход соотносится с принципом маркировки полисемичных терминов в Словаре паниспанского юридического языка (DPEJ): например, существительное *acción* имеет четыре блока значений, соответствующих отраслям права – в уголовном (маркер *Pen. – derecho penal*), в торговом (маркер *Merc. – derecho mercantil*), в процессуальном (маркер *Proc. – derecho procesal*) и в общей теории права (маркер *Gral. – general*)[51].

1. Pen. Primer elemento del concepto de delito, sinónimo de conducta o comportamiento.
2. Merc. Título que representa la unidad mínima de división del capital social de una sociedad de capital.
3. Proc. Derecho subjetivo público que todo sujeto de derecho tiene para impetrar de los órganos competentes la actuación de la potestad jurisdiccional.
4. Gral. Conjunto de actividades desarrolladas por un organismo o institución en el ejercicio de sus competencias.

1. *Уг.* Первый элемент понятия преступления, синоним поведения.
2. *Торг.* Ценная бумага, которая представляет минимальную единицу деления уставного капитала акционерного общества.
3. *Проц.* Публичное субъективное право, которым обладает любой субъект права для истребования от компетентных органов осуществления судебных полномочий.
4. *Общ.* Совокупность действий, осуществляемых органом при осуществлении своих полномочий.

[51] https://dpej.rae.es/dpej-lemas/acci%C3%B3n

Наиболее сложным теоретическим вопросом является установление критериев, по которым та или иная лексическая единица может считаться термином. Практическая необходимость в решении данного вопроса связана с тем, что от установления единообразных критериев термина как такового зависит порядок отнесения слов к терминам и формирование системы терминологии той или иной области знаний. Исследователями выделяются следующие характеристики термина: однозначность, точность, системность, соответствие нормам литературного языка, краткость, отсутствие эмоциональности и экспрессивности, мотивированность (семантическая прозрачность) [Лантюхова, 2013: с. 43]; независимость от контекста, международность и стилистическая нейтральность [Корниевская, 2015: с. 235]; тесная связь с понятием конкретной области знаний, потребность в дефиниции [Шарафутдинова, 2016: с. 168]. Справедливо замечено, что термины по своей природе не нуждаются в контексте (в этой роли выступает их принадлежность к определенной терминологии), могут употребляться изолированно и однозначны в пределах собственной терминологии [Лотте, 1961: с. 73]; в отношении последнего тезиса заметим, что применительно к ЮТ пределы терминологического функционирования могут определяться не только самой общей терминосистемой ЮД, но и отраслевой терминосистемой.

Термины классифицируются по различным критериям:

– по синтаксическим характеристикам: термины, представленные одним словом (термины-слова), и термины, сформированные двумя и более словами (термины-словосочетания); при этом термины-слова по морфемной структуре подразделяются на непроизводные, производные, сложные и аббревиатуры, а по морфосинтаксическому критерию – на субстантивные, адъективные и глагольные [Головин, 1987: с. 70–75];

– по семантическим характеристикам: однозначные и многозначные; идеальным следует считать термин, функционирующий в пределах своей терминосистемы в одном значении;

– по языку-источнику: исконные, заимствованные и гибридные (содержащие заимствованные иностранные термины в качестве отдельных элементов термина);

– по степени закреплённости в терминосистеме: общепринятые, метадиалектные – относящиеся к отдельным научным школам и направлениям и идиолектные – индивидуальные, авторские, окказиональные [Кухно, 2016].

По соотношению с общеупотребительной лексикой выделяются термины, практически полностью совпадающие по значению с общеупотребительной лексикой ввиду распространенности; общеупотребительная лексика, которая при употреблении в юридических текстах обретает терминологическое значение; собственно научные термины, используемые исключительно в ЮД [Мешкова, 2011: с. 221].

Итак, основным дифференциальным признаком термина следует считать обозначение им определенного понятия, относящегося к специальной области знания. Однако в этой связи возникает вопрос о том, следует ли относить к терминам такие слова и словосочетания, которые обозначают специальные понятия, в том числе юридические, но прочно вошли в нашу повседневную жизнь, активно используются в разговорной речи, в публикациях СМИ. Так, например, существительные «право», «государство», «преступление», «правосудие», «договор» и др. используются настолько часто и повсеместно, что могли бы рассматриваться как общеупотребительные слова. Подобные трудности разграничения лексики на терминологическую и общеупотребительную стали причиной возникновения ***функционального подхода*** к термину, который разработал Г. О. Винокур и который поддерживается многими лингвистами (в частности, В. В. Гаком, В. М. Лейчиком, А. И. Моисеевым и др.). Согласно указанному подходу, в роли термина может выступать практически любое слово, поскольку термин представляет собой прежде всего не особый тип лексических единиц, а функцию: термин – это слово в особой функции [Винокур, 1939: с. 5]. Ввиду этого сгруппировать терминологическую и общеупотребительную лексику в два автономных множества практически невозможно [Гак, 1971: с. 68–71].

Вместе с тем допущение абсолютной свободы границ терминологии и исключительно функционального характера терминологической системы могло бы привести к недопустимому размыванию границ профессиональной лексики, сопровождающемуся детерминологизацией – утратой терминами конститутивных свойств в связи с выходом из терминологической системы и, напротив, необоснованной терминологизацией общеупотребительной лексики. Для решения этой проблемы, как представляется, оптимальным является рассмотрение термина как элемента не только терминологии, но и прежде всего профессионального ЮД. В контексте практического использования термина именно дискурс рассматривается как естественная граница его функционирования в присущем ему специальном значении, за пределами которого он утрачивает исходное семантическое содержание или, по меньшей мере, претерпевает всевозможные семантические трансформации. ЮТ сохраняет значение исключительно в собственной терминологической области, и смена дискурса в связи с перемещением ЮТ в дискурс иностранного языка посредством перевода или в иную дискурсивную практику зачастую приводит к искажениям смысла. Ввиду этого именно ЮД как институциональный контекст использования того или иного ЮТ следует изучать и анализировать для того, чтобы понять сущность правового явления, обозначаемого термином [Ларионова, Фокина, 2023: с. 43–44].

Терминосистема (или терминологическая система) – понятие, тесно связанное с терминологией, однако не в полной мере синонимичное ему. Терминосистема – это внутренняя логическая структура терминологии, упорядоченная система отношений между терминами. Терминология как совокупность терминов определенной области знаний обладает свойствами терминосистемы при условии наличия установившихся разветвленных связей между терминологическими единицами (родовидовых – гипонимических и гиперонимических, синонимических связей и т.п.). Терминология, разрабатываемая и упорядочиваемая специалистами, стремится к тому, чтобы стать самостоятельной, устоявшейся терминологической системой, которая призвана способствовать смысловой определенности профессиональной дискурсивной

практики [Ларионова, Фокина, 2023: с. 43], для которой она выступает в качестве некоего «терминологического каркаса», сохраняющего семантическую определенность всего пространства ЮД. Именно в этом смысле терминология рассматривается как семиологическое выражение определенной системы понятий, которая отражает определенное научное мировоззрение [Лотте, 1961: с. 38]. Терминосистема формируется постепенно, по мере развития не самой науки, а её теории [Лейчик, 2007: с. 105], и в этом смысле может считаться высшей формой упорядоченной, кодифицированной организации терминологии. Следовательно, ЮТ может рассматриваться в качестве элементарной лексической единицы, интегрированной в самостоятельную терминологическую систему (юридическую терминосистему, или терминосистему права) и функционирующей в качестве компонента собственной терминологической системы в пространстве ЮД. Ряд ученых рассматривает терминосистему как особый вид семантического поля, как компактную часть словаря, охватывающую определенную понятийную сферу [Иванова, 2012: с. 389]. В этом смысле понятие терминосистемы соотносится с понятием терминологического поля – пространства, в котором термин принципиально нейтрален, в отличие от нетерминологического поля, где нейтральность термина утрачивается [Реформатский, 1961]; т.е. фактически это пространство функционирования термина в своём значении.

В отношении испаноязычной терминологии следует отметить, что исторически испанский язык не относился к терминологически развитым языкам, и лишь с последней четверти XX века наблюдается активный процесс систематизации испаноязычных терминологий, и само понятие терминологии как совокупности лексических единиц, используемых для краткого, системного и единообразного наименования понятий определенной отрасли науки или техники в испаноязычном мире пробивало себе дорогу не одно десятилетие [Романова, 2010: с. 240–241]. Результатом переосмысления значимости терминологической упорядоченности различных областей знаний, в частности, стало издание в 2016 году первого в Испании печатного Испанского юридического словаря (*Diccionario*

del español jurídico)[52] под редакцией выдающегося испанского юриста, профессора административного права, академика Сантьяго Муньос Мачадо (*Santiago Muñoz Machado*). Словарь был подготовлен под эгидой Испанской королевской академии (*RAE*) и Генерального совета судебной власти Испании (*Consejo General del Poder Judicial*)[53]. Необходимость издания словаря юридических терминов основывалась на трех причинах: наличие в общем словаре испанского языка более 6000 специальных слов, маркированных как относящиеся к сфере права, что требует самостоятельной систематизации; отсутствие учёта при написании словарных статей о словах, относящихся к сфере права, таких источников, как тексты законов, судебная практика, а также научные труды, монографии и доктринальные статьи; потребность в систематизации юридических терминов для практических целей; наконец, подобная словарная систематизация юридических терминов способствует обеспечению точности и ясности языка права, что является ключевым для жизнеспособности и авторитета правового государства [Diccionario del español jurídico, 2016: p. XXVIII–XXIX]. В 2017 году под эгидой RAE и при непосредственном участии двадцати двух академий испанского языка, входящих в Ассоциацию академий испанского языка (ASALE), была издана расширенная электронная версия, которая получила название «Паниспанский юридический словарь» (*Diccionario panhispánico del español jurídico*[54]*,* далее – DPEJ). Новый словарь систематизирует дефиниции юридических терминов, используемых не только в Испании, но и в странах Латинской Америки, и пополняется на постоянной основе. Следует подчеркнуть, что в указанном словаре функционирование терминов иллюстрируется на самом широком языковом материале, основанном прежде всего на текстах законов и судебных решений. С учетом статуса Королевской академии испанского языка как института, призванного следить за тем, чтобы испанский язык, постоянно адаптируясь к

[52] https://www.rae.es/obras-academicas/diccionarios/diccionario-del-espanol-juridico
[53] Генеральный совет судебной власти (*Consejo General del Poder Judicial, CGPJ*) – это высший орган судейского сообщества (ст. 122 Конституции Испании). URL: https://www.mjusticia.gob.es/es/servicio-justicia/organizacion-justicia/consejo-general-poder-judicial
[54] https://dpej.rae.es/contenido/presentaci%C3%B3n

потребностям носителей, не утратил своё сущностное единство («*velar por que la lengua española, en su continua adaptación a las necesidades de los hablantes, no quiebre su esencial unidad*»)[55], включение лексемы в DPEJ безусловно следует считать самостоятельным и весьма надёжным критерием терминологичности слова.

Дискурсивное отнесение конкретной языковой единицы позволяет выявить семантические особенности её функционирования в рамках профессиональной среды ЮД. Так, существительное *culpa* согласно DLE вне профессионального дискурса означает «вменение кому-то определенного действия в качестве результата поведения» (пример: *Tú tienes la culpa de lo sucedido – Ты виновен в случившемся*) и является синонимом существительного *responsabilidad*[56]. Однако в пространстве ИЮД *culpa* обретает совершенно иное значение, для этого следует сравнить дефиницию с пометкой *Der*. (сокр. *derecho* – право) в словаре общего языка DLE и дефиниции специализированного словаря DPEJ:

DLE[57] (дефиниция с маркером *Der.*):

Omisión de la diligencia exigible a alguien, que implica que el hecho injusto o dañoso resultante motive su responsabilidad civil o penal –
Несоблюдение кем-либо требуемой от него осмотрительности, которая приводит к тому, что вызванное этим несправедливое или причиняющее ущерб обстоятельство становится основанием для уголовной или гражданской ответственности.

Синоним: *imprudencia* – (неосторожность).

DPEJ[58]:

1. В сфере уголовного и административного права:

Forma de culpabilidad que supone negligencia o imprudencia. –
Форма вины, которая предполагает неосмотрительность или неосторожность.

Связанный термин: *imprudencia* (неосторожность).

2. В сфере административного права:

Falta de la diligencia exigible en el cumplimiento del deber jurídico o norma de cuidado que conduce a realizar la acción u omisión constitutiva de infracción administrativa. –
Отсутствие требуемой осмотрительности при исполнении юридической обязанности или нормы предосторожности, которое приводит к совершению действия или бездействия, составляющего административное правонарушение.

[55] https://www.rae.es/la-institucion/la-rae
[56] https://dle.rae.es/culpa?m=form
[57] https://dle.rae.es/culpa?m=form
[58] https://dpej.rae.es/lema/culpa

Связанные термины: *culpabilidad* (вина), *dolo* (умысел), *formas de culpabilidad* (формы вины).

На указанном примере словарных дефиниций терминов становится очевидным, что DPEJ рассматривает термин *culpa* в системной взаимосвязи с иными ЮТ, и при их дальнейшем исследовании нетрудно установить, что *culpa* – это одна из двух форм вины (*formas de culpabilidad*) наряду с умыслом (*dolo*). В DLE, несмотря на достаточно точную и схожую с DPEJ дефиницию, указывается синоним *imprudencia* и игнорируется прямая связь термина с двумя другими указанными выше терминами. Отметим также, что термин *responsabilidad* (ответственность) в DPEJ, в отличие от DLE, не указывается в качестве ассоциированного с *culpa*[59], следовательно, их синонимия возможна только вне пространства ИЮД, в иных видах дискурсивных практик.

§ 2. Семантические особенности терминологии испаноязычного юридического дискурса

Семантика – раздел семиотики, изучающий значение языковых единиц. К семантическим особенностям терминов относятся синонимия (дуплетность), антонимия, омонимия, полисемия, гипонимия [Головин, 1987: с. 103], а также метафоризация и метонимизация терминологии [Клепиковская, 2008: с. 105], при установлении которых следует иметь в виду их контрастность, выражающуюся в том, что метафора функционирует в сфере предиката и направлена на характеризацию предмета, а метонимия нацелена на выполнение идентифицирующей функции по отношению к конкретным предметам [Арутюнова, 1998: с. 352]. Полисемия, синонимия и омонимия терминов представляют собой проявления асимметрии терминологического знака и характерны не только для ЮД, но и для других специальных областей знания (например, для медицинского дискурса), будучи естественным следствием развития научных знаний в целом и знаний в отдельно взятых отраслях науки [Грошева, 2015: с. 451].

[59] https://dpej.rae.es/lema/responsabilidad

Основываясь на рассмотренном ранее функциональном подходе к термину, можно утверждать, что семантика термина также носит функциональный характер, то есть, во многом зависит от того, как именно лексема функционирует в качестве термина в конкретном контексте дискурсивного употребления. В особенности наглядно функциональная семантика проявляет себя в случаях полисемии, когда значение термина напрямую предопределяется контекстом использования. И если семантика термина в узком смысле представляет собой некое статичное, зафиксированное в специализированном словаре значение, то функциональная семантика, отражающая реальное значение языковых единиц в зависимости от выполняемой в речи функции, основывается на дискурсивном анализе и не может ограничиваться словарными дефинициями. Изучение семантики терминов должно включать анализ функциональной области его использования, поскольку именно в её пределах происходят актуализация и трансформация терминологических сем; исследование реального функционирования термина в специализированной речи (т.е. дискурсивной практике) обеспечивает надлежащий анализ семантических характеристик терминологии и адекватный выбор лексем в процессе коммуникации [Литовченко, 2006: с. 186]. Применительно к терминам ИЮД следует заключить, что внесение термина в словарь DPEJ фиксирует лишь принадлежность слова к юридическим терминам, однако его употребление в качестве такового и семантические характеристики должны устанавливаться исключительно в пространстве ИЮД.

ЮТ – это элементарная единица ЮД, однако, поскольку все разновидности ЮД основываются на нормативно-правовых актах, исследование семантических особенностей терминологии должно опираться прежде всего на их употребление в нормативном типе ЮД [Ларионова, Фокина, 2023: с. 43]. При этом дискурсивный анализ термина невозможен без осуществления сопоставительного анализа как минимум двух правовых систем с учетом традиций, истории, культуры, особенностей менталитета и языка [Гамзатов, 2018: с. 12]. Практическое преломление дискурсивного анализа испаноязычного термина кроется в его соотнесении с соответствующим ему термином на русском языке либо в ином

варианте адекватного перевода на русский язык, поскольку без этого когнитивного процесса невозможно осуществлять последующий анализ правового понятия, обозначенного термином. Перевод терминов следует считать сложным когнитивным процессом, который носит междисциплинарный характер и находится на стыке трех дисциплин – лингвистики, юриспруденции и переводоведения. В конечном счете перевод должен отличаться максимальной терминологической точностью, в особенности если речь идет о переводе нормативно-правовых актов и процессуальных документов, которые нередко используются юристами, не владеющими испанским языком и неспособными избежать интерпретационных ошибок. В отношении указанных актов точность фактической информации оригинала обеспечивается преимущественно правильно подобранными переводными эквивалентами ЮТ и правильной интерпретацией синтаксических конструкций; иные элементы, такие как культурно маркированные элементы, отсылочные выражения и лексика, относящаяся к официально-деловому стилю, менее существенны с точки зрения сохранения точности, если только не влекут за собой явного искажения содержания оригинала [Борисова, 2018: с. 141–142].

Терминология ИЮД проявляет следующие семантические особенности.

К первой группе относятся особенности ИЮД, связанные со свойствами самих терминов и их употреблением: полисемия и избыточная синонимия терминов как два взаимосвязанных и антонимических феномена, которые характерны для ИЮД в целом; недостаточная разработанность терминосистемы ИЮД, которая получила формализованное (словарное) закрепление лишь в 2017 г.; несовершенство характерной для испаноязычных источников юридической техники – системы средств и приемов, используемых при выработке и систематизации нормативных актов с целью обеспечения их совершенства – и зачастую неоправданная неточность и небрежность в использовании испаноязычных ЮТ, которые могут иметь даже в пределах одного нормативного акта разное написание и разные оттенки значений. Терминология рассматривается в качестве языкового средства юридической техники [Алексеев, 1982: с. 267–288],

которая, по меткому замечанию, представляет собой особый вид юридической деятельности, объединяющей «два искусства» – создание права и его применение [Юридическая техника, 2014: с. 1].

Вторая группа объединяет проблемы внешнего характера, связанные прежде всего с когнитивными процессами лица, интерпретирующего ЮТ: существенные различия в лингвистической традиции использования ЮТ в двух языках и связанная с этим необходимость проведения сравнительно-правового анализа каждый раз, когда необходимо найти соответствующий испанскому термин на русском языке либо, по крайней мере, подобрать русскоязычные термины, которые могут использоваться для описательного перевода; недостаточность и несовершенство изданных специализированных словарных изданий и научных статей по праву Испании, которые содержат неточности и смысловые ошибки.

Точность перевода – настолько же недостижимый идеал, как невозможность сделать копию двух дискурсивных пространств, поэтому решение проблем толкования и перевода, связанных с семантическими особенностями ЮТ ИЮД, представляет собой некий компромисс, поиск наилучшего решения из доступных языковых средств. Возможно добиться эквивалентности конкретных юридических терминов, но не юридических текстов. Более достижимой целью по сравнению с эквивалентным переводом является адекватный перевод ЮТ, предполагающий соответствие переведенного текста цели перевода и ожиданиям участников коммуникации [Основные понятия переводоведения, 2010: с. 9]. Адекватность перевода является необходимым условием сопоставимости понятий, используемых в аутентичных текстах, соблюдения закона тождества и недопущения двусмысленности при толковании текстов международных договоров [Ларионова, Фокина, 2023: с. 42]. Именно она предопределяет идентичную применимость норм, сформулированных на двух языках, единообразное судебное толкование и формирование на основе правовой позиции единообразной и предсказуемой судебной практики.

Проблему обеспечения соответствия терминов на испанском и русском языках невозможно решить исключительно с помощью двуязычных словарей

юридических терминов, и не только ввиду указанных выше неточностей и ошибок: различный контекст их использования, предопределяющий значение используемого термина, требует профессиональных экстралингвистических знаний. Например, термин *constitucionalismo*, используемый в ИЮД применительно к Испании, означает не просто *конституционализм* как поддержку конституционно организованного государственного строя, а приверженность действующей демократической Конституции Испании 1978 г. [Дементьев, 2025: с. 17]. Другим примером может послужить существительное *procés*, которое заимствовано из каталанского языка и используется в статьях на испанском языке в курсивном написании и с определенным артиклем и обозначает политический процесс, целью которого стало проведение референдума о выходе автономного сообщества Каталония из состава Испании. Термин изначально употреблялся каталонскими радикальными националистами [Дементьев, 2025: с. 37], и в этой связи функционирование существительного *procés* в публикациях, посвященных состоявшемуся в 2017 г. и признанному неконституционным референдуму с последующим отстранением от должности Президента Женералитета Каталонии, имплицирует поддержку данному политическому движению за независимость Каталонии: например, в заголовке *El Procés: el camino de Cataluña a la independencia y el papel de Europa – Процесс: путь Каталонии к независимости и роль Европы*, а далее по тексту используется словосочетание *el proceso independentista – процесс борьбы за независимость*[60]. Существительное *procés* используется в тематических публикациях на других языках (немецком[61], итальянском[62]), что свидетельствует об устойчивости его употребления и наличии закрепленного за ним понятия и концепта.

---

60 https://www.taurillon.org/el-proces-el-camino-de-cataluna-a-la-independencia-y-el-papel-de-europa?lang=fr

61 https://www.lobo-w-j.eu/2019/11/07/el-proc%C3%A9s-ein-gerichtsurteil-das-aufruhr-ausgel%C3%B6st-hat-bericht-und-kommentar-zum-prozess-gegen-die-f%C3%BChrer-der-katalanischen-unabh%C3%A4ngigkeitsbewegung/?__cf_chl_tk=nT238crvNxTZcgyfvY5j7FjTMfsksvvQvhYVAFG..sY-1767869457-1.0.1.1-1f4irLZyHTzaZpGTU8dQygsqcAjVo0vrdam27VSmXBI

62 https://scienzepolitiche.uniroma2.it/wp-content/uploads/2025/03/Informazioni-sui-seminari-Tor-Vergata-Roma-1.pdf

Для решения описанной выше проблемы требуется совместная работа или консультации со специалистами права, обращение к документам, содержащим искомую терминологию, для установления языкового окружения термина и его сочетаемости [Киндеркнехт, 2015: с. 123]. Качественный перевод, критериями которого являются адекватность, эквивалентность и инвариантность (в рамках достижимого), требует исследования семантики переводимого термина в ИЮД. Конечным результатом указанного процесса должен стать оптимальный перевод, который обеспечит создание если не тождественного, то, по меньшей мере, коммуникативно равноценного переводного текста, позволяющего передать смысл исходного текста русскоговорящему реципиенту, обладающему надлежащими правовыми познаниями и зачастую не владеющему испанским языком. Справедливо утверждается, что оптимальный перевод исходного текста не абсолютен, а существует исключительно для конкретных получателей, целей, в конкретной ситуации перевода и исторической обстановке [Иовенко, 2005: с. 69]. Это доказывает необходимость и особую важность анализа дискурса как среды функционирования терминологии, которая детерминируется релевантными когнитивными, интенциональными, прагматическими и экстралингвистическими условиями, репрезентирующими тот или иной вид социальной практики и образующими коммуникативную ситуацию, а также собственно адресантом дискурсивного послания.

§ 3. Полисемия терминов испаноязычного юридического дискурса

Для ИЮД является характерной полисемия терминов – явление, которое предполагает наличие у одного термина нескольких значений в рамках одной области знаний, в качестве которой применительно к терминологии ЮД выступает сфера юриспруденции. С одной стороны, полисемию следует рассматривать как феномен терминологии ИЮД: в пространстве профессиональной коммуникации юристов ЮТ по своей природе должен иметь одно, строго соответствующее ему значение. С другой стороны, современные исследователи сходятся во мнении, что явление многозначности термина связано с концептуальной организацией ЮД, а сама структура многозначного слова является категорией прототипического

характера: отношения между значениями многозначного слова основаны, как правило, на существовании между ними структурных когнитивных связей [Степанов, 2016: с. 100]. Также исследователи отмечают, что заимствованная лексическая единица гораздо в меньшей степени склонна к развитию многозначности, чем ЮТ, изначально возникший в терминосистеме языка [Кривоносова, 2007: с. 116].

Следует констатировать, что испаноязычные ЮТ действительно проявляют варьирование значений, что подтверждается фиксированием нескольких дефиниций, в том числе организованных в виде самостоятельных словарных статей с маркировкой арабскими цифрами (*derecho1, derecho2, derecho3*[63]), в DPEJ. Многозначность может проявляться не только в наличии нескольких значений, закрепленных в специализированных словарях, а выражаться, в частности, в следующих формах:

– наличие у одного термина широкого и узкого значения;

– наличие у моносемичного в одном языке термина двух и более близких по значению, но разных терминов в другом языке (скрытая многозначность);

– возникновение термина посредством метонимического переноса с сохранением значений первоначального и производного терминов.

При этом следует констатировать, что полисемичный испаноязычный ЮТ в одном из значений зачастую не представляет сложностей для понимания и перевода, поскольку означает понятие, широко известное и общее для многих правовых систем, включая право России, в то время как другое значение может имплицировать совершенно иное правовое понятие, зачастую неизвестное отечественной юриспруденции. Рассматривая ЮД с позиции юрислингвистики, в структуре единой терминосистемы можно выделить отраслевые терминосистемы и даже более мелкие структурные единицы – подсистемы, которые объединяют термины по признаку их отраслевой и подотраслевой принадлежности подобно тому, как в единой структуре права выделяются отрасли и подотрасли права. Одна и та же лексема может выступать в качестве ЮТ в пространстве различных

[63] https://dpej.rae.es/dpej-lemas/derecho

терминосистем и подсистем, и максимальная конкретизация терминологического пространства, в котором функционирует ЮТ, во многих случаях позволяет разрешить проблему полисемии, поскольку в рамках конкретной отраслевой терминосистемы ЮТ, как правило, однозначен. Приведём ряд примеров, подтверждающий этот тезис.

Título – термин, функционирующий в терминосистемах гражданского, уголовного права, а также общей теории права. Данный ЮТ используется для обозначения раздела как составной части кодексов, законов, в том числе конституций. В терминосистеме гражданского права *título* означает «основание возникновения права на что-либо (правовое основание)», и в этом значении существительное *título* часто используется в конструкции *a título de* – «на основании или в качестве чего-то»:

CC de España, art. 1418. *Se estimará constituido el patrimonio inicial de cada cónyuge:* *1.° Por los bienes y derechos que le pertenecieran al empezar el régimen.* *2.° Por los adquiridos después* ***a título de*** *herencia, donación o legado.*	ГК Испании, ст. 1418. Считается изначально принадлежащим каждому супругу: 1. Имущество и права, которые принадлежали ему на момент заключения брака. 2. Имущество и права, приобретенные после заключения брака **на основании** наследования, дарения или **в качестве** легата.
CC de España, art. 616. *Si se presentare a tiempo el propietario, estará obligado a abonar,* ***a título de*** *premio, al que hubiese hecho el hallazgo, la décima parte de la suma o del precio de la cosa encontrada.*	ГК Испании, ст. 616. Если собственник вещи явится своевременно, он будет обязан выплатить лицу, обнаружившему вещь, **в качестве** вознаграждения одну десятую часть суммы или цены найденной вещи.
CC de España, art. 1901. *Se presume que hubo error en el pago cuando se entregó cosa que nunca se debió o que ya estaba pagada; pero aquel a quien se pida la devolución puede probar que la entrega se hizo* ***a título de*** *liberalidad o por otra causa justa.*	ГК Испании, ст. 1901. Презюмируется, что имеет место ошибка в оплате, когда была передана вещь, которая не должна была быть передана или которая уже была оплачена; но лицо, от которого требуют возврат вещи, может доказать, что передача была сделана **в качестве** акта благотворительности или по другой обоснованной причине.

Также посредством метонимического переноса сформировано значение термина *título* как «документ, который подтверждает наличие у лица какого-либо

права» (*titularidad de un derecho*[64]); частным случаем является использование термина в значении «ценная бумага»[65] (подсистема терминов корпоративного права). Также термин функционирует в качестве терминоэлемента в словосочетаниях *a (por) título oneroso* – «на возмездной основе», *a (por) título gratuito* – «на безвозмездной основе», *a título universal* – как прилагательное «универсальный» и *a título singular* – как прилагательное «сингулярный» в составе сложных терминологических словосочетаний, перевод которых возможен на основе сопоставления дискурсивного употребления терминов на испанском и русском языках:

CC de España, art. 660 *Llámase heredero al que sucede **a título universal**, y legatario al que **sucede a título particular**.* – Наследником считается лицо, наследующее в порядке **универсального правопреемства**, а легатарием – лицо, наследующее в порядке **сингулярного правопреемства**.	ГК РФ, ст. 1110 1. При наследовании имущество умершего […] переходит к другим лицам **в порядке универсального правопреемства** […]. «**Сингулярное правопреемство** представляет из себя наследование, при котором наследник приобретает лишь права»[66].

Mandato – термин конституционного и гражданского права, а также общей теории права. *Mandato* – существительное, производное от глагола *mandar* (приказывать, поручать) и означающее в общей теории права любое поручение иному лицу. В терминосистеме гражданского права *mandato* функционирует в качестве сокращённого варианта терминологического словосочетания *contrato de mandato* – договор поручения», а в терминосистеме конституционного права *mandato* обозначает «мандат», то есть полномочия, предоставленные избирателями определённому лицу для того, чтобы выполнять определенные законом функции в интересах избирателей в течение установленного периода времени. В Испании и ряде стран Латинской Америки термин *mandato* функционирует в составе терминологического словосочетания *mandato judicial* и означает «договор судебного представительства»[67] (Аргентина, Чили, Колумбия, Коста-Рика,

[64] https://dpej.rae.es/lema/t%C3%ADtulo
[65] https://dpej.rae.es/lema/t%C3%ADtulo-valor
[66] https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-osobennosti-nasledstvennogo-pravopreemstva/viewer
[67] https://dpej.rae.es/lema/mandato-judicial

Гватемала, Мексика) – разновидность поручения, в силу которого одна сторона поручает другой стороне представлять её интересы в суде, совершать от её имени процессуальные действия на основе выданной доверенности и за установленную плату. В последнем значении в качестве синонимичного словосочетания может выступать словосочетание *poder judicial* – «доверенность на ведение судебных дел» (например, в Колумбии).

Constitución Española, art. 68. *4. El Congreso es elegido por cuatro años. El **mandato** de los Diputados termina cuatro años después de su elección o el día de la disolución de la Cámara.* *CC de España, art. 1709.* *Por **el contrato de mandato** se obliga una persona a prestar algún servicio o hacer alguna cosa, por cuenta o encargo de otra.*	Конституция Испании, ст. 68 4. Конгресс избирается на четыре года. **Срок полномочий** депутатов прекращается по истечении четырех лет с момента избрания либо в день роспуска палаты. ГК Испании, ст. 1709. По **договору поручения** лицо обязуется оказать другому лицу определённую услугу или совершить определённые действия за счёт или по поручению другого лица.
CC de Colombia, art. 1288, 1289. *Todas las disposiciones del capítulo anterior son aplicables al **mandato judicial** en tanto lo permita la índole de este mandato.* *En virtud del **poder judicial** para todos los negocios el mandatario puede apersonarse como actor o como reo a nombre de su poderdante, en cualquier negocio que interese a éste, seguir el juicio o juicios en sus diversas instancias […]*	ГК Колумбии, ст. 1288, 1289. Все положения предыдущей главы применимы к **договору судебного представительства** в той мере, в которой это допускает характер такого договора. На основании **судебной доверенности** на ведение всех дел поверенный может выступать в качестве истца или ответчика от имени своего доверителя по любому делу, представляющему для него интерес, следить за ходом судебных разбирательств в различных инстанциях […]

Таким образом, как показано на Рисунке 4, термин *mandato* может относится к нескольким терминосистемам, в которых он функционирует, проявляя разные значения, объединённые общей семой – поручение.

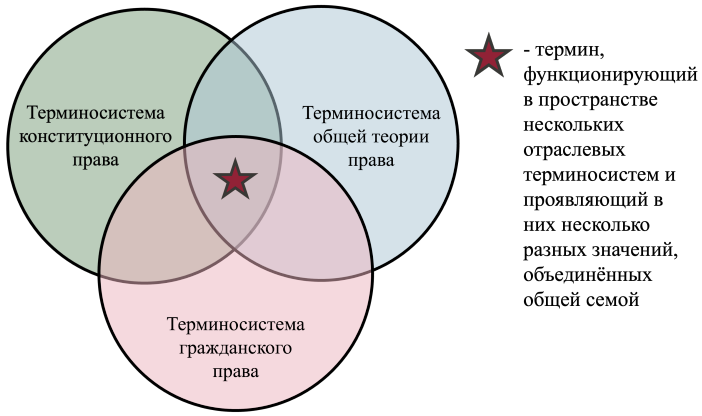

Рисунок 4. Функционирование термина в нескольких отраслевых терминосистемах
Источник: составлен автором

Однако, как показано на Рисунке 5, при рассмотрении термина *mandato* в пределах одной отраслевой терминосистемы рассматриваемый ЮТ функционирует так, что проявляет только одно значение из всего многообразия, вызванного изначально свойственной ему полисемией.

Рисунок 5. Решение проблемы полисемии термина *mandato* посредством его отнесения к отраслевой терминосистеме
Источник: составлен автором

Derecho – термин общей теории права, означает право как социальный регулятор или как правомочие, принадлежащее конкретному человеку. Однако в терминосистеме финансового права *derecho* проявляет эффект метонимии и означает не право, а денежную сумму, выплачиваемую гражданами по установленному тарифу, на которую имеет право орган власти за предоставление услуг: например, *derecho de aduana* – таможенная пошлина [68], *derechos de procurador* – вознаграждение, выплачиваемое судебному поверенному в соответствии с установленным тарифом и с учётом цены иска[69].

Delito означает преступление и традиционно входит в терминосистему уголовного права [70], однако в Чили [71] функционирует в качестве термина гражданского права, означающего обязательства, возникающие из причинения вреда, и переводится как деликт (исторический термин римского права). Термин *delito* употребляется в большинстве случаев совместно или в сопоставлении с термином *cuasidelito* – квазиделикт.

[68] https://dpej.rae.es/lema/derecho-de-aduana
[69] https://dpej.rae.es/lema/derechos-de-procurador
[70] https://dpej.rae.es/lema/delito
[71] https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=172986&idParte=8717776

CC de Chile, art. 2314. *El que ha cometido un **delito** o cuasidelito que ha inferido daño a otro, es obligado a la indemnización; sin perjuicio de la pena que le impongan las leyes por el delito o cuasidelito*.	ГК Чили, ст. 2314. Лицо, которое совершило **деликт** или квазиделикт, причинивший вред другому лицу, обязано выплатить возмещение; данное положение не отменяет применение наказания, которое предусмотрено законом за совершение деликта или квазиделикта.

Violación – нарушение закона или нормы права (существительное происходит от глагол *violar* – нарушать правила, социальные нормы и соглашения либо посягать на права и свободы [72]), однако в терминосистеме уголовного права означает преступление изнасилования[73]. Далее представлен пример использования термина *violación* в первом из указанных значений в Конституции Испании.

Constitución Española, art. 161. *1. El Tribunal Constitucional tiene jurisdicción en todo el territorio español y es competente para conocer:* *[…]* *b) Del recurso de amparo por **violación** de los derechos y libertades referidos en el artículo 53, 2, de esta Constitución, en los casos y formas que la ley establezca.*	Конституция Испании, ст. 161. 1. Конституционный суд обладает юрисдикцией на всей территории Испании и обладает полномочиями по рассмотрению: *[…]* b) Жалоб о нарушении конституционных прав, рассматриваемых в порядке процедуры ампаро, в отношении **нарушения** прав и свобод, указанных в части 2 статьи 53 Конституции, в случаях и в форме, которые установлены законом.

Dolo – термин уголовного, административного, гражданского и международного права. В уголовном и административном праве он означает умысел, то есть волю лица совершить преступление или административное правонарушение. В гражданском и международном праве термин означает обман, введение в заблуждение другой стороны по договору с целью причинения ущерба или неисполнения своей обязанности.

CP de España, art. 5. *No hay pena sin **dolo** o imprudencia.*	УК Испании, ст. 5. Наказание не применяется при отсутствии **умысла** или неосторожности.
CC de España, art. 1269. *Hay **dolo** cuando, con palabras o manipulaciones insidiosas de parte de uno de los contratantes, es inducido el otro a celebrar un contrato que, sin ellas, no hubiera hecho.*	ГК Испании, ст. 1269. Имеет место **обман**, когда одна из сторон договора с помощью слов или скрытых действий побуждает другую сторону заключить договор, который без этого не был бы заключен.

[72] https://dpej.rae.es/lema/violar
[73] https://dpej.rae.es/lema/ %C3%B3n

Violencia – термин, функционирующий в терминосистеме гражданского и уголовного права. В гражданском праве термин означает применение силы для получения согласия лица на заключение договора и является основанием для признания сделки недействительной по причине порока воли:

CC de España, art. 1267. *Hay **violencia** cuando para arrancar el consentimiento se emplea una fuerza irresistible.*	ГК Испании, ст. 1267. Имеет место **насилие**, когда для получения согласия используется сила, которой невозможно сопротивляться.

В терминосистеме уголовного права *violencia* входит в состав целого ряда терминологических словосочетаний: *violencia física* – <физическое насилие>, *violencia psicológica* – <психологическое насилие>, *violencia sexual* – <сексуальное насилие>, *violencia de genero* – <гендерное насилие>, *violencia vejatoria* (или *violencia degradante*) – <унижающее насилие>. В качестве терминов, обозначающих самостоятельные составы преступлений, в ИЮД функционируют *violencia contra la mujer o miembros del núcleo familiar* – <насилие против женщины и членов семьи> (ст. 155 УК Эквадора[74]).

Intimidación в терминосистеме гражданского права означает один из пороков согласия наряду с насилием (*violencia*), введением в заблуждение (*dolo*) и ошибкой (*error*). В РЮД аналогом будет являться угроза (п. 1 ст. 179): «Сделка, совершенная под влиянием насилия или угрозы, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего». Однако в терминосистеме уголовного права *intimidación* означает запугивание – особую форму совершения ряда преступлений[75].

CC de España, art. 1267. *[…]* *Hay **intimidación** cuando se inspira a uno de los contratantes el temor racional y fundado de sufrir un mal inminente y grave en su persona o bienes, o en la persona o bienes de su cónyuge, descendientes u ascendientes.* *Para calificar la intimidación debe atenderse a la edad y a la condición de la persona.*	ГК Испании, ст. 1267. […] Имеет место **угроза**, если одному из участников договора внушается обоснованный и рациональный страх перед неминуемым и серьезным ущербом, который может быть причинен его личности или имуществу его супруга, родственников по восходящей и нисходящей линии. При оценке угрозы следует учитывать возраст и состояние лица.

[74] https://www.gob.ec/sites/default/files/regulations/2020-11/DOCUMENTO_C%C3%93DIGO-ORG%C3%81NICO-INTEGRAL-PENAL-COIP_0.pdf

[75] https://dpej.rae.es/lema/intimidaci%C3%B3n

CP de España, art. 172 bis. *1. El que con **intimidación** grave o violencia compeliere a otra persona a contraer matrimonio será castigado con una pena de prisión de seis meses a tres años y seis meses o con multa de doce a veinticuatro meses, según la gravedad de la coacción o de los medios empleados.*	УК Испании, ст. 172 bis. 1. Лицо, принуждающее другого человека к вступлению в брак путём серьёзного **запугивания** или насилия, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до трёх лет и шести месяцев либо штрафа от двенадцати до двадцати четырёх месяцев в зависимости от тяжести принуждения и использованных методов.

Empresario – ЮТ, означающий в терминосистеме общей теории права предпринимателя – лицо, которое является владельцем предприятия либо лицо, которое управляет и организует предпринимательский проект (связанный термин в этом значении – *emprendedor*), а в терминосистеме трудового права он выступает синонимом термина *empleador* – работодатель (связанный термин в этом значении – *empresa*) [76] . Уточнение семантики термина достигается за счет изучения положений, содержащихся в Законе о поддержке предпринимателей и об их интернационализации[77] и в Законе о правовом положении работников [78]:

Art. 3. Emprendedores *Se consideran **emprendedores** aquellas personas, independientemente de su condición de persona física o jurídica, que desarrollen una actividad económica empresarial o profesional […].*	Ст. 3. Предприниматели **Предпринимателями** считаются лица, независимо от того, являются ли они физическими или юридическими лицами, которые осуществляют предпринимательскую или профессиональную деятельность […].
Art. 1. Ámbito de aplicación. *1. Esta ley será de aplicación a los trabajadores que voluntariamente presten sus servicios retribuidos por cuenta ajena y dentro del ámbito de organización y dirección de otra persona, física o jurídica, denominada **empleador o empresario**.* *2. […] serán **empresarios** todas las personas, físicas o jurídicas […] que reciban la prestación de servicios de las personas referidas en el apartado anterior […].*	Ст. 1. Сфера применения 1. Настоящий закон применяется к работникам, добровольно выполняющим работу за вознаграждение в интересах другого лица и под руководством и управлением другого физического или юридического лица, именуемого **работодателем**. 2. […] **работодателями** считаются все физические или юридические лица, […] принимающие выполненную работу у лиц, указанных в предыдущем пункте […].

[76] Ley 14/2013, de 27 de septiembre, de apoyo a los emprendedores y su internacionalización. URL: https://dpej.rae.es/lema/empresario-ria
[77] https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2013-10074
[78] https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-11430

В отдельных случаях для разрешения проблемы полисемии ЮТ потребуется выделение терминологических подсистем – более мелких структурных единиц в составе отраслевой терминосистемы. Продемонстрируем необходимость этой более мелкой структурной единицы терминосистемы на примере термина *mejora*. *Mejora* входит в терминосистему гражданского права, однако варьирование его значений происходит в зависимости от того, функционирует ли термин применительно к наследственному или вещному праву, которые следует рассматривать в качестве подсистем в составе терминосистемы гражданского права (и, соответственно, подотраслей гражданского права). В подсистеме наследственного права *mejora* означает часть наследственной доли, а в подсистеме вещного права – улучшение вещи. Более подробно данный пример рассматривается в параграфе диссертации, посвященном полностью безэквивалентным терминам.

Подход к решению проблемы полисемии на основе использования терминологических систем и подсистем применим в большей степени к существительным, а в отношении глаголов он может лишь способствовать разрешению проблемы полисемии. *Prescribir* – глагол, используемый в терминосистемах общей теории права и административного права; его значение варьируется в зависимости от двух факторов: переходности и непереходности, а также семантики подлежащего, с которым он используется в качестве сказуемого. *Prescribir* с возвратным местоимением может означать «возникать» (по истечении времени, предусмотренного законом), если речь идет о праве собственности на чужую вещь; производный от него термин *prescripción del dominio* (ст. 1940 и далее ГК Испании) имеет русскоязычный эквивалент «приобретательная давность» (ст. 234 ГК РФ). Если в качестве подлежащего фигурирует иск, обязанность или ответственность, то глагол является нетранзитивным и используется в значении «прекращаться по истечении срока, установленного законом для реализации или исполнения», «истекать». Отметим, что существительное *acción*, с которым зачастую используется глагол *prescribir* в указанном значении, обозначает прежде всего «право на иск» и лишь вторично, вследствие метонимического переноса – «иск»; однако при переводе на русский язык конструкции «*La acción prescribe*…»

потребуется стилистическая трансформация, поскольку для русскоязычных источников характерна клишированная фраза «Срок исковой давности составляет…». Транзитивный глагол *prescribir* обозначает «указывать» («предписывать», «устанавливать»); соответственно, местоименный глагол *prescribirse* может функционировать в значении «предписываться, устанавливаться».

CC de España, art. 1955. *El dominio de los bienes muebles **se prescribe** por la posesión no interrumpida de tres años con buena fe.*	ГК Испании, ст. 1955. Право собственности на движимое имущество **приобретается** в результате непрерывного владения в течение трех лет, осуществляемого добросовестно.
CC de España, art. 652. *Esta acción **prescribe** en el término de un año, contado desde que el donante tuvo conocimiento del hecho y posibilidad de ejercitar la acción.*	ГК Испании, ст. 652. Срок исковой давности по данному иску **составляет** один год, исчисляемый с момента, когда даритель узнал об этом факте и получил возможность предъявить иск.
CC de España, art. 1020. *Durante la formación del inventario y hasta la aceptación de la herencia, a instancia de parte, el Notario podrá adoptar las provisiones necesarias para la administración y custodia de los bienes hereditarios con arreglo a lo que **se prescribe** en este Código y en la legislación notarial.*	ГК Испании, ст. 1020. В период составления описи наследственного имущества и до момента принятия наследства по ходатайству одной из сторон нотариус вправе принять необходимые меры по управлению и хранению наследственного имущества в соответствии с тем, что **устанавливается** в настоящем Кодексе и законодательстве о нотариате.

Значение глагола *recurrir* в ИЮД зависит от его использования в качестве переходного или непереходного. В первом случае глагол означает «обжаловать»: *recurrir la sentencia* – «обжаловать решение суда» (в этом же значении он может использоваться с предлогом *contra – recurrir contra la sentencia*[79]), во втором случае при использовании с предлогом *a* – «обратиться в суд или иной орган с иском или заявлением» – *acudir a un juez o autoridad con una demanda o petición*[80].

В заключение рассмотрения проблемы полисемии терминов ИЮД следует подчеркнуть, что она свойственна большому числу испаноязычных ЮТ. В большинстве случаев проблема варьирования значений лексических единиц может быть решена посредством установления принадлежности ЮТ к определенной

[79] https://www.rae.es/dpd/recurrir
[80] https://dle.rae.es/recurrir

терминосистеме и подсистеме в каждом конкретном случае их употребления, что требует проведения дискурсивного анализа. Терминосистемы и подсистемы в испаноязычном юридическом дискурсе определяются отраслями и подотраслями права, в рамках которых может функционировать термин. В отношении глаголов отнесение к терминосистеме может выступать лишь в качестве вспомогательного механизма установления значений.

§ 4. Синонимия терминов испаноязычного юридического дискурса

Постановка вопроса о наличии явления синонимии, а тем более – избыточной синонимии как феномена терминологии ИЮД требует теоретического обоснования, поскольку данная гипотеза не только противоречит требуемой строгости соответствия юридического понятия как обозначаемого и ЮТ как обозначающего, но и таким качествам термина, как однозначность и точность.

В современной лингвистике существует две диаметрально противоположные точки зрения на саму возможность существования синонимии в сфере терминов: одни авторы признают ее возможность, другие – отрицают. Однако исследователи солидарны в том, что терминологическая синонимия вызывает целый ряд трудностей, связанных с пониманием и интерпретацией ЮТ.

В отношении ИЮД справедливо утверждение, сделанное в отношении газетно-публицистического дискурса, для которого характерны разветвленность системы синонимии, действие перекрещивающихся форм аналогии и наличие дублирующих друг друга словообразовательных типов при отсутствии системной строгости [Алимова, 2013: с. 22].

В ИЮД синонимия ЮТ проявляется несколькими способами:

– синтаксическое обособление – использование двух терминов в качестве однородных членов предложения, связываемых, как правило, союзом *o* (или) при функционировании в одном и том же тексте;

– последовательное использование дублирующих терминов-синонимов в рамках одного текста (например, в начале текста используется один термин, а в дальнейшем происходит его замена на синонимичный);

– чередующееся использование дублирующих терминов-синонимов в рамках одного текста.

В зависимости от денотативной составляющей ЮТ предлагается следующая классификация разновидностей синонимии в ИЮД:

1) избыточная синонимия – когда союз *o* соединяет ЮТ, обозначающие идентичное юридическое понятие (плюрализм обозначающего при единстве обозначаемого);
2) ложная синонимия – когда союз *o* соединяет ЮТ, которые обозначают смежные, но разные юридические понятия (ложное соответствие обозначающего и обозначаемого);
3) комбинированная синонимия – когда речь идет о двух ЮТ, для которых характерна избыточная синонимия в рамках одной отраслевой терминологии, но которые имплицируют разные понятия при их функционировании в разных отраслевых терминосистемах.

4.1. Избыточная синонимия

Избыточная синонимия вызывает трудности, связанные с тем, что союзом *o* (или) могут быть соединены как совпадающие по семантическим характеристикам, так и несовпадающие термины. Поскольку в подавляющем большинстве случаев союзом *o* (или) соединены несовпадающие термины, выявление среди них случаев соединения аналогичным способом синонимов представляется затруднительным.

Приведём несколько примеров избыточной синонимии, которые встречаются в ГК Испании:

*El Registro de la Propiedad tiene por objeto **la inscripción o anotación** de los actos y contratos relativos al dominio y demás derechos reales sobre bienes inmuebles.*	Реестр прав собственности имеет целью **регистрацию** актов и договоров, относящихся к праву собственности и иным вещным правам в отношении недвижимого имущества.
*Los **pactos o capitulaciones** por los que se estipule, modifique o sustituya el régimen económico del matrimonio serán válidos cuando sean conformes bien a la ley que rija los efectos del matrimonio […].*	***Брачные договоры***, в которых устанавливается, изменяется или заменяется имущественный режим в браке, являются действительными, если они соответствуют законодательству,

	регулирующему правовые последствия брака.
*Si la ley reguladora del contenido de los actos y contratos exigiere para su validez una determinada **forma o solemnidad**, será siempre aplicada […].*	Если закон, регулирующий содержание правовых актов и договоров, требует для их действительности соблюдения определенной **формы**, то эти требования должны соблюдаться в любом случае.
*Quienes deseen contraer matrimonio acreditarán previamente en **acta o expediente** tramitado conforme a la legislación del Registro Civil.*	Лица, желающие вступить в брак, должны предварительно подтвердить это в **акте**, оформленном в соответствии с законодательством о регистрации прав гражданского состояния.
*Señalar, atendidas las circunstancias, los **bienes gananciales o comunes** que, previo inventario, se hayan de entregar a uno u otro cónyuge […].*	С учетом обстоятельств указать **общее имущество**, которое после проведения описи должно быть передано каждому из супругов […].

Пример избыточной синонимии представлен в дефинитивной норме ст. 110 ГК Колумбии: термин *esponsales* соединен союзом *o* с термином *desposorios*. В DLE приводятся два значения существительное *esponsales*: во-первых, это взаимное обещание вступить в брак (*mutua promesa de casarse*), данное и принятое членами пары; во-вторых, в правовой сфере термин определяется как обещание заключить брак (*promesa de matrimonio*), сделанное в одной из форм, требуемых законом для того, чтобы иметь гражданско-правовые последствия в виде простого возмещения убытков в исключительных случаях его необоснованного нарушения. Более лаконичное терминологическое определение приводится в DPEJ: обручение (*esponsales*) – это взаимно принятое обещание вступить в брак (*promesa de matrimonio mutuamente aceptada*). В некоторых юридических статьях приоритетно используется термин *promesa de matrimonio*, в то время как *esponsales* указывается в качестве устаревшего [Ariño, 2024].

Синонимия терминов с точки зрения права в рассматриваемом случае устанавливается посредством обращения к DLE: *desposorio* (или *desposorios*) определяется как акт *desposarse* – совершения *esponsales*. То есть, термины соотносятся между собой фактически как форма (*desposorio*) и содержание

(*esponsales*). В DPEJ термины указаны в качестве синонимов, используемых в праве Колумбии[81], следовательно, имеет место избыточная синонимия. В этом случае при переводе следует использовать один термин русского языка – «помолвка», поскольку употребление термина «обручение» наряду с «помолвкой» может вызывать сомнения о наличии разницы между ними и привести к их ошибочному восприятию в качестве разных юридических терминов.

CC de Colombia, art. 110 *Los **esponsales o desposorios**, o sea la promesa de matrimonio mutuamente aceptada, es un hecho privado que las leyes someten enteramente al honor y ciencia del individuo […].*	ГК Колумбии, ст. 110 ***Помолвка,*** или взаимно принятое обещание вступить в брак, является частным актом, который полностью оставлен на усмотрение лица […].

В отдельных случаях избыточная синонимия проявляется в рамках одной нормы права:

CC de Chile, art. 1930. *Si el arrendatario **es turbado en su goce** por vías de hecho de terceros, que no pretenden derecho a la cosa arrendada, el arrendatario a su propio nombre perseguirá la reparación del daño.* *Y si **es turbado o molestado en su goce** por terceros que justifiquen algún derecho sobre la cosa arrendada […] podrá el arrendatario exigir una disminución proporcionada en el **precio o renta** del arriendo, para el tiempo restante.*	ГК Чили, ст. 1930. Если арендатору ***препятствуют пользоваться*** вещью третьи лица, которые не заявляют права на арендуемую вещь, арендатор вправе от своего собственного имени требовать возмещения убытков. Если арендатору ***препятствуют пользоваться*** вещью третьи лица, которые подтверждают какое-либо право на арендуемую вещь, […] арендатор вправе требовать пропорциональное снижение ***цены*** по договору аренды на оставшееся время действия договора.

В нормативном дискурсе Никарагуа абсолютными синонимами, означающими аренду, выступают два термина – *arrendamiento* и *locación*, а также однокоренные термины в паре *arrendador* и *locador*, *arrendatario* и *locatario*. В последнем случае к паре терминов присоединяется третий – *inquilino*:

[81] https://dpej.rae.es/lema/desposorios

CC de Nicaragua, art. 2810. *Se llama **arrendamiento o locación** el contrato por cual dos partes se obligan recíprocamente, la una a conceder el **uso o goce** de un bien […].* *Se llama **arrendador o locador** el que da el bien en arrendamiento, y **locatario, arrendatario o inquilino** el que lo recibe.*	ГК Никарагуа, ст. 2810. По договору **аренды** стороны принимают на себя взаимные обязательства: одна сторона обязуется предоставить **пользование** имуществом *[…]*. Лицо, предоставляющее имущество в аренду, называется **арендодателем**, а лицо, принимающее имущество в аренду, – **арендатором**.

Возмездный характер исполнения обязательств обозначается термином *lucrativo*, однако он функционирует исключительно в обороте *a (por) título lucrativo* – на возмездной основе; однако в ст. 1617 ГК Испании содержится проявление избыточной синонимии в виде указания двух прилагательных, соединенных союзом *o* (или) – *a título oneroso o lucrativo*.

Следует отметить, что отдельные проявления избыточной синонимии присущи и русскоязычному ЮД. Например, в п. 1 ст. 1110 ГК РФ вводятся три термина для обозначения одного вида имущества: «При наследовании *имущество умершего (наследство, наследственное имущество)* переходит к другим лицам […]» (курсив наш – А.Ф.). Однако структурно ст. 1110 ГК РФ расположена в начале раздела ГК РФ, посвященного наследственному праву, что позволяет обеспечить единообразие толкования всех трех ЮТ в последующих статьях.

4.2. Ложная синонимия

Ложная синонимия – феномен, который означает случаи использования близких, но не совпадающих по значению в ИЮД терминов.

В ст. 281 ГК Испании, расположенной в разделе, посвящённом назначению попечителя, используются два термина, соединённые союзом *o* (или) – *desprotección* и *indefensión;* очевидно, оба термина означают ситуацию, при которой лицо лишено защиты. В DLE термины указываются в качестве синонимов [82], однако во втором значении с маркером *Der.* существительное *indefensión* определяется как ситуация, в которой оказывается лицо, которому неправомерно препятствуют в отстаивании своих прав или ограничивают

[82] https://dle.rae.es/indefensi%C3%B3n?m=form

возможность защиты прав в судебном и административном порядке [83]. Существительное *desprotección* определяется как отсутствие защиты, однако в качестве антонима указана лексема *seguridad* – безопасность [84]. Следовательно, второй термин означает отсутствие физической безопасности лица, нуждающегося в попечительстве. Безусловно, в контексте попечительства термины *desprotección* и *indefensión* имеют совершенно разное смысловое содержание. Для корректной передачи установленной разницы значений предлагается следующий перевод:

En ningún caso, la admisión de causa de excusa o la decisión de remoción de las personas físicas o jurídicas designadas para el desempeño de los apoyos podrá generar ***desprotección o indefensión*** *a la persona que precisa dichos apoyos […].*	Ни в коем случае признание уважительной причины или решение об отстранении физических или юридических лиц, назначенных для оказания помощи [в качестве попечителя], не может привести ***к отсутствию обеспечения физической безопасности либо воспрепятствованию или лишению возможности защиты прав в судебном или административном порядке*** лица, нуждающегося в указанной выше помощи [попечителя] […].

Другим примером ложной синонимии является пара ЮТ *caso fortuito* и *fuerza mayor*. Предваряя рассмотрение примеров из испаноязычного ЮД, отметим, что несмотря на распространенность термина «форс-мажор» в РЮД, ГК РФ им не оперирует: в контексте освобождения лица от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства используется терминологическое словосочетание «непреодолимая сила», которая определяется как «чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства» (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

В ст. 45 предварительного раздела ГК Чили содержится дефиниция, которая, казалось бы, должна исключать любые сомнения в том, что между терминами имеется существенная разница:

CC de Chile, art. 45. *Se llama* ***fuerza mayor o caso fortuito*** *el imprevisto a que no es posible resistir, como un naufragio, un terremoto, el apresamiento de enemigos, los actos de autoridad ejercidos por un funcionario público, etc.*	ГК Чили, ст. 45. Под ***форс-мажором или обстоятельством непреодолимой силы*** понимаются непредвиденные события, которым невозможно противостоять, такие как кораблекрушение, землетрясение, захват врагами, действия должностного лица и т.д.

[83] Аналогичная дефиниция содержится в DPEJ: https://dpej.rae.es/lema/indefensi%C3%B3n
[84] https://dle.rae.es/desprotecci%C3%B3n

В ст. 2150 ГК Чили термины соединены союзом *o* (или), сказуемое выражено глаголом в форме единственного числа, что позволяет еще больше удостовериться в том, что эти ЮТ означают одно правовое явление:

CC de Chile, art. 2150 *[...]* Compete al mandatario probar ***la fuerza mayor o caso fortuito*** que le imposibilite de llevar a efecto las órdenes del mandante.	ГК Чили, ст. 2150 […] На поверенного возлагается обязанность доказать наличие ***обстоятельства непреодолимой силы***, которое делает невозможным выполнить указания доверителя.

Однако следует отметить, что в тексте ГК Чили термин *fuerza mayor* во всех случаях используется совместно с термином *caso fortuito*, в то время как в целом ряде статей термин *caso fortuito* используется автономно либо в контексте различного рода уточнений: в качестве примера *caso fortuito* приведена эпидемия (ст. 788); в качестве примеров *caso fortuito,* в результате которого происходит обрушение здания, приводится резкий подъём уровня воды в реке, удар молнии и землетрясение (ст. 934) и др. Кроме того, прилагательное *fortuito* используется в словосочетаниях *descubrimiento fortuito* – случайное обнаружение (ст. 626 ГК Чили, о кладах); *accidentes fortuitos* – несчастные случаи / случайные происшествия (ст. 783 ГК Чили, в противовес *causas naturales* – естественным причинам). В одной статье встречается формула *casos fortuitos extraordinarios* – чрезвычайные обстоятельства непреодолимой силы (ст. 1983 ГК Чили), что раскрывает потенциал классификации термина, который в русскоязычном варианте имплицирует одновременно и чрезвычайный, и непредотвратимый характер происшествия.

В ст. 2152 термин *fuerza mayor* соединен союзом *y* (и) с терминологическим сочетанием *casos fortuitos*, что может свидетельствовать о том, что термины соответствуют разным понятиям:

CC de Chile, art. 2152. *Constitúyese entonces principal deudor para con el mandante, y son de su cuenta hasta* ***los casos fortuitos y la fuerza mayor.***	ГК Чили, ст. 2152. В этом случае поверенный становится основным должником в отношении доверителя, и на него возлагается ответственность даже ***за непредвиденные случаи и форс-мажор.***

На примере отдельно взятого акта – ГК Чили становится очевидно, что его анализ не позволяет установить или опровергнуть синонимию терминов *fuerza*

mayor и *caso fortuito*. Следовательно, необходимо выйти за пределы нормативного типа ЮД и обратиться к иным источникам.

Различия в терминах уходят корнями в римское право: *caso fortuito* охватывает *casus* – непредвиденный, но не обязательно непреодолимый феномен, в то время как *fuerza mayor* происходит от *vis maior*, которое предполагало непреодолимость даже при условии того, что обстоятельство можно было предвидеть [San Martín Neira, 2021: p. 5].

DPEJ определяет *fuerza mayor* следующим образом: <непредвидимое и неизбежное обстоятельство (*circunstancia imprevisible e inevitable*), которое нарушает условия обязательства>[85]; *caso fortuito* – <факт, который не смогли предвидеть или который было невозможно предвидеть, либо который, даже при условии того, что его предвидели, был неизбежен>; <также, как и *fuerza mayor*, является основанием для освобождения от исполнения обязательств>[86]. Из представленных дефиниций очевидно следует, что речь идет о двух разных основаниях освобождения от исполнения обязательств. В DPEJ приводится цитата из решения Верховного суда, в котором содержится перечень других решений, поддерживающих аналогичную позицию[87]:

***La fuerza mayor**, como tantas veces hemos declarado, no sólo exige que obedezca a un acontecimiento que sea imprevisible e inevitable, como **el caso fortuito**, sino también que tenga su origen en una fuerza irresistible extraña al ámbito de actuación del agente.*	Как мы уже неоднократно отмечали, ***форс-мажор*** требует не только наличия события, которое нельзя было предвидеть или избежать, что имеет место при ***непредвиденном / случайном и неизбежном обстоятельстве***, но и того, чтобы оно было вызвано непреодолимой силой, не поддающейся контролю со стороны субъекта.

В рассматриваемом случае уточнение семантической разницы двух терминов осуществлено в пространстве судебного дискурса, и на основе судебного решения устанавливаем следующее соответствие: *fuerza mayor* – это <форс-мажор> или <обстоятельство непреодолимой силы>, а *caso fortuito* – это <непредвиденное (случайное) и неизбежное обстоятельство>.

---

[85] https://dpej.rae.es/lema/fuerza-mayor
[86] https://dpej.rae.es/lema/caso-fortuito
[87] https://vlex.es/vid/responsabilidad-patrimonial-inundaciones-fuerza-25590258

Однако отметим, что в Республике Эль-Сальвадор термины *fuerza mayor* и *caso fortuito* используются в качестве полных синонимов, что закреплено в дефинитивной норме законодательства[88]:

*Se llama **fuerza mayor o caso fortuito** el imprevisto a que no es posible resistir, como un naufragio, un terremoto, el apresamiento de enemigos, los actos de autoridad ejercidos por un funcionario público, etc.*	Под форс-мажорными обстоятельствами понимаются непредвиденные события, которым невозможно противостоять, такие как кораблекрушение, землетрясение, захват врагами, действия государственных органов, осуществляемые должностным лицом, и т. п.

Следовательно, пара терминов *fuerza mayor* и *caso fortuito* может функционировать в качестве полных синонимов, проявляя избыточную синонимию, либо в качестве ложных синонимов в зависимости от национальной принадлежности пространства ИЮД в каждом конкретном случае употребления терминов.

Возмездные договоры в испаноязычном дискурсе обозначаются двумя терминами – *oneroso* и *remuneratorio,* причём второй термин характерен для права Испании. Несмотря на безусловную схожесть семантического содержания, которая выражается в обозначении возмездности договора, термины обозначают две разные разновидности возмездности договоров, которые отсутствуют в праве России и, соответственно, не имеют полностью эквивалентного перевода: *contrato oneroso* – такой <договор, по которому каждая из сторон стремится получить выгоду посредством предоставления эквивалента или компенсации>[89], а *contrato remuneratorio* – <договор, по которому выгода, получаемая одной из сторон, направлена на то, чтобы компенсировать какое-либо исполнение, которое эта сторона уже осуществила добровольно и без предварительной договоренности (и без права требовать какого-либо встречного предоставления или вознаграждения), либо на то, чтобы возместить расходы, связанные с получением этой выгоды>[90]. Примером такого особого вида возмездного договора является *donación remuneratoria* – <дарение в качестве благодарности> – <договор, по которому дарение осуществляется в связи с оказанными дарителю услугами, которые не

[88] https://dpej.rae.es/eli/sv/co/1859/08/23/(1)#ar.23
[89] https://dpej.rae.es/lema/contrato-oneroso
[90] https://dpej.rae.es/lema/contrato-remuneratorio

составляют долг, подлежащий взысканию> [91] . Безусловно, термины *contrato oneroso* и *contrato remuneratorio* не являются синонимами, и поиск терминологического соответствия на русском языке осложняется тем, что в российском праве возмездные договоры не имеют подобного разделения по видам.

Так, ст. 1274 ГК Испании содержит следующую норму, в которой термин *remuneratorio* с учетом изложенного выше должен переводиться описательно:

*En los **contratos onerosos** se entiende por causa, para cada parte contratante, la prestación o promesa de una cosa o servicio por la otra parte; en los **remuneratorios**, el servicio o beneficio que se remunera, y en los* **de pura beneficencia**, *la mera liberalidad del bienhechor.*	В **возмездных договорах** под каузой для каждой из сторон понимается предоставление или обещание предоставления вещи или услуги другой стороной; **в договорах, предусматривающих вознаграждение за добровольно оказанную ранее услугу**, – ранее оказанная услуга или выгода, за которые осуществляется вознаграждение, а в **безвозмездных договорах** – безвозмездное предоставление одной стороны.

Отметим также, что несмотря на наличие дефиниции, при описании безвозмездности применительно к конкретному виду договора в ГК Испании используется не словосочетание *de beneficencia*, а прилагательное *gratuito*:

CC de España, art. 1711 *A falta de pacto en contrario, el mandato se supone **gratuito**.*	ГК Испании, ст. 1711 В отсутствие соглашения об ином, поручение предполагается **безвозмездным**.
CC de España, art. 1740 *El comodato es esencialmente **gratuito**.* *El simple préstamo puede ser **gratuito** o con pacto de pagar interés.*	ГК Испании, ст. 1740 Договор ссуды является по существу **безвозмездным**. Договор займа может быть **безвозмездным** или с условием выплаты процентов.

4.3. Комбинированная синонимия

Особенно интересным для исследования является феномен сочетания избыточной и ложной синонимии, который проявляется и разрешается при межотраслевом сопоставлении. В качестве примера рассмотрим ряд терминов *contrato, convenio* и *convención*.

В терминосистеме гражданского права в некоторых латиноамериканских странах термины *contrato* и *convención* означают договор и используются в качестве синонимов, являясь проявлением избыточной синонимии:

[91] https://dpej.rae.es/lema/contrato-de-donaci%C3%B3n-remuneratoria

CC de Chile, art. 1438 *CC de de Colombia, art. 1495* ***Contrato o convención** es un acto por el cual una parte se obliga para con otra a dar, hacer o no hacer alguna cosa.*	ГК Чили, ст. 1438 ГК Колумбии, ст. 1495 **Договор** – это акт, в соответствии с которым одна сторона обязуется в отношении другой стороны передать какую-либо вещь, совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия.

В Мексике[92] *contrato* соотносится с *convenio* как общее и частное, причем разницу практически невозможно передать при переводе ввиду отсутствия аналогичного доктринального соотношения в российской теории права:

CCF de México, art. 1792 ***Convenio** es el acuerdo de dos o más personas para crear, transferir, modificar o extinguir obligaciones.*	Ст. 1792 ***Договор*** является соглашением между двумя и более лицами с целью создания, передачи, изменения или прекращения обязательств.
CCF de México, art. 1793 ***Los convenios** que producen o transfieren las obligaciones y derechos, toman el nombre de **contratos**.*	Ст. 1793 ***Договоры***, по которым создаются или передаются обязанности и права, именуются ***контрактами***.

Однако в терминосистеме конституционного и международного публичного права термин *convenio* является синонимом термина *convención* и означает соглашение между органами власти или между государствами[93]. Отметим, что термин *contrato* не принадлежит терминосистеме международного права. На сайте ООН проводится следующее терминологическое соответствие, дополненное смежным термином *tratados*[94]:

El uso genérico del término "convención" abarca todos los acuerdos internacionales, de la misma forma que el término genérico "tratado". *Por consiguiente, el término genérico "convención" es sinónimo del término genérico "tratados".*	Использование термина *convención* в наиболее общем значении охватывает все международные соглашения, так же как использование термина *tratado* в наиболее общем значении. Следовательно, термин *convención* является синонимом термина *tratados*.

92 https://mexico.justia.com/federales/codigos/codigo-civil-federal/libro-cuarto/primera-parte/titulo-primero/capitulo-i/

93 https://dpej.rae.es/lema/convenio

94 https://www.un.org/spanish/documents/instruments/terminology.html

[…] mientras que en el siglo pasado el término "convención" se empleaba habitualmente para los acuerdos bilaterales, actualmente se utiliza en general para los tratados multilaterales formales con un gran número de partes. Normalmente cualquier miembro de la comunidad internacional, o un gran número de Estados, pueden ser parte de una convención. Los instrumentos negociados bajo los auspicios de una organización internacional suelen denominarse convenciones o convenios.	Если в прошлом веке термин *convención* обычно применялся к двусторонним соглашениям, то в настоящее время он, как правило, используется для обозначения официальных многосторонних договоров с большим числом участников. Как правило, участниками конвенции может быть любой член международного сообщества или группа государств. Документы, заключаемые под эгидой международной организации, обычно обозначаются терминами *convenciones o convenios*.

В терминосистеме трудового права *convenio* в качестве сокращенного варианта терминологического словосочетания *convenio colectivo* означает письменное соглашение между одним или несколькими работодателями и одной или несколькими организациями трудящихся (профсоюзами), в котором устанавливаются условия труда, которые должны соблюдаться в определенной сфере трудовых отношений[95]. Следовательно, в терминосистеме трудового права термины *convenio* и *contrato* являются ложными синонимами.

Другим примером комбинированной синонимии следует считать пару терминов *delito* и *crimen*. *Crimen* – существительное, которое означает тяжкое преступление и может выступать в качестве синонима терминологического словосочетания *delito grave*[96]. Однако в тексте УК Испании используется в единственной статье 18, регулирующей преступление публичного призыва к совершению преступления и публичного оправдания преступления или восхваления преступника (*apología*); следовательно, в пространстве нормативного типа ЮД Испании термины *delito* и *crimen* не могут считаться синонимами. В терминосистеме международного уголовного права термин *crimen* утрачивает синонимию с термином *delito*, который не функционирует в указанной терминосистеме, и образует ряд устойчивых терминологических словосочетаний: *crimen internacional* как общеродовой термин, который означает любое <преступление международного характера>[97]; *crimen organizado* –

[95] https://dpej.rae.es/lema/convenio-colectivo
[96] https://dpej.rae.es/lema/crimen
[97] https://dpej.rae.es/lema/crimen-internacional

<организованная преступность>; *crimen de guerra* – <военное преступление>, представляющее собой прежде всего тяжкие нарушения норм международного гуманитарного права; *crimen contra la humanidad* или *crimen de lesa humanidad* – <преступление против человечности>; *crimen de agresión* – <преступление агрессии>.

Завершая рассмотрение классификации синонимии терминов ИЮД в зависимости от денотативной составляющей, отметим, что она носит практический характер и направлена на решение проблемы установления значения термина в конкретном дискурсивном контексте его употребления. Выделение трех видов синонимии, проиллюстрированные примерами, доказывают, во-первых, что наиболее сложным ввиду идентичного синтаксического соединения союзом *o* (или) представляется разграничение избыточной и ложной синонимии, а во-вторых, существование комбинированной синонимии требует обязательного соотнесения ЮТ с отраслевой терминосистемой в каждом случае его употребления.

§ 5. Межъязыковая омонимия и паронимия терминов испаноязычного юридического дискурса

Рассматривая особенности функционирования испаноязычных ЮТ в собственной дискурсивной среде, нельзя обойти вниманием проблему сугубо прикладного характера, связанную с правильным восприятием и передачей на русском языке тех ЮТ, которые в ЯП имеют схожие по звучанию аналоги. Речь идёт о феномене межъязыковой паронимии, или о так называемых «ложных друзьях переводчика» (от фр. *faux amis*), которые являются результатом взаимовлияния языков либо случайных совпадений, а в родственных языках основаны на родственных словах, имеющих общий прототип в языке-основе [Акуленко, 1969: с. 371]. К «ложным друзьям переводчика» относят слова, которые являются генетически родственными или заимствованными, близкими или совпадающими по форме, но не связанными друг с другом по значению [Манакин, 2004: с. 163]. Такие слова разделяются на две основные группы – межъязыковые омонимы и паронимы.

В преломлении к теме диссертационного исследования межъязыковую паронимию следует рассматривать как явление, при котором ЮТ двух языков – испанского и русского – схожи по звучанию, но различаются по семантическим характеристикам. Следует подчеркнуть, что в отношении пары языков «русский-испанский» представляется спорной постановка проблемы межъязыковой омонимии ввиду того, что несмотря на принадлежность к общей индоевропейской языковой семье, испанский язык относится к романской языковой группе, образованной на основе латинского языка и сохраняющей в своем составе, синтаксисе и морфологии латинские черты [Солнцева, 2020: с. 125], а русский язык – к славянской, основывающейся на праславянском языке. Оба языка принадлежат к флективным языкам, для которых характерно изменение форм лексем посредством изменения окончаний, отражающих одновременно несколько грамматических значений, вместе с тем испанский язык в большей степени является аналитическим языком, а русский – синтетическим [Гнатюк, 2019: с. 205]. Для русского языка характерна развитая морфологическая система из шести падежей и трех родов имен существительных, в отличие от испанского языка, в котором отсутствует категория падежа, что компенсируется активным использованием предлогов и артиклей, и имеется только два рода имен существительных. Противоположная ситуация характерна для глаголов: несмотря на наличие в двух языках общих форм (причастие, деепричастие и инфинитив), в русском языке существует всего два вида спряжений и три временные формы глагола, в то время как в испанском языке три вида спряжений и в общей сложности 16 временных форм глагола. Межъязыковые омонимы представляют собой слова двух и более контактирующих языков, которые совпадают по звуковой или графической форме и различаются в разной степени по значению [Лобковская, 2012: с. 83]. С учетом указанных масштабных грамматических различий двух языков совпадение форм лексем в русском и в испанском языке – практически невыполнимое требование, необходимое для возможности постановки вопроса о наличии межъязыковой омонимии в паре «русский-испанский».

В этой связи представляется более корректной постановка вопроса о межъязыковой паронимии, для которой не требуется полное совпадение форм слов в двух рассматриваемых языках. Паронимия – это явление, при котором слова, являющиеся паронимами, схожи по звучанию и морфемному составу, однако различаются по лексическому значению. И если в рамках одного языка паронимы зачастую приводят к речевым ошибкам в виде некорректного выбора слова из пары или ряда паронимов, то в случае межъязыковой паронимии происходят смысловые ошибки. Если лексема функционирует в качестве термина, то происходит не только нарушение нормы словоупотребления, но и искажение смысла высказывания.

В зависимости от степени различия смысловой структуры межъязыковые паронимы разделяются на две группы [Потанина, 2006: с. 130]:

1) полные межъязыковые паронимы – пары слов, которые полностью различаются по значению;

2) неполные межъязыковые паронимы – пары слов, для которых характерно совпадение в одном из значений и отсутствие паронимической параллели в другом значении.

Приведем примеры, которые могут рассматриваться как полные межъязыковые паронимы в испаноязычном и русскоязычном юридическом дискурсах: *procurador* – не <прокурор>, а <судебный поверенный> – практикующий юрист, обладающий соответствующим статусом и обязательным членством в коллегии судебных поверенных, который отвечает за процессуальное представительство сторон в судебных спорах (исключение составляет терминологическое сочетание *Procurador General*, которым в ряде стран Латинской Америки обозначается Генеральный прокурор, который возглавляет систему прокуратуры и в обязанности которого входит содействие отправлению правосудия для защиты законности и общих интересов общества, представление и защита общественных интересов в большинстве судебных дел и содействие уголовному преследованию по всем уголовным делам)[98]; *bufete* – не <буфет>, а

[98] https://dpej.rae.es/lema/procurador-ra

<адвокатское бюро> или собирательный термин, означающий клиентов адвоката[99]; *requisito* – не <реквизит>, а <требование>, установленное в качестве необходимого[100]; *tutor* – не <тьютор> и не <научный руководитель>, а <опекун>.

Вторая группа паронимов, которые имеют как общие, так и различные элементы смысловой сферы, гораздо более обширна. Кроме того, именно в этой части феномен межъязыковой паронимии взаимосвязан с феноменом полисемии испанского языка, рассмотренной выше. Примерами, иллюстрирующими вторую группу паронимов, являются следующие термины ИЮД: *fiscal* – не только <фискальный (налоговый)>, но и <прокурорский>; в качестве существительного мужского рода функционирует в качестве термина, означающего прокурора; *acción* – не только <акция> как разновидность ценной бумаги, но и <право на иск>, собственно <иск> и <действие>; *constitución* – не только <конституция>, но и <учреждение> как действие, производное от глагола «учреждать»; *mandato* – не только <мандат> как срок полномочий должностного лица, но и <приказ>, <поручение>; *presidente* – не только <президент>, но и <председатель>; *término* – не только <термин>, но и <условие>, <срок> и <порядок>; *instancia* – не только <инстанция>, но и <ходатайство>, <инициатива> (*a instancia de* – по инициативе); *registrar* – не только регистрировать (хотя в этом значении приоритет следует отдавать словосочетанию *inscribir en el registro* – <вносить в реестр>), но и <осуществлять обыск>; соответственно, аналогичную пару паронимов образует существительное *registro*, которое может обозначать как <реестр>, так и <обыск>; *título* – не только <правовой титул>, но и <документ, подтверждающий право лица>, и <ценная бумага> (в словосочетании *título de valor*) и др.

Рассмотренные примеры «ложных друзей переводчика» позволяют сделать вывод о том, что из двух видов языковых паронимов при переводе преимущественно вызывают затруднения неполные межъязыковые паронимы ввиду свойственной им полисемии; в этой связи в сознании переводчика возникают ложные ассоциативные связи только с одним русскоязычным термином, в то время

[99] https://dpej.rae.es/lema/bufete
[100] https://dpej.rae.es/lema/requisito

как второе значение ИЮТ не принимается во внимание. Проблема перевода таких ИЮТ решается только при условии внимательного изучения всех значений и учета всего дискурсивного контекста употребления.

Выводы по Главе II

Исследование особенностей терминосистемы ЮД и семантических особенностей функционирования ИЮТ в пространстве ИЮД позволяет сделать следующие выводы.

К терминам ЮД относятся слова и словосочетания, являющиеся номинацией понятий и явлений юриспруденции как специальной научной области знаний. Для установления того, относится ли конкретная лексема к общеупотребительной лексике или является термином, следует использовать функциональный подход, который предполагает оценку функции, выполняемой словом в конкретной ситуации его употребления. В этом смысле ЮД выступает в роли естественной границы функционирования ЮТ в присущем ему специальном значении, за пределами которого он утрачивает исходное семантическое содержание или по меньшей мере претерпевает семантические трансформации.

Терминология ИЮД находится в стадии систематизации, ознаменованной изданием в 2016 г. специализированного словаря юридических терминов испанского языка (DPEJ). В издании отображены семантические особенности терминов, связанные с их функционированием в пространстве ИЮД в разных испаноговорящих странах, что свидетельствует о наличии семантических особенностей ИЮТ, обусловленных исключительно национальной спецификой.

Терминосистема ИЮД, рассматриваемая в качестве организованной совокупности терминов ИЮД, между которыми фиксируются разветвлённые связи, инкорпорирует иные, более частные терминосистемы, соотносящиеся в сфере ЮД с отраслями и подотраслями права. Так, выделяются терминосистемы гражданского права, уголовного права, международного права и т.д.; в структуре гражданского права дифференцируются терминосистемы наследственного права, вещного права, договорного права и др. Установление принадлежности ИЮТ к

определённой отраслевой терминосистеме в структуре единой терминосистемы ЮД является эффективным способом решения проблемы полисемии ИЮТ.

Среди семантических особенностей, свойственных терминологии ИЮД, выделяются синонимия и полисемия – проявления асимметрии терминологического знака. Причины указанных явлений связаны с языковыми традициями использования ЮТ, недостаточной разработанностью терминосистемы ИЮД и несовершенством проявляющейся в языковом материале юридической техники – системы средств и приемов, используемых при разработке и систематизации нормативных актов. В этой связи следует констатировать, что семантика термина носит функциональный характер и зависит от того, как лексема функционирует в качестве ЮТ в конкретном контексте употребления.

Полисемию следует рассматривать как феномен терминологии ИЮД, поскольку в пространстве профессиональной коммуникации юристов ЮТ по своей природе должен иметь одно, строго соответствующее ему значение. Однако явление многозначности ЮТ во многом связано с концептуальной организацией ЮД, и отношения между значениями многозначного слова основываются на связывающих их структурных когнитивных связях. Одна и та же лексема может выступать в качестве ЮТ в пространстве различных терминосистем и подсистем, и конкретизация отраслевого терминологического пространства, в котором функционирует ЮТ, во многих случаях позволяет разрешить проблему полисемии, поскольку в рамках конкретной отраслевой терминосистемы ЮТ, как правило, однозначен.

Синонимия ИЮТ в зависимости от денотативной составляющей бывает избыточной, ложной и комбинированной. Избыточная синонимия проявляется плюрализмом обозначающего при единстве обозначаемого, ложная – мнимым соответствием обозначающего и обозначаемого при использовании двух схожих ЮТ, соединённых союзом *о* (или), комбинированная – избыточной синонимией двух ЮТ в рамках одной отрасли права и ложная синонимия в контексте разных отраслевых терминосистем или национальных вариантах ИЮД. Решение проблем,

связанных с пониманием и переводом ИЮТ, для которых характерна синонимия, обусловлено анализом дискурсивного контекста их употребления.

Наконец, проблемой, связанной с семантическими особенностями терминологии ИЮД, является межъязыковая омонимия и паронимия. Сделан вывод о том, что совпадение форм лексем в испанско-русской языковой комбинации – практически невыполнимое требование, необходимое для постановки вопроса о наличии межъязыковой омонимии. В отношении терминов ИЮД установлено, что в зависимости от степени различия семантического содержания выделяются следующие две группы: полные межъязыковые паронимы – пары слов, которые полностью различаются по значению, и неполные межъязыковые паронимы – пары слов, для которых характерно совпадение в одном из значений и отсутствие паронимической параллели в другом значении.

ГЛАВА III. ТЕРМИНОЛОГИЯ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

§ 1. Прагматические характеристики терминологии испаноязычного юридического дискурса

Трилогия семиотики как теории, исследующей свойства знаков и знаковых систем, включает в себя, по Ч. У. Моррису, синтактику, семантику и прагматику [Моррис, 1983: с. 43]. Синтактика исследует отношение знака к другим знакам, семантика изучает отношения между знаками и обозначаемым, а прагматика – отношение между знаком и субъектом, который этот знак интерпретирует и использует в речи. Таким образом, прагматика – это раздел семиотики, изучающий персонально детерминированные особенности использования языковых единиц в реальных коммуникативных ситуациях.

Разницу между семантикой и прагматикой терминологии RAE иллюстрирует посредством сопоставления двух схожих понятий теории языка – *sentido* (смысл) и *significado* (значение) [101] . Значение – это буквальное содержание понятия, постоянное и общее для носителей языка. Смысл – это случайное содержание понятия, которое зависит от контекста и намерения адресанта высказывания. Значение исследует семантика, в то время как смысл изучает прагматика. Значение обладает следующими свойствами: постоянство, социальный характер (т.е. сформированность в ходе использования в обществе), кодифицированность, явно выраженный характер; в противоположность значению, смысл отличается изменчивостью, индивидуальностью (т.е. детерминированностью адресантом высказывания), некодифицированностью и скрытым характером.

Несмотря на указанные различия, семантические и прагматические особенности тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Отмеченная взаимосвязь семантики и прагматики привела к возникновению научного направления семантического контекстуализма, согласно которому для адекватного анализа

---

[101] https://www.rae.es/libro-estilo-justicia/problemas-de-significado-y-sentido/el-significado-y-el-sentido

смысла высказывания недостаточно ограничиться семантикой, поскольку ни одно предложение не выражает пропозицию, если оно рассматривается без контекста употребления, без учета прагматических по своей природе факторов [Вострикова, 2011: с. 105]. Прагматические особенности функционирования ЮТ производны и зависимы от семантических, поскольку предполагают раскрытие изначально заложенного в ЮТ семантического содержания в процессе его использования: «подлинная жизнь терминов осуществляется только в процессе оперирования ими», а синтагматика и комбинаторика терминов связаны с формированием новых значений терминов, с появлениями соответствующих «прагматических приращений» к основному семантическому содержанию [Ларина, 2007: с. 16–17]. Прагматика – один из аспектов существования языковой единицы, который связан с природой языка как средства общения; будучи следствием непосредственного использования языковой единицы, прагматика – это то, во что претворяется семантика в процессе коммуникации [Leech, 1983: p. 1–4]. Именно в процессе использования ЮТ происходят смысловые приращения, которые при условии постепенного закрепления дополнительных сем приводят к формированию полисемичных терминов; при употреблении нескольких терминов в качестве синонимов в нормативно-правовом акте возникает потенциал для их закрепления в качестве синонимов и в других субдискурсах.

Следует констатировать, что прагматика ЮТ всегда функциональна и зависит от множества факторов, связанных с использующими их коммуникантами, поставленными целями коммуникации и корректным выбором ЮТ для их достижения. Несмотря на высокую степень институциональности ЮД, невозможно отрицать роль самих коммуникантов ЮД, персональный выбор того или иного ЮТ и контекста его использования при доказывании прав и отстаивании законных интересов (наиболее ярко прагматика ЮТ проявляется в суде, в речи адвокатов). Коммуникативная природа прагматической информации – того «прагматического слоя значения слова», который содержит информацию об отношении человека к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также тесная связь прагматической информации с ситуацией общения и действующим в рамках

данной ситуации лицом – носителем культуры, который следует культурным нормам общества, обусловливает её культурологическую маркированность [Иванова, 2014: с. 156]. Помимо культурологической маркированности и смысловых приращений, к прагматической специфике функционирования терминов относятся коннотации и стилистические особенности употребления, однако в большинстве случаев они юридически нейтральны, поскольку в общем плане не влияют на смысл (*sentido*) используемых ИЮТ.

Прагматические характеристики ЮТ непосредственно связаны с функциями, которые выполняют содержащие их высказывания и тексты. Тексты юридического характера могут осуществлять не только нормирующие, воздействующие и регулирующие, но и социально-прагматические функции: с помощью юридических документов коммуниканты конструируют и контролируют социальный порядок, создают и защищают свои права и законные интересы, легитимируют свои социальные позиции. Право трактуется как способ создания и закрепления определенной системы общественных отношений, как своего рода «общественный договор». С этой позиции юридический текст можно трактовать и как репрезентированную социальную реальность, и как социальный конструкт. Соответственно, изучение ЮД дает возможность как сформировать представление о правовой культуре того или иного сообщества, так и судить о тех базовых принципах общественного устройства, выражением которых он является, и превалирование в нормативно-правовых актах тех или иных ЮТ на определенном историческом этапе развития является отражением направлений политического и социального развития государства. Возвращаясь к культурологической маркированности, в наибольшей степени она проявляется при функционировании ЮТ в отраслевом терминологическом пространстве конституционного права. Так, использование в статье 1 Конституции Испании ставших в XXI веке привычными и распространёнными ЮТ *estado social y democrático* (социальное и демократическое государство), *libertad* (свобода), *justicia* (справедливость), *igualdad* (равенство) и *pluralismo político* (политический плюрализм) в 1978 году

ознаменовало новую веху в истории государства, переход к новому, демократическому строю, основанному на новых ценностях:

Constitución Española, art. 1 *España se constituye en un Estado social y democrático de Derecho, que propugna como valores superiores de su ordenamiento jurídico la libertad, la justicia, la igualdad y el pluralismo político.*	Конституция Испании, ст. 1 Испания является социальным, демократическим и правовым государством, которое провозглашает в качестве высших ценностей своей правовой системы свободу, справедливость, равенство и политический плюрализм.

Культурологической маркированностью отличается и термин *pueblo*. Варьирование единственного и множественного числа этой лексемы в тексте Конституции Испании имеет прагматический характер: в выражении *pueblos de España* (народы Испании) актуализируются культурно-исторические коннотации, а при использовании лексемы в единственном числе превалируют политические коннотации: *pueblo español* – это народ, который утверждает текст Конституции [Григорян, 2020: с. 304–305]; в первом случае имеется в виду разнообразие народов, сформировавших испанское государство, во втором случае – единство народа как носителя суверенитета:

Constitución Española, art. 1 *2. La soberanía nacional reside en el **pueblo español**, del que emanan los poderes del Estado.*	Конституция Испании, ст. 1 2. Национальный суверенитет принадлежит **испанскому народу**, от которого исходит власть государства.
Constitución Española, art. 46 *Los poderes públicos garantizarán la conservación y promoverán el enriquecimiento del patrimonio histórico, cultural y artístico de los **pueblos de España** y de los bienes que lo integran, cualquiera que sea su régimen jurídico y su titularidad. […]*	Конституция Испании, ст. 46 Органы государственной власти гарантируют сохранение и содействуют обогащению исторического, культурного и художественного наследия **народов Испании**, а также входящих в него объектов, независимо от их правового статуса и принадлежности.

Прагматические особенности терминологии в контексте ЮД следует рассматривать также с точки зрения потенциала достижения конечной правовой цели посредством применения конкретно взятого текста закона, судебного решения и т.п., в котором содержится исследуемый ЮТ. Данный тезис основывается, в частности, на идее Грегорио Роблеса (*Gregorio Robles*) о существовании принципа прагматического приоритета (*principio de prioridad pragmática*) юридического текста, в соответствии с которым все его элементы

должны располагаться с учетом этой функции и с учетом существования контекста; таким образом, природа элементов определяется природой целого, в данном случае – всей правовой системы, а конкретные значения зависят от целостного значения, которое детерминирует текст, и установить это значение является задачей толкователя [Robles, 1998]. Следовательно, смысл того или иного ЮТ следует устанавливать исходя из смысла всего юридического текста, в котором он содержится, а также общего правового контекста, в котором он был создан.

Безусловно, в этой связи особую важность приобретает исследование таких случаев употребления ЮТ, при которых по тем или иным причинам не достигается конечная правовая цель коммуникации и провоцируются смысловые искажения, а также нестандартное, семантически неточное использование ЮТ, имплицирующее особые задачи коммуникации со стороны адресанта – так называемые случаи детерминологизации ЮТ, которая происходит как внутри ЮД, так и при выходе за его пределы, в иных дискурсивных практиках.

Применительно к ИЮД следует обратить особое внимание на те прагматические особенности испаноязычной юридической терминологии, которые связаны с переводом ИЮТ на русский язык. Помимо прагматики языкового знака, которая отражает отношения между знаком и теми, кто его использует в речи, существует прагматика перевода (или прагматический аспект перевода) – влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и осуществить желаемое воздействие на рецептора перевода [Комиссаров, 1990: с. 249]. Специалисты отмечают, что перевод юридического текста всегда начинается с неязыкового этапа анализа понятий и исходного текста (т.н. внутрисемотического перевода) и заканчивается лингвистическим переносом смысла в текст, созданный на ЯП (интерсемиотическим переводом), при этом первая фаза предполагает интерпретацию содержания текста в юридическом смысле, а вторая фаза – межъязыковой перевод в смысле повторного кодирования исходного высказывания [Кудряшова, 2023: с. 25]. Перевод – это комплексный процесс, в котором участвуют ИЯ и ЯП, при котором происходит «встраивание» в сферу ЯП;

применительно к ЮД перевод всегда представляет собой компромисс не только между языками, но и правопорядками, и этот компромисс заключается в том, чтобы максимально близко подойти к системе ИЯ и найти такие эквиваленты в ЯП, которые создадут правильное представление о системе ИЯ [Рекош, 2016(б): с. 232]. Таким образом, прагматика перевода основана на прагматике языкового знака и непосредственно направлена на эффективное и адекватное раскрытие последней средствами ЯП.

Применительно к ЮТ прагматика перевода помещает в центр внимания способы передачи прагматического содержания ИЮТ посредством наиболее оптимального выбора тех или иных ЮТ русского языка. Прагматика ИЮТ, заложенная в текст адресантом, должна быть отражена переводчиком. Из всех возможных вариантов перевода переводчик должен выбрать с учетом многозначности слова в ИЯ эквивалент в ЯП, отображающий именно то значение и тот смысл, которые были заложены в термин в оригинальном источнике с учетом контекста его употребления. Переводчик осуществляет внутреннюю расшифровку образа посредством эксплицитации; смысл эксплицируется через референцию, и при переводе зачастую отдается предпочтение не образной, а прямой номинации, хоть и предполагающей трансформации, поскольку именно прямая номинация, решая прагматическую задачу, показывает большую близость к смыслу, то есть, к прагматической цели выражения [Иванов, 2018: с. 65–67]. Справедливо замечено, что решающая верифицирующая функция при переводе принадлежит именно референции, иными словами, связи между словом и предметом реального мира, причем, в отличие от обычных условий коммуникаций, при переводе интерпретация развивается не от референции к смыслу, а от смысла к референции, поскольку смысл инвариантен, а референция вариативна [Иванов, 2018: с. 67]. При переводе невозможно игнорировать прагматическую коннотацию, поскольку это равносильно игнорированию смыслового предназначения речи; иные нецеленаправленные дискурсивные коннотации зачастую игнорируются при переводе, будучи отнесены к форме, а не к содержанию, и к переводу ЮТ указанный тезис представляется непосредственно применимым. Именно такой

подход к переводу возможен при решении проблемы безэквивалентных терминов, поскольку для их понимания требуется установить, что имел в виду адресант при использовании ИЮТ, и как можно наиболее точно и без искажений передать смысл высказывания при помощи языковых средств в виде русскоязычных терминов, используемых в пространстве РЮД.

Под прагматикой знака в контексте перевода понимается отношение к знаку того, кто его описывает [Табанакова, 2006: с. 3]. Описание знака может осуществляться как на ИЯ, так и на ЯП. Переводчик может воспринимать термин непосредственно или опосредованно – через словари, справочники, автоматические переводчики и т.п. В первом случае интерпретатором является исключительно сам переводчик, во втором случае в качестве интерпретатора выступает переводный словарь. Переводный словарь представляется интерпретатором термина-знака, поскольку в разных словарях термин описывается по-своему, и каждое описание отражает отношение к термину автора словаря, которое проявляется через фиксацию особенностей его использования на определенном этапе формирования знака [Табанакова, 2006: с. 4]. На практике в большинстве случаев имеет место комбинация непосредственной и опосредованной интерпретации, поскольку, как было указано выше, имеющиеся на данный момент испанско-русские словари юридических терминов содержат большое количество неточностей, причина которых также кроется в функциональной прагматике ЮТ. Безусловно, превалирующей должна быть непосредственная интерпретация, которая осуществляется на материале испанского языка лицом, имеющим юридическое образование или глубокие познания в области права и обладающим надлежащим уровнем владения испанским языком.

Таким образом, прагматические особенности терминологии ИЮД могут рассматриваться непосредственно при функционировании ИЮТ как термина-знака и при изучении ИЮТ для установления русскоязычного термина-перевода. С одной стороны, существуют такие прагматические особенности функционирования ЮТ в реальных ситуациях дискурсивного общения, при

которых происходит искажение изначально заложенного в ЮТ значения в рамках одного языка; наиболее существенным проявлением данного процесса является детерминологизация ЮТ внутри и вне пространства ИЮД. С другой стороны, при переводе ЮТ с одного языка на другой прагматические особенности терминологии проявляются в процессе поиска такого эквивалента в ЯП, который позволит отразить всю прагматику ИЮТ, заложенную адресантом; в этой связи возникают трудности перевода, связанные со смысловыми искажениями и недостижением смыслового соответствия при переводе ЮТ, а также с поиском адекватных решений для перевода безэквивалентных и полиэквивалентных терминов; прагматика перевода также провоцирует различные проблемы правового характера. Несмотря на существование указанных различий, все прагматические особенности функционирования ЮТ и возникающие в связи с ними проблемы понимания и толкования ЮТ связаны с установлением того, чем обусловлено то или иное использование конкретного ИЮТ, что именно было заложено в него адресантом высказывания. Ввиду этого для целей всестороннего исследования прагматических особенностей функционирования ИЮТ следует учитывать обе группы – как обусловленные нестандартным функционированием терминологии в испаноязычном языковом пространстве (как внутри, так и вне ИЮД), так и непосредственно связанные с переводом терминологии ИЮД на русский язык.

§ 2. Смысловые искажения при толковании и переводе терминов международных договоров

Смысловые искажения при толковании терминов неизбежны ввиду необходимости обеспечить применение той или иной нормы права общего характера к определенной правовой ситуации, и в этой связи юридическое толкование писаных актов «могло и может уводить смыслы в стороны, далекие от объективной лингвистической реальности правового дискурса» [Рекош, 2011: с. 20]. Проблема искажения смысла при переводе ЮТ с одного языка на другой и негативные последствия несоответствия терминов ИЯ и ЯП особенно явно проявляются на языковом материале текстов договоров международного

характера, которые утверждены и подписаны сторонами на двух языках и обладают в силу соглашения сторон равной юридической силой – аутентичностью.

В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [102] установлен принцип, в соответствии с которым аутентичность текста договора на двух и более языках презюмируется, и каждый текст договора имеет одинаковую силу, если стороны прямо не договорились о том, что лишь один выбранный ими текст договора обладает преимущественной силой (п. 1 ст. 33). Кроме того, действует презумпция того, что ЮТ договора имеют одинаковое значение в каждом из аутентичных текстов (п. 3 ст. 33) независимо от того, на скольких языках составлен договор. При наличии расхождения значений, которое не может быть устранено посредством толкования, принимается то значение, которое позволяет согласовать тексты договора на нескольких языках наилучшим образом с учетом целей и объекта договора; данный механизм применяется в тех случаях, когда стороны заранее установили аутентичность текстов на нескольких языках (п. 4 ст. 33). Однако в Конвенции не предусмотрен сам механизм согласования точного значения ЮТ, используемых в текстах международных договоров. В любом случае при переводе юридических текстов международного характера следует учитывать их направленность на непосредственных адресатов норм – граждан тех стран, которые являются участницами договора, и по возможности не перегружать текст избыточными терминами, которые непонятны гражданам [Аветян, 2023: с. 161].

При аутентичности двух текстов для разрешения проблемы расхождения значений ЮТ применяются положения о толковании договоров. В отношении толкования ЮТ Конвенция содержит два положения: во-первых, ЮТ должны интерпретироваться в соответствии со своим обычным значением, которое придается им в контексте использования и с учетом объекта и целей договора (п. 1 ст. 31); во-вторых, специальное значение, отличное от обычного, придается ЮТ в тех случаях, когда установлено, что стороны имели такое намерение (п. 4 ст. 31). Таким образом, предопределён дискурсивный характер толкования ЮТ

[102] Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

международных договоров, которое должно осуществляться на основе анализа контекста использования и коммуникативной интенции, представляющих собой прагматическое измерение ЮД.

В качестве примера, иллюстрирующего существенные языковые несоответствия, приведём русский и испанский тексты Договора между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам[103] (*Convenio entre la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas y el Reino de España sobre asistencia judicial en materia civil* [104]) (далее – Договор), который вступил в силу в 1997 г. в отношении Российской Федерации как правопреемника СССР и в настоящее время является действующим[105].

Согласно п. 3 ст. 23 Договора на русском языке к ходатайству о признании судебного решения и выдаче разрешения на приведение его в исполнение должен прилагаться заверенный перевод нескольких документов. В Договоре не указан орган, уполномоченный осуществлять заверение, а также требования к форме, однако, исходя из положений Основ законодательства РФ о нотариате[106], верность перевода с одного языка на другой свидетельствует нотариус либо переводчик, подлинность подписи которого свидетельствует нотариус. Следовательно, можно предположить, что в тексте Договора на русском языке подразумевается совершение нотариального действия в соответствии с российским законодательством о нотариате.

П. 3 ст. 23 Договора на испанском языке обозначает заверенный перевод термином *traducción legalizada*. Глагол *legalizar* означает удостоверить подлинность документа или подписи лицом, имеющим на это полномочия, а

---

[103] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам, заключенный 26 октября 1990 г. Подписан в г. Мадрид. URL: https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=a077c16c-3c54-451b-9ee3-813f64139f6e.

[104] Convenio entre la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas y el Reino de España sobre asistencia judicial en materia civil (Договор между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам). URL: https://spain.mid.ru/upload/iblock/184/9celq6drt0o1rdcfuwboqwghwcqtm7vk.pdf.

[105] Перечень международных договоров РФ по вопросам правовой помощи по данным Официального сайта Министерства юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/.

[106] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/

термин *legalización*, в свою очередь, означает подтверждение подлинности, подписанное государственным органом[107]. Отметим, что несмотря на схожесть с термином легализация, в данном случае речь идет о совершенно иной процедуре: осуществление официальных переводов с иностранных языков в Испании возлагается на специально уполномоченных переводчиков – *traductores jurados*, которые находятся в ведении Министерства иностранных дел, Европейского союза и международного сотрудничества Испании (*Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación*). Переводы, выполняемые специально уполномоченными переводчиками, приобретают характер официальных и могут быть представлены в судебные и административные органы Испании. Достоверность перевода обеспечивается Министерством иностранных дел Испании и проставлением подписей и печатей специально уполномоченных переводчиков. Аргументом, подтверждающим, что в ст. 23 речь идет не о требовании легализации перевода, служит факт участия России и Испании в Конвенции, отменяющей требования легализации иностранных официальных документов (Гаага, 1961 г.)[108].

Однако в тексте Договора на испанском языке термины *legalización* и *legalizado* используются в другой статье в совершенно ином значении. Проанализируем текст п. 1 ст. 14 Договора на русском и испанском языках:

Документы, которые выданы или ***засвидетельствованы*** по установленной форме…, не требуют на территории другой Договаривающейся Стороны какого-либо ***удостоверения***.	*Los documentos que hayan sido expedidos o* ***testificados*** *conforme a las normas establecidas …, no requerirán en el territorio de la otra Parte Contratante* ***legalización*** *alguna.*
Это относится также … к подписям, ***засвидетельствованным*** по правилам одной из Договаривающихся сторон.	Lo mismo se aplicará también en relación con firmas en los documentos y ***legalizadas*** según el procedimiento interno de las Partes Contratantes.

При сопоставлении текстов договора становится очевидным, что русскому термину «засвидетельствованный» соответствуют два разных термина испанского языка; при этом *testificado* предполагает как простое подтверждение какого-либо факта в качестве достоверного, так и его подтверждение с помощью свидетельских

[107] https://dpej.rae.es/lema/legalizaci%C3%B3n
[108] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2713/

показаний, а *legalizado*, как было сказано выше, – подтверждение документа надлежащим органом. Однако в этой статье ЮТ *legalización* использован в значении «легализация»: именно эта норма Договора отменяет необходимость какой-либо легализации, в том числе проставления апостиля, подтверждающего подлинность документов, используемых в рамках сотрудничества по гражданским делам между Россией и Испанией. Именно в этом значении термин *legalización* используется в названии и в тексте упомянутой выше Конвенции, отменяющей требования легализации иностранных официальных документов – *Convención suprimiendo la exigencia de la legalización de los actos públicos extranjeros*. Следует согласиться с тем, что в текстах договоров недопустима подобная полисемия терминов, основанная на некотором сходстве правовых явлений [Вежновец, 2018: с. 130]. На основе указанного выше предлагаем следующий более точный перевод рассматриваемого положения Договора (исправленное выделено пунктиром – А.Ф.):

Документы, которые выданы или ***засвидетельствованы*** по установленной форме…, не требуют на территории другой Договаривающейся Стороны ***процедуры легализации***.	*Los documentos que hayan sido expedidos o* ***testificados*** *conforme a las normas establecidas …, no requerirán en el territorio de la otra Parte Contratante* ***legalización*** *alguna.*
Это относится также … к подписям, ***удостоверенным*** по правилам одной из Договаривающихся сторон.	Lo mismo se aplicará también en relación con firmas en los documentos y ***legalizadas*** según el procedimiento interno de las Partes Contratantes.

В некоторых случаях даже однозначность и эквивалентность ЮТ не позволяет избежать искажения смысла при толковании международного договора.

В соответствии с пп. 4 п. 3 ст. 17 Договора, положения о признании и исполнении судебных решений не применяются в отношении арбитражных решений. Арбитражное решение – оформленное в письменном виде решение, принимаемое арбитром или арбитрами, которые избираются сторонами спора на основании соглашения о передаче в арбитраж споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с конкретным правоотношением [109]. Таким

[109] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/

образом, арбитражное решение в контексте Договора – это решение арбитража как особого органа, отличного от государственного суда.

В испаноязычном тексте указанной статьи для обозначения арбитражных решений используется ЮТ *laudos arbitrales*. Отметим, что ИЮТ следует считать эквивалентным русскоязычному: в DPEJ он определяется как решение арбитра, являющееся способом разрешения споров, который применяется в качестве альтернативы судебному разбирательству в некоторых случаях по выбору сторон или в силу закона[110].

Несмотря на эквивалентность исследуемых терминов, на практике при применении ст. 17 Договора возникла проблема, связанная с пониманием правовой природы решений, выносимых российскими арбитражными судами, которые являются федеральными судами, входящими в судебную систему Российской Федерации. Арбитражные суды в России не являются третейскими судами и не относятся к альтернативным способам разрешения споров, однако в суде Испании схожесть ЮТ, используемых для совершенно разных способов рассмотрения споров, стало причиной отказа в признании и приведении в исполнение решения российского суда.

Суд Провинции Валенсия рассмотрел апелляционную жалобу на решение испанского суда первой инстанции, который отказал в признании и приведении в исполнение решения Арбитражного суда Калининградской области[111]. В тексте решения испанского суда первой инстанции российский судебный орган указан как *Tribunal de Arbitraje de la provincia de Kaliningrado*. В апелляционной жалобе утверждалось, что суд первой инстанции ошибочно счёл указанный суд арбитражным органом (*tribunal arbitral*) и на этом основании отказался признать его решение, рассматриваемое вследствие этого как арбитражное решение. Признавая, что речь идет не об арбитражном решении, а о судебном решении

---

[110] https://dpej.rae.es/lema/laudo-arbitral

[111] *Sentencia de la Audiencia Provincial de Valencia, sección sexta, auto № 171, 24/05/2019* (Решение Суда провинции Валенсия, шестая коллегия, постановление № 171, от 24.05.2019). URL: https://fernandezrozas.com/wp-content/uploads/2019/09/arbitraje-aap-valencia-6c2ba-24-mayo-2019.pdf.

(*resolución judicial*), суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения российских законов, указал, что данный орган полностью обособлен от иных судов, рассматривающих гражданские дела (*está perfectamente delimitado de los demás tribunales en el ámbito civil*), что, впрочем, частично справедливо, поскольку в РФ система арбитражных судов действует наряду с системой судов общей юрисдикции. На основании этого был сделан вывод о том, что в рассматриваемом деле речь идет об <иностранном арбитражном решении> (*sentencia arbitral extranjera*), которое не может быть признано и исполнено, поскольку на такие решения не распространяется действие Договора (пп. 4 п. 3 ст. 17).

Для предотвращения подобных случаев смысловых искажений предполагается целесообразным уделять особое внимание наименованию органов судебной власти при осуществлении перевода с русского языка на испанский. Некорректно использование терминов *arbitraje* или *arbitral* при переводе на испанский язык названий российских арбитражных судов и видов выносимых ими решений. Для обеспечения адекватности толкования в рассматриваемом случае при переводе на испанский язык рекомендуется использовать словосочетание *juzgado de lo mercantil* – суд по торговым спорам. В Испании данным термином обозначаются специализированные суды, относящиеся к системе государственных судов, которые рассматривают споры, относящиеся к торговому праву, в качестве судов первой инстанции. Поскольку арбитражные суды в РФ рассматривают аналогичные категории споров, а Арбитражный суд Калининградской области рассматривает дела в качестве суда первой инстанции, предлагаемый вариант перевода названия российского судебного органа на испанский язык – *Juzgado de lo Mercantil de la provincia de Kaliningrado.*

Отдельные терминологические неточности, которые, однако, могут иметь не менее значимые последствия, чем рассмотренные выше, могут быть объяснены небрежностью юридической техники при выборе эквивалентного термина, когда происходит игнорирование наиболее подходящего варианта при всей его очевидности.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Договора препятствием для признания и исполнения иностранного судебного решения является ситуация, когда в законодательстве государства, на территории которого должно быть признано и исполнено судебное решение, устанавливается исключительная компетенция его учреждений на рассмотрение данного дела. В частности, суд, вынесший решение, обладает исключительной компетенцией по заявлениям относительно действительности записей в книгах записи актов гражданского состояния, если записи ведутся в государстве суда (ст. 20 Договора). В РФ к актам гражданского состояния, подлежащим государственной регистрации, относятся рождение, заключение брака, расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени и смерть[112], и в отношении перечисленных актов, регистрируемых в России, российские суды обладают исключительной подсудностью. Следует отметить, что термин книги, используемый в Договоре, является устаревшим: в настоящее время государственная регистрация акта гражданского состояния производится посредством внесения не в книги, а в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния соответствующей записи, на основании которой выдается свидетельство[113].

В испанском варианте ст. 20 Договора указано, что суд, вынесший решение, обладает исключительной компетенцией в отношении действительности записей в государственных реестрах *(inscripciones en los Registros públicos),* которые ведутся на территории этого государства. В ст. 22 Органического закона Испании о судебной власти [114] содержится аналогичная норма о том, что испанские суды обладают исключительной компетенцией и во всех случаях имеют преимущество перед любыми другими судами при рассмотрении исков, связанных с действительностью или ничтожностью записей, сделанных в испанском реестре (*inscripciones practicadas en un registro español*). В Испании к государственным

---

[112] ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/

[113] Там же.

[114] Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial (Органический закон о судебной власти № 6 от 01.07.1985, в ред. от 17.02.2025). URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-12666.

реестрам относятся: реестр актов гражданского состояния (*registro civil*), реестр собственности (*registro de la propiedad*), торговый реестр (*registro mercantil*), реестр сведений о банкротстве (*registro público concursal*), реестр движимого имущества (*registro de bienes muebles*), реестр объектов интеллектуальной собственности (*registro de propiedad intelectual*), реестр доменов (*registro de dominios*) и др. Следовательно, ЮТ *registros públicos* обозначает гораздо более широкий перечень реестров, который не ограничивается тем, что предусмотрено в п. 3 ст. 20 русскоязычного текста договора, а именно книгами записи актов гражданского состояния.

В результате применения может сложиться противоречивая судебная практика в судах РФ и Испании, поскольку при исполнении решений испанских судов российский суд может исходить из того, что испанские суды обладают исключительной компетенцией только в отношении актов гражданского состояния. В отношении иных реестров, не относящихся к органам ЗАГС, исключительная подсудность суда Испании не будет столь очевидной. Напротив, в судах Испании исключительная подсудность российского суда в отношении всех видов государственных реестров будет неоспоримо следовать из текста Договора. Следует признать, что испанский вариант п. 3 ст. 20 Договора более точен, и для достижения эквивалентности ЮТ на русском и испанском языках было бы целесообразно изложить рассматриваемый пункт международного договора в следующей редакции [Фокина, Данилова, 2024: с. 142]: «по заявлениям относительно действительности записей в книгах записи актов гражданского состояния, – если записи ведутся в данном государстве» заменить на «по заявлениям относительно действительности записей в государственных реестрах, – если реестры ведутся в данном государстве» (пунктир наш – А.Ф.).

§ 3. Детерминологизация юридических терминов

Детерминологизация – это механизм обмена между общеупотребительной и специальной лексикой, сопровождающийся утратой термином своих конститутивных свойств в связи с выходом за пределы терминологической

системы и его переходом в разряд общеупотребительных слов [Багиян, 2014: с. 28]. Среди причин детерминологизации вы

Явление детерминологизации тесно связано с другим не менее значимым явлением деспециализации. Различие между деспециализацией и детерминологизацией термина состоит в том, что при деспециализации происходит перемещение термина из специального контекста в неспециальный, как правило, в целях выражения собственного мнения в отношении обозначаемого явления, но без изменения денотата, в то время как детерминологизация подразумевает внутренние структурно-семантические трансформации специального термина, которые обусловлены ее переосмыслением в процессе деспециализации; деспециализация может быть условием и этапом детерминологизации [Барабаш, 2016: с. 31].

С учетом того, что процессы деспециализации и детерминологизации не имеют четких границ в качестве этапов некоего единого процесса семантической трансформации лексемы, а перспективы процесса семантических трансформаций затруднительно оценивать и прогнозировать, в нашем исследовании под детерминологизацией мы понимаем такое нестандартное с точки зрения семантики употребление, при котором происходит трансформация первоначального значения юридического термина. При детерминологизации не происходит окончательная утрата термином своего значения: термин развивает новое, не свойственное ему значение, продолжая свое существование в собственной терминосистеме; термин может функционировать в качестве термина и в качестве обычного слова, относящего к общеупотребительной лексике в зависимости от контекста употребления [Богданович, 2021: с. 87]. Таким образом, речь идет о функциональной детерминологизации.

Как правило, детерминологизация происходит при активном использовании термина вне собственной дискурсивной среды, то есть, за пределами ЮД, в процессе активного использования неспециалистами в сфере права. Однако детерминологизация ЮТ может происходить в пределах собственного дискурсивного пространства и провоцироваться самими коммуникантами как случайно (например, ввиду недостаточности знаний в конкретной отрасли права,

речевых ошибок в случае спонтанной речи, а в отношении письменных текстов – из-за опечаток и иных технических несовершенств), так и для достижения определённых целей: намеренно некорректное использование термина, допущение искажения его значения в акте коммуникации может быть связано с определенной прагматической задачей адресанта высказывания. Среди основных причин детерминологизации указываются, во-первых, экстралингвистические факторы, такие как развитие науки и технологий, повышение образовательного уровня современного человека и активное использование в речи терминологических словосочетаний, увеличение потока информации и информационного обмена, а во-вторых, внутриязыковые факторы, среди которых выделяются тенденция к экономии языковых средств и, как следствие, многозначность слов, усовершенствование способности человеческого мышления к классификации, являющейся основой для формирования значений и др. [Богданович, 2021: с. 89].

3.1. Детерминологизация юридических терминов вне юридического дискурса

Утрата термином своих конститутивных свойств в связи с выходом за пределы терминологической системы может иметь в качестве результата как трансформацию термина в общеупотребительное слово, так и возникновение переносного значения, которое может закрепиться в узусе или остаться окказиональным. Среди предпосылок перехода термина в категорию общеупотребительных слов выделяют отсутствие синонимов в бытовом языке, частоту употребления термина носителями языка и высокую предметно-логическую ценность смысла, выражаемого термином [Барабаш, 2016: с. 38].

В качестве одной из причин детерминологизации указывается отсутствие чёткой границы между специальной и общеупотребительной лексикой и связанный с этим непрекращающийся обмен лексики между ними [Багиян, 2014: с. 32]. Этот обмен представляет собой динамический процесс, происходящий главным образом посредством взаимодействия ЮД и газетно-публицистического (медиадискурса), которое имеет двусторонне направленный характер: с одной стороны, различные события в сфере права становятся предметом обсуждения в публикациях, что зачастую приводит к утрате значения терминов ввиду их некорректного

использования и искаженного понимания участниками дискурса, а с другой стороны, в публикациях, посвященных актуальным общественным событиям, создаются словосочетания, которые впоследствии используются в нормативно-правовых актах. В связи с этим можно утверждать, что детерминологизация и терминологизация – два взаимосвязанных и одновременно происходящих процесса в рамках взаимодействия ЮД и иных видов дискурсивных практик.

Медийный дискурс, функционирующий в качестве иммерсивной среды, объединяет различные дискурсивные практики, в том числе юридическую, и при этом неизбежно изменяет основные функции и прагматические свойства терминов.

В частности, в контексте медийного дискурса речевые акты и высказывания, касающиеся помолвки как обещания вступить в брак, теряют ту терминологическую точность и перформативность, которые отличают их в пространстве ЮД. Эти высказывания в медиадискурсе приобретают преимущественно реферативную функцию, напрямую отсылая к конкретной денотативной ситуации. В испаноязычных средствах массовой информации наблюдается тенденция избегать использования специфических ЮТ: предпочтение отдается другим словосочетаниям, менее формальным и более доступным для широкой аудитории, что приводит к вытеснению отдельных ЮТ в медийном дискурсе и их замену на иные словосочетания, не являющиеся терминами. Так, в медийном дискурсе ЮТ *promesa de matrimonio* и *esponsales* практически не используются, предпочтение отдается иным словосочетаниям: *pedido de casamiento* (просьба о заключении брака); *propuesta de matrimonio* / *de casamiento* (предложение брака); *pedida de mano* (просьба руки); эквивалентами словосочетания сделать предложение выступают *pedir matrimonio* (просить о браке) и *proponer matrimonio* (предлагать брак) [Ларионова, Фокина, 2024: с. 55]. Указанные примеры доказывают, что один и тот же ритуальный акт может иметь не только разный смысл, но и разное вербальное выражение в различных дискурсивных практиках. В медиадискурсе помолвка зачастую позиционируется как событие, ориентированное на привлечение общественного внимания. Такая фокусировка достигается за счет придания ей зрелищного характера или

вовлечения в нее известных личностей. В то же время, расторжение помолвки, будучи частным и неритуализированным процессом, практически не привлекает внимания средств массовой информации. Ввиду этого словосочетания *romper la promesa de matrimonio / el compromiso de matrimonio, ruptura de la promesa de matrimonio / de los esponsales, incumplir la promesa de matrimonio* следует рассматривать как номинации, характерные для ЮД.

Право – один из ключевых, первичных и системообразующих ЮТ, поскольку обозначаемое им явление взаимосвязано с государством и трансформируется вместе с ним. Особая регулирующая роль права в жизни общества привела к тому, что термин *derecho*, продолжая функционировать в юридической среде, прошел процессы деспециализации и детерминологизации в результате выхода за пределы собственной терминологической системы [Передриенко, 2022: с. 35–36]. Указанный выход сопровождается концептуализацией смыслового ядра термина, который постепенно обретает собственные периферийные значения.

Значительную часть терминов ИЮД составляют общеупотребительные слова, которые могут считаться «полутехническими» терминами при наличии дополнительных, специфических юридических значений: в частности, такие слова, как *familia* – семья и *matrimonio* – брак, *hombres* и *mujeres* – мужчины и женщины могут заключать в себе определённое юридическое содержание [Moreu Carbonell, 2020: с. 333]. Существительное *derecho* также можно отнести к общеупотребительным словам, которые могут функционировать в качестве термина при использовании в ЮД, в особенности в составе отраслевых терминологических словосочетаний.

В качестве одного из признаков, по которому лексема может считаться термином, выступает ее внесение в специализированные словари. Термин *derecho* в словаре DPEJ соотнесен с тремя группами значений[115] [Фокина, 2025: с. 54–56].

[115] Real Academia Española: Diccionario panhispánico del español jurídico (DPEJ) [en línea]. URL: https://dpej.rae.es/lema/derecho1; https://dpej.rae.es/lema/derecho2; https://dpej.rae.es/lema/derecho3 (дата обращения: 03.05.2026).

Первая группа значений термина *derecho* охватывает исключительное право или полномочие лица, признанное правовой системой или вытекающее из его правоотношений с другими субъектами (право в узком, или субъективном смысле). Именно в этом значении концепт «право» и взаимосвязанный с ним концепт «свобода» рассматриваются в качестве базовых понятий когнитивного поля ЮД, поскольку именно права и свободы человека и гражданина объективируют уникальность и значимость личности для общества, а понимание концепта «право» является важнейшим условием создания и функционирования правового государства [Храмцова, 2010: с. 157–160].

Вторая группа значений термина *derecho* объединяет представления о праве в широком, или объективном, смысле и включает в себя следующие дефиниции:

– совокупность принципов, норм, обычаев, концепций, основанных на судебной практике и мнении правового сообщества, из которых вытекают правила организации общества и государственной власти, а также права индивидов и их взаимоотношения с органами власти. В этом смысле право – понятие, эквивалентное правопорядку или общей норме;

– система занятий, организованных на юридических факультетах университетов для преподавания и проведения исследований по данной дисциплине;

– отрасль или специальность юридической дисциплины, посвященная изучению определенной части или отрасли права.

В третьем значении термин *derecho* – это денежная сумма, выплачиваемая по установленному тарифу за использование имущества или получение услуг от органов управления (государственного, корпоративного и др.). В качестве примеров приведем следующие терминологические словосочетания: *derecho de aduana* / *derechos aduaneros* – <таможенные пошлины>; *derecho uniforme de exportación* и *derecho uniforme de importación* – <таможенные пошлины, уплачиваемые при экспорте и импорте товаров>; *derechos de procurador* – <гонорар, уплачиваемый судебному поверенному по специально установленной шкале в зависимости от цены иска>. В третьем значении термина имеет место

метонимия: термин *derecho* обозначает не само право, а денежную сумму, на которую вправе претендовать тот или иной орган власти или уполномоченное лицо за оказание услуг. Этот пример иллюстрирует потенциал ЮТ для создания новых терминологических словосочетаний.

В бытовом дискурсе существительное *derecho* используется в качестве синонима справедливости (*justicia*) и разума (*razón*). В статье DLE, посвящённой лексеме *justicia*, синонимический ряд дополняется словом *equidad* (равенство), а также представлено иное соотношение указанных понятий: справедливость определяется как то, что должно иметь место в соответствии с правом или разумом [116] . Это соответствует представлениям о справедливости как о нравственно-правовой категории и выражается в легитимности правовых норм, их признании обществом и добровольном соблюдении права [Команджаев, 2022: с. 60]. Взаимосвязь с понятием, которое обозначает существительное *justicia*, прослеживается и в том, что формально выраженный в праве порядок справедливого поведения отождествляется с порядком справедливости, которая является благом права и выражается в том, что каждый имеет то, что ему принадлежит [Bossini, 2022: с. 263–264]. В DLE выражение *no hay derecho* маркировано в качестве междометия-восклицания, используемого для выражения протеста в отношении того, что считается несправедливым[117]. В русскоязычных источниках восклицательное предложение *¡No hay derecho!* переводится как «Это недопустимо! Безобразие! Это возмутительно! Так нельзя!» [118] В качестве русскоязычного аналога испанской фразы может рассматриваться риторический вопрос «По какому праву?», имплицирующий эмоцию возмущения. Существительное *derecho* также используется в качестве языкового компонента ряда паремий, перечень и перевод которых приводится в Приложении 2.

---

[116] Real Academia Española: Diccionario de la lengua española (DLE), 23.ª ed., [versión 23.8 en línea]. URL: https://dle.rae.es/justicia (дата обращения: 03.02.2025).
[117] Real Academia Española: Diccionario de la lengua española (DLE), 23.ª ed., [versión 23.8 en línea]. URL: https://dle.rae.es/derecho#CWe0HwH (дата обращения: 15.01.2025).
[118] Испанско-русский фразеологический словарь / под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Русский язык, 1985. С. 227.

Использование существительного *derecho* в медийном дискурсе, как правило, сопряжено с обозначением прав определённой социальной группы лиц, нарушение или защита которых рассматривается в публикации: *derechos de las mujeres* или *derechos femeninos* (права женщин)[119], *derechos de los refugiados* (права беженцев) и *derechos de los migrantes* (права мигрантов)[120], *derechos de los dependientes* (права иждивенцев)[121], *derechos de los trabajadores* (права работников)[122], а также с его функционированием в собирательных понятиях *derechos humanos* (права человека)[123] и *derechos fundamentales*[124] (основные права). При анализе социальных проблем, связанных с перечисленными группами лиц, используются термины, обозначающие их наиболее важные субъективные права: *derecho a una plaza en una residencia*[125] (право на место в пансионате), *derecho de (al) asilo*[126] (право на убежище), *derecho a la vivienda*[127] (право на жилье), *derecho a los alimentos* (право на продукты питания)[128]. В публикациях встречаются также примеры метонимии,

---

[119] Derechos de las mujeres. Cartas a la directora. URL: https://elpais.com/opinion/2024-10-04/derechos-de-las-mujeres.html (дата обращения: 25.01.2025).

[120] Manuel V. Gómez. Bruselas insta a Turquía a investigar las violaciones de derechos de los refugiados pero elude la responsabilidad. URL: https://elpais.com/internacional/2024-10-11/bruselas-insta-a-turquia-a-investigar-las-violaciones-de-derechos-de-los-refugiados-pero-elude-la-responsabilidad.html (дата обращения: 25.01.2025).

[121] El País (Editorial). Los derechos de los dependientes. URL: https://elpais.com/opinion/2024-10-11/los-derechos-de-los-dependientes.html (дата обращения: 25.01.2025).

[122] Soledad Gallego-Díaz. De “Empleo” a “Habilidades”: la extraña cartera de la Comisión Europea. URL: https://elpais.com/ideas/2024-10-06/de-empleo-a-habilidades-la-extrana-cartera-de-la-comision-europea.html (дата обращения: 25.01.2025).

[123] Dolores Delgado, Virginia García. a memoria democrática, deuda pendiente. URL: https://elpais.com/opinion/2024-10-31/la-memoria-democratica-deuda-pendiente.html (дата обращения: 25.01.2025).

[124] María R. Sahuquillo, Manuel V. Gómez. Bruselas lleva a Hungría ante la justicia europea por la polémica ley de soberanía alumbrada por Orbán. URL: https://elpais.com/internacional/2024-10-03/bruselas-lleva-a-hungria-ante-la-justicia-europea-por-la-polemica-ley-de-soberania-alumbrada-por-orban.html (дата обращения: 25.01.2025).

[125] El País (Editorial). Los derechos de los dependientes. URL: https://elpais.com/opinion/2024-10-11/los-derechos-de-los-dependientes.html (дата обращения: 25.01.2025).

[126] Bernardo De Miguel. Europa rompe con el derecho de asilo. URL: https://elpais.com/internacional/2024-10-18/europa-rompe-con-el-derecho-de-asilo.html (дата обращения: 27.01.2025).

[127] Andrés Herrero Gutiérrez. Treintañeros en Valencia: “Esta ciudad era muy barata hace 10 años, ahora no puedo vivir sola”. URL: https://elpais.com/espana/comunidad-valenciana/2024-10-19/treintaneros-en-valencia-esta-ciudad-era-muy-barata-hace-10-anos-ahora-no-puedo-vivir-sola.html (дата обращения: 27.01.2025).

[128] Qu Dongyu. Ha llegado el momento de hacer realidad el “derecho a los alimentos” en favor de una dieta saludable, nutritiva y asequible. URL: https://elpais.com/america-colombia/2024-10-16/ha-

когда приравниваются вещь и право на неё: *La vivienda, el derecho que no se cumple* – <Жилье – право, которое не соблюдается>[129].

Существительное *Derecho* во многом сохраняет терминологическое значение «право как регулятор общественных отношений» при его написании с заглавной буквы. Контекст использования существительного зачастую отсылает к анализу глобальных последствий внесения тех или иных изменений в законодательные акты или к случаям пренебрежения правом в широком смысле: *En los márgenes del Derecho se mueven a diario nuestros derechos*. – <Наши права ежедневно оказываются на задворках права>[130]. В приведенном примере имеет место игра слов, подчеркивающая абсурдность описываемой в статье ситуации, когда право в узком смысле оказывается вне права в широком смысле.

Отметим, что в аналогичном значении лексема *derecho* используется и при написании со строчной буквы: *El problema central del derecho y del imperio de la ley no está en el apartamiento deliberado de su mandato, sino en que puede producirse sin mala conciencia alguna ni mala intención de los autores de su aplicación*. – <Главная проблема права и верховенства закона заключается не в преднамеренном отступлении от его предписаний, а в том, что такое отступление может осуществляться с чистой совестью и без злого умысла со стороны тех, кто применяет закон>[131].

Распространённым в медийном дискурсе является словосочетание *Estado de derecho / Estado de Derecho* – правовое государство: *El problema del Estado de derecho no es que algunos jueces se aparten deliberadamente de su mandato, sino que pueden hacerlo sin mala conciencia*. – <Проблема правового государства заключается

---

llegado-el-momento-de-hacer-realidad-el-derecho-a-los-alimentos-en-favor-de-una-dieta-saludable-nutritiva-y-asequible.html (дата обращения: 27.01.2025).

[129]El País (Editorial). La vivienda, un derecho que no se cumple. URL: https://elpais.com/opinion/2024-10-13/la-vivienda-un-derecho-que-no-se-cumple.html (дата обращения: 27.01.2025).

[130] Paz Lloria García, Fabiola Meco Tebar, Ana Valero. La violencia sexual y los márgenes del Derecho. URL: https://elpais.com/opinion/2024-11-02/la-violencia-sexual-y-los-margenes-del-derecho.html (дата обращения: 01.02.2025).

[131] Tomás De La Quadra-Salcedo. Imperio de la ley, justicia y convicciones morales (I). URL: https://elpais.com/opinion/2025-01-23/imperio-de-la-ley-justicia-y-convicciones-morales-i.html (дата обращения: 01.02.2025).

не в том, что некоторые судьи намеренно отступают от своего мандата, а в том, что они могут делать это без угрызений совести>[132]; *Una consideración previa: el Estado de derecho es el fundamento esencial de toda democracia*. – <Предварительное соображение: правовое государство – важнейшая основа любой демократии>[133].

В большинстве случаев словосочетание *Estado de derecho / Estado de Derecho* используется в публикациях, посвящённых выборам, демократии, проблеме соблюдения прав человека. Прагматика использования концепта в СМИ обусловлена необходимостью подчеркнуть негативные последствия нарушения того или иного права, которое может поставить под вопрос существование правового государства – одной из фундаментальных ценностей, гарантирующей демократию, права и свободы граждан[134].

В медийном дискурсе встречается также нестандартное, гибридное словосочетание *derecho penal a la carta.* Его этимология связана с функционированием терминологического словосочетания *derecho penal* (уголовное право), к которому в качестве определения присоединяется часть устойчивого выражения *comer a la carta* – есть порционные блюда, которые предлагаются в меню ресторана и готовятся по индивидуальному заказу, в отличие от *menú del día* – комплексного обеда, который предполагает возможность посетителя выбрать заранее приготовленные блюда из ежедневно обновляемого перечня. В дискурсивной среде ресторанного обслуживания оборот *a la carta*[135] создает позитивную коннотацию, отсылая к блюду, приготовленному по заказу самого клиента, однако в ЮД указанный оборот в составе окказионализмов

---

[132] Tomás De La Quadra-Salcedo. Imperio de la ley, justicia y convicciones morales (I). URL: https://elpais.com/opinion/2025-01-23/imperio-de-la-ley-justicia-y-convicciones-morales-i.html (дата обращения: 01.02.2025).

[133] Diego López Garrido. El incólume Estado de derecho español. URL: https://elpais.com/opinion/2023-11-29/el-incolume-estado-de-derecho-espanol.html (дата обращения: 01.02.2025).

[134] Официальный сайт Европейского Союза. ¿Qué es el Estado de Derecho? URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/what-rule-law_es (дата обращения: 02.02.2025).

[135] *A la carta* – «в соответствии с критериями выбора заинтересованной стороны». Real Academia Española: Diccionario de la lengua española (DLE), 23.ª ed., [versión 23.8 en línea]. URL: https://dle.rae.es/carta?m=form2#GyVKk0D (дата обращения: 03.02.2025).

придает негативную коннотацию и подчеркивает, что право может создаваться и реформироваться в угоду кому-то (в том числе тому, кто платит, по аналогии со счетом в ресторане, что добавляет в значение сему «коррупция»). Во всех случаях использования словосочетания *derecho penal a la carta* темой публикаций была реформа уголовного права Испании, связанная с амнистией лиц, участвовавших в проведении референдума о независимости Каталонии и вовлеченных в так называемый *el procés*: *Por otra parte, tantas reformas provocan en la opinión pública bastante incredulidad, desapego y desconfianza, sobre todo, cuando esas reformas afectan a delitos como los sexuales, la sedición o la malversación de caudales públicos y se deben, no a necesidades de la sociedad, sino a razones políticas. ¿Es el nuevo derecho penal a la carta?*[136] – <С другой стороны, столь многочисленные реформы вызывают у общественности довольно большое недоверие, отчуждение и скептицизм, особенно когда эти реформы затрагивают такие преступления, как преступления против половой неприкосновенности, мятеж или растрата государственных средств, и обусловлены не потребностями общества, а политическими мотивами. Это новое уголовное право „а-ля карт“?>.

Примерами детерминологизированного употребления ЮТ является использование в СМИ в качестве синонимов существительных *asesinato* и *homicidio*. *Homicidio* – причинение смерти, которое может быть умышленным (*homicidio doloso*) или по неосторожности (*homicidio imprudente*). В DLE в качестве синонима *homicidio* указан термин *asesinato* без отнесения их к сфере юриспруденции (без маркера *Der.*)[137], в то время как DPEJ дает совершенно разные дефиниции рассматриваемым терминам: *asesinato* – это <умышленное причинение смерти лицу при наличии отягчающих обстоятельств, таких как заведомо беспомощное состояние жертвы (*alevosía*), исполнение за денежное или иное вознаграждение или обещание, с особой жестокостью (*ensañamiento*) либо в целях обеспечения совершения другого преступления или его сокрытия>.

[136] https://escudolegal.es/noticias/hacia-un-derecho-penal-a-la-carta/
[137] https://dle.rae.es/asesinato

Термин *crimen* зачастую используется в СМИ тех случаях, когда юридически верным является употребление термина *delito*. Так, в статье об убийстве мужчины содержится следующая фраза: *el crimen pudiera estar relacionado con el tráfico de drogas* – <преступление могло быть связано с наркотрафиком>[138]. В статье в качестве синонимов используются термины *asesinato* и *homicidio*, которые, как было показано выше, не являются взаимозаменяемыми. Очевидно, использование автором существительного *asesinato* усиливает эффект воздействия на читателя за счёт дополнительной семы термина, а именно – «с отягчающими обстоятельствами», в том числе с совершением преступления за деньги. Несмотря на то, что на момент публикации обстоятельства дела ещё не были установлены, предположение о связи преступления с торговлей наркотиками, вероятно, дало возможность автору публикации усилить прагматический потенциал новости, добавив в неё посредством использования существительного *asesinato* собственное предположение о его совершении с отягчающими обстоятельствами (возможно, за деньги или для сокрытия иного преступления). Прагматический смысл намеренной синонимии этих двух терминов проявляется также в эмоциональной окраске сообщения. Пример корректного использования термина *asesinato* представлен в иной публикации, посвященной убийству, в которой речь идёт о доказанном факте совершения преступления с отягчающими обстоятельствами, перечисленными в дефиниции термина и воспроизведёнными в тексте статьи: *No actuó en legítima defensa y apuñaló a su pareja con la intención de acabar con su vida, aprovechando que estaba tumbado en la cama, con sus capacidades inhabilitadas por el consumo de estupefacientes y sin posibilidad alguna de defenderse*[139]. – <Она не действовала в целях самообороны и ударила своего партнера ножом с намерением убить его, воспользовавшись тем, что тот лежал в постели, был лишён способности

[138] Hernández, A. El asesinato de un hombre de 45 años en Pechina «podría estar relacionado con el tráfico de drogas» // La Voz de Almería. https://www.lavozdealmeria.com/almeria/sucesos/437009/asesinato-hombre-45-anos-pechina-podria-relacionado-trafico-drogas.html (дата обращения: 20.01.2026).

[139] Castaño Chaparro, B. El jurado popular considera culpable de asesinato a la acusada de matar a su pareja en Zafra. URL: https://www.elperiodico.com/es/sucesos/20260116/jurado-popular-considera-culpable-asesinato-125744324 (дата обращения: 20.01.2026).

действовать вследствие употребления наркотических веществ и не имел никакой возможности защитить себя>.

В СМИ встречаются публикации, содержащие детерминологизированное использование существительного *veredicto* в значении решения суда: *La controversia que se ha generado en torno al veredicto del tribunal da cuenta de que sus alcances son profundos y requieren ser analizados en sus distintas dimensiones, precisamente por las implicancias que revisten para la sociedad*.[140] – <Спор, разгоревшийся вокруг вердикта суда, свидетельствует о том, что его последствия являются глубокими и требуют анализа в различных аспектах, именно из-за их значения для общества>. В ИЮД термин *veredicto* используется в единственном значении «решение присяжных заседателей» [141] и в РЮД имеет эквивалентный термин «вердикт» [142]. Однако в СМИ его использование в отношении иных судебных органов может быть обосновано другим значением, представленным в словаре DLE: *Parecer, dictamen o juicio emitido reflexiva y autorizadamente.*[143] – <Мнение, заключение или суждение, высказанное после тщательного размышления и с признанным авторитетом>. Действительно, в новости речь идет о резонансном решении по делу, которое имеет ряд особенностей: во-первых, оно рассматривалось беспрецедентные 6 лет (*tras un proceso penal extensísimo que en total se prolongó por más de seis años […]* – <по завершении чрезвычайно длительного уголовного процесса, который в общей сложности длился более 6 лет […]>), что подчеркивает тщательность рассмотрения обстоятельств дела и взвешенность принятого судьями решения; во-вторых, оправдательный приговор был вынесен судьями единогласно (*el Tribunal de Santiago absolvió en forma unánime al ex teniente coronel de Carabineros Claudio Crespo […]* – <Уголовный суд Сантьяго

---

[140] Las implicancias del veredicto en el Caso Gatica. URL: https://www.latercera.com/editorial/noticia/las-implicancias-del-veredicto-en-el-caso-gatica/ (дата обращения: 20.01.2026).

[141] https://dpej.rae.es/lema/veredicto

[142] См. напр. ст. 343–348 УПК РФ, в которых урегулирован порядок вынесения вердикта коллегией присяжных заседателей и установлены два вида вердикта – обвинительный и оправдательный. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

[143] https://dle.rae.es/veredicto

единогласно оправдал бывшего подполковника полиции Клаудио Креспо […]>), что подтверждает авторитетность принятого судьями решения.

Примером обратного процесса терминологизации является формирование ЮТ посредством метонимии. Существительное *Corona*, которое пишется с заглавной буквы, в ИЮД применительно к Испании является номинацией не короны как головного убора монарха, являющегося символом власти, а испанского престола; так, раздел II Конституции Испании «*De la Corona*» в п. 1 ст. 57 устанавливает: *La Corona de España es hereditaria en los sucesores de S. M. Don Juan Carlos I de Borbón, legítimo heredero de la dinastía histórica.* – <Испанский престол переходит по наследству наследникам Его Величества Дона Хуана Карлоса I де Бурбона, законного наследника исторической династии>.

3.2. Детерминологизация юридических терминов в пределах юридического дискурса

Детерминологизация может происходить не только при использовании термина вне собственной дискурсивной среды, но и осуществляться в самом ЮД. Термин может исключаться из терминосистемы ЮД ввиду упразднения правового явления, которое он обозначал: так, в Мексике с 2013 года упразднён институт помолвки (*esponsales*) посредством отмены ст. 139–145 ГК Мексики[144]. В ЮД Эквадора ранее для обозначения судей использовались два термина – *juez* и *magistrado*, при этом второй термин использовался для номинации судей Национального суда (*Corte Nacional*) – высшего судебного органа Эквадора и судей судов провинций (*cortes provinciales*), которые рассматривали дела в апелляционной и кассационной инстанциях в составе специализированных коллегий; однако в настоящее время различие между ними упразднено, и все судьи обозначаются единым термином *jueces*[145].

Детерминологизация осуществляется посредством включения термина в нетерминологическое словосочетание. Так, словосочетание *ley ómnibus* (досл. –

[144] https://mexico.justia.com/federales/codigos/codigo-civil-federal/libro-primero/titulo-quinto/capitulo-i/

[145] https://dpej.rae.es/lema/magistrado-da

закон-омнибус), образованное посредством использования термина *ley* и несогласованного определения, представленного существительным латинского происхождения (омнибус – многоместная конная карета, предшественник современных автобусов; от лат. *omnĭbus* – для всех [146]) и являющим собой очевидную метафору, функционирует в ИЮД для обозначения закона, который содержит большое количество статей и предполагает проведение масштабных реформ. Однако на практике ЮТ *ley ómnibus* функционирует в рамках ИЮД не абстрактно, не в качестве имени нарицательного для любого закона, обладающего указанными выше характеристиками, а в качестве дискурсивной номинации конкретного нормативно-правового акта.

Так, в ЮД Аргентины *ley ómnibus* выступает в качестве номинации закона «Об основах и отправных точках для свободы аргентинцев» (*Bases y Puntos de Partida para la Libertad de los Argentinos*), принятого 30.04.2024 г. Палатой депутатов Конгресса Аргентины[147].

В Испании словосочетание *ley ómnibus* и тесно связанное с ним словосочетание *ley paraguas* (досл. «закон-зонт»), также являющее собой пример использования метафоры, получило дискурсивное закрепление в судебном решении Верховного суда Мадрида № 808/2011 от 05.10.2010 г.[148]. Среди правовых оснований, на которых было вынесено решение по делу, содержатся следующие тезисы, приводимые в том порядке, в котором они изложены в тексте решения:

*Se cita, como apoyo de la decisión recurrida, la Sentencia de la Sección Novena de esta Sala y Tribunal de 30 de abril de 2008, así como otras de esa misma Sección y de esta Sección Octava (todas anteriores a la **Ley Omnibus**).*	В поддержку обжалуемого решения цитируется постановление Девятой секции данной палаты и суда[149] от 30 апреля 2008 года, а также другие постановления этой же секции и Восьмой секции (все постановления были вынесены до принятия ***Закона-омнибуса***).

[146] https://dle.rae.es/%C3%B3mnibus?m=form

[147] https://www.rtve.es/noticias/20240430/congreso-argentino-aprueba-ley-omnibus-busca-desregular-economia-reducir-gasto-publico/16083704.shtml#:~:text=La%20magnitud%20de%20la%20ley,en%20materia%20de%20gasto%20p%C3%BAblico.&text=Adem%C3%A1s%2C%20la%20ley%20declara%20la,la%20aprobaci%C3%B3n%20de%20dicho%20texto.

[148] https://www.poderjudicial.es/search/openDocument/3bc10e51060f6efa

[149] Имеются в виду Палата

*[…] una vez derogados los arts. 49 y 50 de la LOTT (por el art. 21.Dos de la **Ley Omnibus**, 25/09, de 22 de diciembre) […]*	[…] после отмены статей 49 и 50 закона LOTT (в силу статьи 21.Dos ***Закона-омнибуса*** № 25/09 от 22 декабря) […]
*[…] para adaptarlos a la **Ley Omnibus** […]*	[…] для приведения их в соответствие с ***Законом-омнибусом*** […]
*Tercero. Como consecuencia de la trasposición de la Directiva 2006/123/CE del Parlamento Europeo y del Consejo, de 12 de diciembre de 2010, de libre prestación de servicios, por la Ley 17/09, de 23 de noviembre (denominada **Ley Paraguas**), sobre el libre acceso a las actividades de servicio y su ejercicio, con la que se consolidan los principios regulatorios compatibles con las libertades de establecimiento y de libre prestación de servicios, suprimiendo y reduciendo las trabas que injustificadamente restrinjan ese acceso, la Ley 25/09 (**Ley Omnibus**), modificó diversas Leyes para su adaptación a la precitada Ley 17/09.*	Третье. В результате переноса в национальное законодательство норм Директивы 2006/123/ЕС Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2010 года о свободном предоставлении услуг посредством Закона № 17/09 от 23 ноября 2009 г. (так называемый ***Закон-зонтик***) о свободном доступе к видам деятельности в сфере услуг и их осуществлении, который закрепляет принципы регулирования, совместимые со свободой учреждения и свободой предоставления услуг, устраняя и сокращая препятствия, необоснованно ограничивающие такой доступ, Закон № 25/09 (***Закон-омнибус***) внес изменения в ряд законов с целью их приведения в соответствие с вышеупомянутым Законом № 17/09.

В сфере судебного дискурса метафорический перенос значений в целом признается достаточно распространенным и необходимым в тех случаях, когда изначально используемые термины слишком специфичны и могут быть правильно поняты и интерпретированы только специалистом, в то время как целевой аудиторией в судебном процессе являются люди, которые не являются специалистами в сфере права [Баландина, 2020: с. 25]. Однако приведенное выше функционирование словосочетаний *ley ómnibus* и *ley paraguas* следует рассматривать как пример терминологизации, т.е. употребления нетерминологических словосочетаний в качестве терминологических посредством их фиксирования в письменных источниках, на которых основан ЮД. Это обстоятельство подтверждается тем, что в DPEJ включена отдельная словарная статья, посвященная термину *ley paraguas,* отнесенному к терминосистеме конституционного права[150]. Также следует обратить внимание на то, что в тексте судебного решения словосочетание *Ley Paraguas* использовано единожды и с оговоркой *denominada – «так называемый»*, в то время как *Ley Omnibus*

[150] https://dpej.rae.es/lema/ley-paraguas

употребляется несколько раз в качестве полноценной замены закону № 25/09, причём уточнение значения посредством указания словосочетания *Ley Omnibus* в скобках рядом с названием обозначаемого им закона имеет место лишь в последнем из четырёх случаев использования. Это позволяет предположить презумпцию того, что всем адресатам судебного решения изначально понятно, какой именно закон имеется в виду.

Детерминологизация может быть вызвана необходимостью адаптации конкретного ЮТ для широкого круга пользователей, которые могут выступать в качестве коммуникантов дискурса спорадически. Например, на сайте Официального государственного бюллетеня (*Boletín Oficial del Estado*) – единственного органа, функцией которого является официальное опубликование законодательства Испании, раздел под названием «Всё право» («*Todo el Derecho*»)[151], помимо актов внутреннего законодательства и актов Европейского союза, включает в качестве подразделов судебную практику, комментарии к законодательству, заключения консультативных органов государства. Сайты органов государственной власти, как представляется, следует отнести к ЮД, по крайней мере, в той части, в которой осуществляется опубликование официальной информации нормативного (общеобязательного) характера, в особенности в тех случаях, когда речь идет об органе, для которого функция информирования является основной. Следовательно, термин *derecho* в собственной дискурсивной среде был использован для обозначения не только законодательства, но и в широком смысле всех нормативно-правовых актов, в том числе ненормативного (индивидуального) характера, судебных решений и комментариев органов власти. В представленном примере детерминологизация термина *derecho* проявляется в том, что он обозначает не только законы и подзаконные акты, но и то, что понятием права не охватывается. Представленное неточное использование термина обусловлено определенной прагматической задачей, а именно обеспечением максимальной информированности пользователей посредством включения в

[151] Официальный государственный бюллетень (Boletín Oficial del Estado, BOE). URL: https://www.boe.es/ (дата обращения: 16.04.2026).

раздел всей информации, имеющей отношение к нормативным актам, которая должна быть принята во внимание в связи с ними и может не быть априори известной широкому кругу пользователей, испытывающих необходимость в обращении к нормам права. В данном случае прагматика детерминологизированного употребления термина *derecho* объясняется обеспечением интересов потенциальных непрофессиональных участников ЮД – адресатов публикуемых на сайте юридических норм, а также удобством пользования сайтом профессиональными коммуникантами дискурса, которые смогут найти в одном разделе всю релевантную информацию правового характера.

Детерминологизацию порой провоцируют и сами юристы-адресанты высказываний в рамках ЮД. В случае, если юрист обращается к широкой публике, он может намеренно допускать детерминологизацию для целей достижения наибольшей степени иммерсивности – вовлеченности адресатов в процесс решения рассматриваемой автором проблемы, для чего неизбежно требуется облегчить восприятие информации потенциальными читателями, не являющимися профессиональными участниками ЮД, обеспечить понимание ими сути проблемы и привлечение к дискуссии, в том числе в форме обратной связи (например, в случае публикации в профессиональном блоге). Так, в своей статье судья города Толоса (Страна Басков) называет преступление геноцида словосочетанием *delito de genocidio* вместо устоявшегося в сфере международного права терминологического словосочетания *crimen de genocidio.* Автор статьи подчеркивает, что её целью является раскрытие сущности данного понятия как для юристов, так и для не юристов [Pro Martínez, 2025: p. 35]; следовательно, можно допустить, что прагматика детерминологизированного функционирования *delito* обусловлена тем, что этот термин воспринимается испанцами как более понятный и привычный (как было сказано выше, в ГК Испании термин *crimen* используется в единственной статье).

Прагматика детерминологизации может быть обусловлена целью стилистического подчеркивания, эмоциональной окраски высказывания. Так, в заявлении, сделанном вскоре после похищения лидера Венесуэлы Николаса

Мадуро, генеральный прокурор Венесуэлы Тарек Вильям Сааб (Tarek William Saab), сообщая о множестве раненых и убитых невинных граждан, использует словосочетание *ataque terrorista criminal*[152]– <преступная террористическая атака>, в котором прилагательное «преступная» является очевидно избыточным, поскольку террористический акт является преступлением – уголовно наказуемым деянием[153]. Прилагательное используется прокурором для того, чтобы подчеркнуть вопиющий, шокирующий характер преступления и методов, использованных для его совершения. Кроме того, с учетом принадлежности термина *crimen* к сфере международного права, использование однокоренного прилагательного *criminal* нацелено на то, чтобы подчеркнуть нарушение норм международного права в ходе похищения лидера Венесуэлы.

Как было сказано выше, процесс детерминологизации сопровождается процессом терминологизации общеупотребительной лексики, обычно функционирующей в иных дискурсивных практиках. Так, в ГК Чили содержится пример того, как в ЮД в терминологическом значении используются лексемы *embarazar* и *embarazo,* функционирующие преимущественно в медицинском и бытовом дискурсах. В каждом случае употребления речь идет о затруднениях, с которыми сталкиваются лица при осуществлении конкретного субъективного права, и в приводимых ниже примерах рассматриваемые лексемы легко могут быть заменены в зависимости от контекста более стилистически нейтральным парами «*impedir – impedimento*», «*estorbar – estorbo*» или «*obstaculizar – obstáculo*».

CC de Chile	ГК Чили
Título XIII. De las acciones posesorias	Раздел XIII. Об исках о защите владения (о посессорных исках)
Art. 920. Las acciones que tienen por objeto	Ст. 920. Срок исковой давности по искам, предметом которых является сохранение владения, составляет год со дня совершения

[152] Ataques a Venezuela | Últimas noticias: en vivo. URL: https://www.univision.com/noticias/politica/ultimas-noticias-en-vivo-explosiones-venezuela-aviones (дата обращения: 20.01.2026).

[153] В соответствии со ст. 52 Органического закона против организованной преступности и финансирования терроризма в отношении лица, которое в одиночку или в составе организованной террористической группы осуществляет или пытается осуществить один или несколько террористических актов, устанавливается наказание в виде тюремного заключения на срок от 25 до 30 лет. URL: https://www.oas.org/juridico/pdfs/mesicic4_ven_ley_del_org_finan_terr.pdf

*conservar la posesión, prescriben al cabo de un año completo, contado desde el acto de **molestia o embarazo** inferido a ella.*	**акта, посягающего на право владения или затрудняющего его осуществление**.
Art. 1924. El arrendador es obligado: *3º. A librar al arrendatario de toda **turbación o embarazo** en el goce de la cosa arrendada.*	Ст. 1924. Арендодатель обязан: 3. Избавить арендатора от любого **препятствия или затруднения**, связанного с пользованием арендуемой вещью.
*Art. 1928. El arrendador en virtud de la obligación de librar al arrendatario de toda turbación o embarazo, no podrá, sin el consentimiento del arrendatario, mudar la forma de la cosa arrendada, ni hacer en ella obras o trabajos algunos que puedan **turbarle o embarazarle** el goce de ella.*	Ст. 1928. Арендодатель в силу обязанности избавить арендатора от любого беспокойства или затруднения, не вправе без согласия арендатора изменять форму арендуемой вещи, а также производить в ней какие-либо работы, которые могут **препятствовать или затруднять** пользование вещью.
*Art. 2152. El mandatario puede por un pacto especial tomar sobre su responsabilidad la solvencia de los deudores y todas las incertidumbres y **embarazos** del cobro.*	Ст. 2152. Поверенный может специальным актом взять на себя ответственность за платежеспособность должников и за все сомнения и затруднения в отношении погашения долга.

§ 4. Безэквивалентные термины

Одной из основных проблем, которые возникают при толковании ЮТ, следует считать их безэквивалентность. Развивая справедливую идею о том, что безэквивалентная лексика отражает реалии, характерные для жизни, быта, культуры и истории конкретного народа [Иовенко, 2013: с. 103], в сфере ЮД такая лексика отражает правовые реалии, характерные для правовой системы одного государства, с языка которого осуществляется перевод, и не имеющие прямого аналога в правовой системе другого государства, на язык которого осуществляется перевод.

Феномен безэквивалентности вне контекста юридического перевода объясняется следующими причинами: отсутствие аналогичного предмета или явления в культуре ЯП, отсутствие идентичного понятия в культуре ЯП, различия лексико-стилистических характеристик в языках [Иовенко, 2013: с. 103]. Проблема перевода, таким образом, изначально возникает не столько на терминологическом уровне, сколько на концептуальном: в ЯП может существовать термин, которым формально может переводиться термин ИЯ, однако это не гарантирует адекватность термина ЯП ввиду того, что он может не соответствовать правовым реалиям другой системы; при переводе юридического текста сообщение

ретранслируется не только с одного языка на другой, но и из одной правовой системы в другую [Моисеенко, 2023: с. 41].

Юридический перевод имеет в качестве прагматической установки, прежде всего, передачу смысла с исключительной, максимально достижимой степенью точности. Именно комплексный анализ ЮД позволяет заполнить когнитивные лакуны переводчика и достичь максимально высокой эквивалентности ЮТ.

Практическая трудность перевода безэквивалентных терминов обусловлена необходимостью проведения глубокого анализа того или иного используемого ЮТ или описываемого, но непоименованного правового явления на материале исходного языка – в ЮД как ИЯ, так и ЯП. Иными словами, в случае безэквивалентности от переводчика фактически потребуется проведение полноценного сравнительно-правового исследования понятия, обозначаемого безэквивалентным ЮТ.

В зависимости от сопоставимости терминов и обозначаемых правовых явлений в ИЯ и ЯП безэквивалентные термины ЮД предлагается разделять на следующие три группы:

1) полностью безэквивалентные термины – термины, не имеющие аналога в ЯП ввиду отсутствия в нём обозначаемого правового явления;

2) относительно (частично) безэквивалентные термины – термины, не имеющие прямого аналога в ЯП, однако могущие быть переведенными посредством иных терминов ЯП;

3) квазибезэквивалентные, или ложно безэквивалентные термины – термины, обозначающие правовые явления, имеющиеся в ЯП, однако требующие проведения дискурсивных исследований и сравнительно-сопоставительного анализа в ИЯ и ЯП для установления их эквивалентности с опорой на совпадение признаков.

4.1. Полностью безэквивалентные термины

При полной безэквивалентности термин ИЯ обозначает правовое явление, которое отсутствует в праве и доктрине того государства, на язык которого осуществляется перевод. В случае отсутствия юридических реалий в языке

перевода, текстовая конвенциональность оказывается практически недостижимой, и поиск аналога должен быть основан на глубоких знаниях в сфере юриспруденции, а результат такого поиска должен быть проверенным, однозначным и непробельным [Апасова, 2021: с. 33].

Полностью безэквивалентные термины требуют проведения наиболее полного дискурсивного анализа ввиду того, что условием, предопределяющим адекватность и максимально достижимую эквивалентность перевода, является глубокое понимание переводчиком юридической сути правового явления, обозначенного безэквивалентным термином. Дискурсивный анализ позволит установить термины языка перевода, которые допустимо использовать для наиболее точного описательного перевода.

Mejora $_{sust}$***, mejorar*** $_{vt}$***, mejorado*** $_{sust\,/\,part}$

К полностью безэквивалентным ЮТ следует отнести ряд однокоренных терминов – существительное *mejora,* глагол *mejorar* и причастие *mejorado* (в т.ч. субстантивированное), которые употребляются в разделе ГК Испании, содержащем нормы наследственного права.

Согласно ст. 808 ГК Испании об обязательной доле в наследстве – *legítima*, если у наследодателя имеются дети и иные родственники по нисходящей линии (например, внуки), то он имеет право в завещании свободно распорядиться только одной третью имущества. Другая одна треть, обозначаемая термином *legítima estricta* (досл. – обязательная доля в строгом смысле), подлежит распределению между его детьми при соблюдении абсолютного равенства прав. Оставшуюся одну треть наследственного имущества, составляющую половину обязательной доли и обозначаемую термином *mejora*, наследодатель вправе распределить между детьми, устанавливая причитающуюся каждому из детей часть этой одной трети либо завещая ее целиком одному из детей.

Юридически значимое действие по распоряжению одной третью имущества, обозначаемой термином *mejora*, в пользу одного ребенка или нескольких детей с указанием соответствующих пропорций обозначается глаголом *mejorar*.

Соответственно, лицо, в пользу которого было осуществлено распоряжение, называется *mejorado* либо *hijo o descendiente mejorado.*

В наследственном праве РФ закреплен эквивалент *legítima*: обязательной доле в наследстве посвящена ст. 1149 ГК РФ. Однако, как это следует из содержания указанной статьи, заранее предопределенных и тем более устанавливаемых наследодателем составных частей в ней не предусмотрено: по праву России обязательная доля наследников определяется после смерти наследодателя, а ее размер составляет не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из наследников в случае, если наследование осуществлялось по закону, а не по завещанию. Также отметим, что испанский термин *legítima* обозначает часть всего наследственного имущества, которая предназначается всем обязательным наследникам совокупно (при этом каждый наследник получает ее часть – *parte de la legítima*), в то время как российский термин «обязательная доля» обозначает часть наследственного имущества, которая рассчитывается индивидуально в отношении каждого наследника, имеющего право на неё (по праву России у обязательной доли не может быть частей, она сама представляет собой часть наследственного имущества).

При анализе текста испанского кодекса становится очевидным, что аналогичный ряд юридических терминов (*mejora, mejorarse* и *mejorado*) используется в нескольких статьях ГК Испании, посвященных улучшениям вещей и не имеющих отношение к наследственному праву. Перевод этого ряда однокоренных терминов не вызывает трудностей при учете контекста употребления, поскольку все они имеют эквиваленты в гражданском праве России: ГК РФ – ст. 623 «Улучшения арендованного имущества», ст. 662 «Внесение арендатором улучшений в арендованное предприятие». Учитывая глагольную тенденцию испанского и именную тенденцию русского языка [Иовенко, 2021: с. 34], а также следуя традиции русскоязычных нормативных источников (глагол «улучшаться» в схожем контексте не используется) при переводе глагола *mejorarse* целесообразно осуществить его замену существительным.

Art. 1122, CC *5.ª Si la cosa **se mejora** por su naturaleza, o por el tiempo, las mejoras ceden en favor del acreedor.*	Ст. 1122 ГК Испании 5. Если **улучшения** вещи обусловлены ее природой или течением времени, то они переходят кредитору.
Art. 1359, CC *[…] si **la mejora** hecha en bienes privativos fuese debida a la inversión de fondos comunes o a la actividad de cualquiera de los cónyuges, la sociedad será acreedora del aumento del valor […], al tiempo […] de la enajenación del bien **mejorado**.*	Ст. 1359 ГК Испании […] если **улучшение** вещи, являющейся имуществом одного из супругов, произведено за счет общих средств или деятельности одного из супругов, то в совместной собственности супругов учитывается это увеличение стоимости […] в момент […] отчуждения вещи, **в отношении которой было произведено улучшение**.

Кроме того, в ГК Испании встречается пример нетерминологического использования глагола *mejorar* в первом словарном значении – улучшать:

Art. 152, CC *Cesará también la obligación de dar alimentos: […]* *Cuando el alimentista […] **haya** […] **mejorado** de fortuna […].*	Ст. 152 ГК Испании Обязанность по уплате алиментов прекращается: […] Если получатель алиментов […] **улучшил** свое материальное состояние […].

Как видно из вышеуказанных примеров, предварительным этапом перевода рассматриваемого ряда терминов является контекстуальный анализ, осуществляемый с целью установить принадлежность терминов к одной из двух подотраслей гражданского права – наследственному или вещному. Кроме того, необходимо убедиться в том, что имеет место терминологическое использование лексемы (т.е. не в качестве общеупотребимого слова).

Возвращаясь к безэквивалентным терминам *mejora*, *mejorar* и *mejorado*, используемым в контексте наследственного права, в качестве варианта решения проблемы передачи их семантики предлагается включение в текст перевода сноски. В ней должно содержаться краткое изложение ст. 808 ГК Испании, отображающее принцип деления наследственной массы на долю, которой наследодатель вправе распоряжаться по своему усмотрению, и обязательную долю; принцип дробления обязательной доли на две части и полномочия наследодателя по распоряжению одной из двух частей обязательной доли; этимологию термина *mejora*, который

обозначает *улучшение* имущественного положения одних детей по сравнению с другими детьми в соответствии с волей родителя[154].

Если требуется осуществить перевод текста статьи ГК Испании, то возможно включить в текст статьи определение правового явления с указанием его основных признаков либо включить в текст ссылку на ст. 823, которая регулирует право матери или отца распорядиться в пользу одного или некоторых детей или родственников по нисходящей линии одной из двух третей наследственного имущества, составляющих обязательную долю. В последнем случае используется свойство интертекстуальности юридического дискурса и отсылочный способ изложения норм права, который предполагает, что в статье содержится прямая отсылка к другой статье, статьям или частям статьи того же нормативного акта [Теория государства и права, 2019: с. 33]. Рекомендуется прибегнуть к приемам описательного перевода и лексической замены, в том числе используя свойство интертекстуальности юридического дискурса, которое предоставляет возможности инкорпорирования прямых ссылок на иные статьи текста документа.

CC de España, art. 829. ***La mejora*** *podrá señalarse en cosa determinada.*	Вариант 1 – описательный перевод: Ст. 829 ГК Испании. **Право наследодателя распорядиться по своему усмотрению половиной обязательной доли в пользу одного или нескольких детей** может быть осуществлено в отношении конкретной вещи. Вариант 2 – ссылка на другую статью: Ст. 829 ГК Испании. **Право наследодателя, предусмотренное в ст. 823**, может быть осуществлено в отношении конкретной вещи.
CC de España, art. 826. *La promesa de* ***mejorar*** *o no mejorar, hecha por escritura pública en capitulaciones matrimoniales, será válida.*	Вариант 1 – описательный перевод: Ст. 826 ГК Испании. Обещание **распорядиться или не распоряжаться по своему усмотрению одной из двух третей обязательной доли в пользу одного или нескольких детей,** совершенное в

[154] См. постраничную сноску: Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник / отв. ред. проф. А. С. Комаров, проф. А. А. Костин, проф. О. Н. Зименкова, доц. Е. В. Вершинина. Т. 2: Особенная часть. М.: Статут, 2020. С. 812. (авторы главы 19 «Наследственное право» – Вершинина Е.В., Фокина А.Д.)

	нотариальной форме в брачном договоре, является действительным. Вариант 2 – описательный перевод + ссылка на другую статью: Ст. 826 ГК Испании. Обещание **распорядиться или не распоряжаться частью обязательной доли в соответствии со ст. 823,** совершенное в нотариальной форме в брачном договоре, является действительным.
CC de España, art. 833. *El hijo o descendiente **mejorado** podrá renunciar a la herencia y aceptar la mejora.*	Ст. 833 ГК Испании. Сын, дочь или родственник по нисходящей линии, **в отношении которого наследодатель распорядился половиной обязательной доли**, вправе отказаться от наследства и принять указанную долю.
CC de España, art. 829. *Si el valor […] excediere del tercio destinado a la mejora y de la parte de legítima correspondiente **al mejorado**, deberá éste abonar la diferencia en metálico a los demás interesados.*	Ст. 829 ГК Испании. Если стоимость […] превышает одну треть, предназначенную для распределения между детьми и родственниками по нисходящей линии по воле наследодателя, а также часть обязательной доли, которая причитается **лицу, в отношении которого сделано распоряжение половиной обязательной доли**, то это лицо обязано выплатить разницу заинтересованным лицам.

Обращаясь к вариантам перевода, представленным в изданных к настоящему моменту испанско-русских словарях, следует констатировать, что в большинстве случаев имеет место искажение семантики анализируемых терминов наследственного права: так, *mejora* переводится как «дополнительное наследство» (в том числе в составе словосочетания *mejora hereditaria,* которое отсутствует в ГК Испании), *mejorar* – «увеличивать долю наследства»; особое удивление вызывает наличие двух идентичных словарных статей, относящихся к существительным *mejora* и *mejoramiento,* которые переводятся как улучшение, надбавка, дополнительное наследство (несуществующий термин) и совершенствование [Испанско-русский юридический словарь, 2003: с. 285]. В другом словарном издании термин *mejora* переводится как «приращение наследственных долей» [Испанско-русский юридический и экономический словарь, 2015: с. 393], однако, это русскоязычное терминологическое словосочетание соответствует совершенно иному правовому институту: в ст. 1161 ГК РФ урегулирован механизм приращения

наследственных долей, который подразумевает увеличение доли призываемого к наследству наследника за счет доли другого сонаследника, который по определенным основаниям утрачивает право на долю в наследстве. Как видно из содержания ст. 1161 ГК РФ, приращение наследственных долей не имеет отношения к обязательной доле в наследстве.

Ещё более экзотические варианты перевода встречаются в немногочисленных публикациях, посвященных наследственному праву Испании. Так, термин *mejora* определён как «вторая обязательная часть наследства, которая учитывает волю наследодателя» [Бегичев, 2019] (не соблюдено первоначальное единство обязательной доли, которая обозначена словом «часть», что не соответствует устоявшейся в российском праве терминологии). В другом источнике термин *mejorado* в словосочетании *legitimario mejorado* переводится как «лучший обязательный наследник» или «лучший наследник» [Медведев, 2017: с. 119] (очевидно, проигнорировано различие между термином *mejorado* и прилагательным в сравнительной степени *mejor*).

Colación *sust*, ***colacionar*** *vt*, ***colacionable*** *adj*

Встречаются безэквивалентные термины, трудности перевода которых связаны с тем, что в нормативном акте отсутствует легальная дефиниция, содержащая основные признаки понятия, обозначаемого ЮТ. Иногда для установления объёма и содержания понятия, на основе понимания которых осуществляется перевод ЮТ, необходимо обратиться к логическому способу толкования совокупности норм, регламентирующих исследуемый институт права, обозначенный искомым ЮТ. При применении логического способа толкования, который комбинируется с языковым толкованием, объектом исследования являются не термины по отдельности, а внутренние связи между разными частями документа и структура нормативных предписаний [Бошно, 2013: с. 20].

Перевод термина *colación* потребует соблюдения следующего переводческого алгоритма:

1) Установление посредством применения текстового поисковика норм права, регламентирующих правовой институт, обозначенный термином *colación* –

ст. 1035–1050 ГК Испании. Поскольку институту *colación* посвящена отдельная глава VI раздела III «Об основаниях наследования» ГК Испании, случаи употребления термина в предыдущих статьях акта (ст. 816, 818 ГК Испании) для целей перевода целесообразно игнорировать.

2) Перевод и анализ статьи, с которой начинается раздел ГК, регламентирующий правовой институт, обозначенный термином *colación*, но в котором не содержится сам термин и его однокоренные:

CC de España, art. 1035. *El heredero forzoso que concurra, con otros que también lo sean, a una sucesión deberá traer a la masa hereditaria los bienes o valores que hubiese recibido del causante de la herencia, en vida de éste, por dote, donación u otro título lucrativo, para computarlo en la regulación de las legítimas y en la cuenta de partición*.	ГК Испании, ст. 1035. Наследник, имеющий право на обязательную долю и участвующий в наследовании наряду с другими наследниками, также имеющими право на обязательную долю, обязан внести в состав наследства имущество и ценности, которые он получил от наследодателя при жизни последнего, в виде приданого, дарения или на иной безвозмездной основе, для их учёта при расчёте обязательной доли и разделе наследства.

3) Перевод и анализ второй статьи главы VI, в которой впервые в тексте раздела III «Об основаниях наследования» ГК Испании используется термин *colación* и устанавливаются случаи, когда правовой институт, обозначаемый исследуемым ЮТ, не применяется. Из ст. 1036 ГК Испании очевидно следует, что содержание термина было представлено выше (в ст. 1035):

CC de España, art. 1036. *La colación no tendrá lugar entre los herederos forzosos si el donante así lo hubiese dispuesto expresamente o si el donatario repudiare la herencia, salvo el caso en que la donación deba reducirse por inoficiosa.*	ГК Испании, ст. 1036. *La colación* не производится между наследниками, имеющими право на обязательную долю, если даритель в прямо выраженной форме распорядился об этом либо если одаряемый отказывается от наследства, кроме случаев, когда дарение должно быть сокращено как ущемляющее права наследников, имеющих право на обязательную долю.

4) Возврат к ст. 1035 ГК Испании, которая, исходя из текста ст. 1036, содержит описание *colación*, и формулирование расширенного определения, которое в дальнейшем послужит основой для описательного перевода: *colación* – это обязанность наследников, имеющих право на обязательную долю, по включению в состав наследства имущества и ценностей, которые были ими

безвозмездно получены при жизни от наследодателя, для их учёта при разделе наследства.

5) Анализ иных статей ГК Испании, посвящённых *colación*, для уточнения того, имеет ли место возврат имущества в натуральной форме или включение его стоимости: в ст. 1045 установлено, что происходит возврат не самих подаренных вещей, а только их стоимости на момент оценки наследственного имущества.

6) Поиск и анализ схожих юридических обязанностей в наследственном праве России для установления потенциально возможного заимствования терминов. Так, в ст. 1117 ГК РФ содержится обязанность лиц, не имеющих права наследовать или отстранённых от наследования по причине недостойности, по возврату в состав наследства всего имущества, которое было неосновательно ими получено. Данная обязанность распространяется в том числе (но не исключительно, как в случае *colación*) на наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве. Несмотря на частичное совпадение субъектов, следует констатировать два существенных различия двух правовых институтов: во-первых, *colación* производится до распределения наследства, а возврат имущества по ст. 1117 ГК РФ – после, во-вторых, *colación* подразумевает лишь учёт стоимости безвозмездно полученного при определении наследственных долей, а не последующее отчуждение имущества, как в случае возврата по ст. 1117 ГК РФ (в статье имеется прямая отсылка к главе 60 ГК РФ, в которой регламентировано возвращение неосновательного обогащения). Из этого следует, что в наследственном праве России возврат части имущества в состав наследства имеет иную правовую природу и не может быть использован в качестве описательного перевода термина *colación*. Кроме того, исходя из указанных существенных различий двух правовых институтов, в русскоязычном переводе особенно следует избегать существительного «возврат» и однокоренных слов, чтобы не создавать ошибочных ассоциаций и аналогий у российских юристов. Наконец, именно на этом этапе становится очевидной безэквивалентность термина *colación*: в соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входит только то, что принадлежало наследодателю на момент открытия наследства – то есть, на момент

смерти наследодателя (ст. 1113, 1114 ГК РФ), и никакие ранее совершённые наследодателем в отношении наследников дарения в наследственной массе не учитываются.

7) Исследование дефиниции *colación*, содержащейся в специализированном словаре DPEJ, для проверки гипотетически более краткого варианта перевода. В данном случае результатом поиска является констатация того, что имеет место изложение содержания ст. 1035[155].

8) Формулирование описательного перевода термина *colación* с учётом синтаксических конструкций предложения, допускающих определенные сокращения:

CC de España, art. 1036. ***La colación*** *no tendrá lugar entre los herederos forzosos […].*	ГК Испании, ст. 1036. **Включение в наследственную массу стоимости имущества, безвозмездно полученного от наследодателя при его жизни,** не производится между наследниками, имеющими право на обязательную долю […].
CC de España, art. 1037. *No se entiende sujeto a* ***colación*** *lo dejado en testamento si el testador no dispusiere lo contrario […].*	ГК Испании, ст. 1037. Не считается подлежащей **включению в наследственную массу стоимость** того, что было завещано, если завещатель не распорядился об ином […].

Установление содержания понятия *colación* по предлагаемому алгоритму является обязательным этапом для перевода однокоренного глагола *colacionar*.

CC de España, art. 1038. *Cuando los nietos sucedan al abuelo en representación del padre, […]* ***colacionarán*** *todo lo que debiera colacionar el padre si viviera […].*	ГК Испании, ст. 1038. Если внуки являются наследниками дедушки или бабушки по праву представления своего родителя, […] они **обязаны включить в наследственную массу стоимость безвозмездно полученного от наследодателя имущества** в том объёме, в котором это должен был бы сделать их родитель, если бы был жив […].
CC de España, art. 1039. *Los padres no estarán obligados a* ***colacionar*** *en la herencia de sus ascendientes lo donado por éstos a sus hijos.*	ГК Испании, ст. 1039 ГК. Родители не обязаны **включать** в наследственную массу родственников по восходящей линии **стоимость** дарений, которые последние совершили в отношении их детей.

155 https://dpej.rae.es/lema/colaci%C3%B3n

Прилагательное *colacionable* используется в отношении имущества, подлежащего включению в наследственную массу для расчёта наследственных долей.

CC de España, art. 818. *Al valor líquido de los bienes hereditarios se agregará el de las donaciones* ***colacionables****.*	ГК Испании, ст. 818. В стоимость наследства после погашения долгов наследодателя включается стоимость дарений, **полученных наследниками, имеющими право на обязательную долю в наследстве, от наследодателя при его жизни.**

В русскоязычных словарных изданиях термин *colación* переводится как «предназначенная к разделу имущественная масса»[156] либо «имущественная масса, предназначенная к разделу» [Испанско-русский юридический словарь, 2003: с. 104], в нетерминологическом словосочетании *colación de bienes,* которое не фигурирует в тексте ГК Испании, – «возврат наследником ранее полученного от наследодателя имущества для включения его в наследственную массу» [Испанско-русский юридический словарь, 2003: с. 104][157]. Глагол *colacionar*, представленный в качестве термина в единственном словарном издании, переводится как «возвращать ранее полученное имущество для включения в наследственную массу» (такой вариант перевода ошибочно создает описанную выше недопустимую ассоциацию с отчуждением вещей), а прилагательное *colacionable* – «предназначенный к разделу (об имущественной массе)» (этот вариант перевода содержит смысловую ошибку, поскольку прилагательное не используется в отношении наследственной массы и подразумевает обратное действие – не раздел, а включение в наследственную массу)[158]. Ни один из представленных в словарях вариантов перевода не может считаться адекватным и рекомендованным для использования.

---

156 Испанско-русский юридический словарь / А. П. Скурихин. – 2-е изд., стер.: [издание в pdf-формате]. – М.: Просвещение, 2021. С. 99.

157 Испанско-русский юридический словарь / А. П. Скурихин. – 2-е изд., стер.: [издание в pdf-формате]. – М.: Просвещение, 2021. С. 99. Идентичный вариант перевода нетерминологического словосочетания представлен в другом словаре: Испанско-русский юридический и экономический словарь = Diccionario jurídico y económico español-ruso / Л. Л. Швыркова, Х. А. Гальего-Росильо, Л. Феликс Фернандес; под ред. Л. Л. Швырковой и А.А. Клишаса. – М.: Норма, 2015. С. 116.

158 Испанско-русский юридический словарь / А. П. Скурихин. – 2-е изд., стер.: [издание в pdf-формате]. – М.: Просвещение, 2021. С. 99.

Separación *sust*, ***separar*** *vt* / ***separarse, separado*** *part*

Институт, обозначаемый термином *separación*, урегулирован в отдельной главе VII раздела IV ГК Испании «О браке» (ст. 81–84) и относится к сфере семейного права. Обращает на себя внимание непривычная юридическая техника: в первых двух статьях регламентирован порядок установления режима (в судебном порядке на основании заявления одного или обоих супругов или по их взаимному согласию при заключении регулирующего соглашения – *convenio regulador*, которое подлежит удостоверению нотариусом или секретарем суда), и только затем представлены его юридические последствия:

CC de España, art. 83. *La sentencia o decreto de separación o el otorgamiento de la escritura pública del convenio regulador que la determine producen la suspensión de la vida común de los casados y cesa la posibilidad de vincular bienes del otro cónyuge en el ejercicio de la potestad doméstica*[159].	ГК Испании, ст. 83. Решение суда о *separación* или нотариальное удостоверение регулирующего соглашения, которое её (*separación*) определяет, влекут за собой приостановление совместной жизни супругов и прекращение возможности обременять имущество другого супруга при ведении домашнего хозяйства.

В нескольких статьях термин используется с двумя другими терминами: *nulidad, separación o divorcio* (ст. 91, 94, 96, 102 ГК Испании и др.) либо *nulidad, separación y divorcio* (ст. 9, 92, п. 2 ст. 90 ГК Испании). Из синтаксических связей, выражаемых сочинительным союзом «и» (*y*) и разделительным союзом «или» (*o*), следует вывод о том, что *separación* – самостоятельный институт, отличный как от ничтожности брака (*nulidad*), так и от его расторжения (*divorcio*).

Кроме того, в ГК Испании рассматриваемый термин используется в нескольких терминологических словосочетаниях: *separación matrimonial* (абз. второй ст. 83) и *separación legal o de hecho* (ст. 22, 116, 118). Поскольку в тексте закона дефиниции не представлены, для уяснения их сущности и правильного перевода следует обратиться к монографии по семейному праву на испанском языке и к специализированному испаноязычному словарю.

Первый вывод можно сделать на основе одного заглавия раздела «*El cese de la convivencia conyugal: la separación matrimonial*» [Derecho de familia, 2017: p. 75–

---

[159] Сущность данного института содержится в ст. 1319 ГК Испании: любой из супругов вправе осуществлять действия, направленные на удовлетворение обычных потребностей семьи, которые на него возложены.

77]: терминологическое словосочетание *separación matrimonial* приравнивается к прекращению совместного проживания супругов. Далее представлена дефиниция, в соответствии с которой *separación* представляет собой режим, устанавливаемый судом, при котором приостанавливается (*se suspende*) совместная жизнь супругов, изменяется режим прав и обязанностей, но не прекращаются брачные отношения. Итак, установлено, что *separación* и его разновидности – это некие режимы:

*Además de la **separación legal o judicial**, que es la que acaba de definirse, existe también como situación fáctica la llamada **separación de hecho**. No es una mera situación de hecho sin trascendencia jurídica sino que puede tener, como veremos, efectos reconocidos en el propio ordenamiento.*	Помимо режима *separación legal o judicial*, дефиниция которого была представлена выше, существует также в качестве фактического режима так называемый режим *separación de hecho*. Это не просто фактически установленный режим, не имеющий юридического значения: он может иметь, как будет показано далее, последствия, признаваемые в законодательстве.

Термин *separación judicial* указывается в доктринальном источнике, однако в ГК Испании он не встречается. Для целей исследования, опираясь на свойственную ИЮД избыточную синонимию и на контекстуальный анализ фрагмента текста, можем исходить из презумпции того, что *separación legal = separación judicial*; второе словосочетание может использоваться для уточнения порядка, в котором был установлен режим.

В словаре DPEJ содержится иное терминологическое словосочетание (*separación conyugal*)[160], однако в словарной статье приводится ссылка на ст. 81 ГК Испании и следующая дефиниция: правовой режим, который заключается в сохранении брачных отношений при прекращении совместного проживания супругов. Из этого следует, что терминологические словосочетания *separación legal = separación conyugal.* Словосочетание *separación de hecho* сопровождается указанием на ст. 116 и 118 ГК Испании и следующей дефиницией: правовой режим, заключающийся в прекращении совместного проживания супругов без предварительного судебного решения об этом [161] . Указанное определение несколько отклоняется от указанного в монографии в том, что касается его правового характера; вместе с тем, как было сказано в доктринальном источнике,

---

160 https://dpej.rae.es/lema/separaci%C3%B3n-conyugal

161 https://dpej.rae.es/lema/separaci%C3%B3n-de-hecho

фактическое прекращение совместного проживания может иметь определенные правовые последствия.

Завершающим этапом исследования правового явления, на основании которого будет осуществлен перевод, является поиск аналогий в праве России. В СК РФ отсутствуют нормы, которые закрепляли бы возможность суда или сторон установить режим совместного или раздельного проживания, а факт совместного или раздельного проживания с точки зрения российского права практически не имеет юридических последствий. Что касается этапа до расторжения брака, который и представлен ЮТ *separación legal*, то в ст. 22 СК РФ закреплено право суда при несогласии одного из супругов на расторжение брака отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах трех месяцев; однако речь не идет об установлении судом какого-либо специального режима. Следовательно, термин *separación* является безэквивалентным термином ИЮД.

Итак, на основе изучения нормативного и доктринального источника, а также словарного издания формулируем дефиниции, которые будут использованы для описательного перевода термина и терминологических словосочетаний с существительным *separación* на русский язык:

– *separación / separación matrimonial* – режим раздельного проживания супругов;

– *separación legal* / *separación conyugal* – режим раздельного проживания супругов, установленный в силу закона;

– *separación judicial* – режим раздельного проживания супругов, установленный судом;

– *separación de hecho* – фактический режим раздельного проживания супругов / фактическое раздельное проживание супругов.

Соответственно, перевод рассмотренной выше статьи ГК Испании будет выглядеть следующим образом:

CC de España, art. 83.	ГК Испании, ст. 83.
*La sentencia o decreto de **separación** o el otorgamiento de la escritura pública del*	Решение суда об **установлении режима раздельного проживания супругов** или

convenio regulador que la determine producen la suspensión de la vida común de los casados y cesa la posibilidad de vincular bienes del otro cónyuge en el ejercicio de la potestad doméstica[162].	нотариальное удостоверение соглашения, которое его регулирует, влечёт за собой приостановление совместной жизни супругов и прекращение возможности обременять имущество другого супруга при ведении домашнего хозяйства.

При переводе терминов, предусматривающих вынесение решения суда или нотариальное удостоверение соглашения, рекомендуется использовать существительное «режим», который отражает необходимость прохождения определенной законом процедуры для его установления.

Адекватным вариантом перевода следует признать предлагаемое в русскоязычном учебнике «судебное разлучение (раздельное проживание) – сепарация» с указанием в скобках термина на испанском языке: в нем одновременно отображены и порядок установления режима, и его сущность. В том же источнике приводится другой удачный описательный вариант перевода: «режим раздельного проживания супругов на основании судебного решения» (для перевода словосочетания *separación judicial*) [163] ; на его основе можно сформулировать вариант перевода, охватывающий альтернативный способ установления режима – «режим раздельного проживания супругов на основании их соглашения, удостоверенного нотариусом или судом». Однако при переводе следует избегать автономного использования существительного «сепарация», поскольку этот термин является устоявшимся в сфере психологии и означает процесс психологического отделения одного человека от другого, при котором личность, находившаяся в состоянии зависимости, обретает автономию [Харламенкова, 2019: с. 346].

Автором предлагаются также следующие варианты перевода: <юридическое прекращение совместной жизни, или установление режима раздельного проживания» (*separación legal*)> и сокращенный вариант для повторного

---

162 Сущность данного института содержится в ст. 1319 ГК Испании: любой из супругов вправе осуществлять действия, направленные на удовлетворение обычных потребностей семьи, которые на него возложены.

163 Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник / отв. ред. проф. А. С. Комаров, проф. А. А. Костин, проф. О. Н. Зименкова, доц. Е. В. Вершинина. Т. 2: Особенная часть. М.: Статут, 2020. С. 687–688. (авторы параграфа 8 главы 18 «Семейное право» – Васильев Е.А., Вершинина Е.В., Коновалов Д.В.)

упоминания – <юридически установленный режим раздельного проживания>; <фактическое прекращение совместной жизни супругов (*separación de hecho*)> и сокращенный вариант для повторного упоминания – <фактическое прекращение отношений> [Фокина, 2018: с. 141–142]. Указание в скобках исходного термина рекомендуется во всех случаях перевода полностью безэквивалентных терминов, поскольку это обеспечивает возможность обратиться к надлежащим испаноязычным источникам для уточнения значения термина и дальнейших сравнительно-правовых исследований.

В отношении перевода причастия *separado* следует заметить, что оно используется единожды: в ст. 835 ГК Испании используется нетерминологическое словосочетание *cónyuges separados*, перевод которого следует основывать на переводе термина *separación* – <супруги, в отношении которых установлен режим раздельного проживания>.

4.2. Относительно (частично) безэквивалентные термины

Данная группа объединяет термины ИЯ, которые не имеют точного эквивалента в ЯП и могут быть переведены с помощью нескольких терминов ЯП, которые являются устоявшимися в той же отрасли права.

Явление относительной (частичной) безэквивалентности может иметь различные проявления:

– юридический термин, используемый в ИТ, обозначает правовое явление, имеющее некий аналог в праве государства, на язык которого осуществляется перевод, однако в ЯП отсутствует специальный, устоявшийся термин для его обозначения;

– в ИЯ и ЯП существуют термины, означающие схожие, но с юридической точки зрения не идентичные и не в полной мере равнозначные, а при более детальном анализе и не соответствующие друг другу правовые явления; в том числе в ИЯ и ЯП термины могут соотноситься как общее и частное либо термин ИЯ может быть переведен посредством использования нескольких терминов ЯП.

Amparo $_m$, recurso de amparo

Многие юристы сходятся во мнении, что в Испании и странах Латинской Америки сложился особый институт защиты прав и свобод человека, именуемый в российской правовой доктрине «процедурой ампаро» [Сторожев, 2014: с. 2735], а система конституционного правосудия в указанных странах может рассматриваться в качестве особой иберийской, или южноамериканской, модели конституционной юстиции [Клишас, 2015]. В России граждане также имеют право подать в Конституционный суд РФ жалобу на нарушение конституционных прав и свобод, и в этой связи возникает вопрос, может ли испаноязычный термин *amparo* переводиться посредством терминов, используемых в российским конституционном праве.

Несмотря на внешнее процедурное сходство, представляющее собой подачу гражданином жалобы в соответствующий конституционный орган, рассмотрение жалобы *amparo* и конституционной жалобы в Конституционном суде РФ имеют множество существенных отличий, которые не позволяют переводить испаноязычный термин, используя формулировки исключительно РЮД. В РФ может быть подана жалоба на нарушение конституционных прав и свобод граждан, при этом Конституционный суд РФ проверяет конституционность законов и иных нормативно-правовых актов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все иные внутригосударственные средства судебной защиты (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ). В Испании и странах Латинской Америки подача жалобы amparo связана не с постановкой вопроса о неконституционности нормативно-правового акта, а действий и актов органов власти; конституционная защита осуществляется только в отношении подзаконных актов, правоприменительных актов органов исполнительной и судебной власти [Сторожев, 2014: с. 2737]. Кроме того, в Испании процедура *amparo* предполагает возможность защиты не любых конституционных прав и свобод, а только тех, которые предусмотрены в ст. 14–29 и частично 30 (право на альтернативную службу) Конституции.

Ввиду рассмотренных различий представляется целесообразным следующий перевод термина *amparo*: «рассмотрение конституционной жалобы гражданина в порядке процедуры ампаро» либо «рассмотрение жалобы гражданина на

нарушение конституционных прав в порядке процедуры ампаро»; соответственно, *recurso de amparo* следует переводить как «жалоба гражданина на нарушение конституционных прав, рассматриваемая в порядке процедуры ампаро» либо «механизм защиты конституционных прав граждан в порядке процедуры ампаро». Представленные варианты перевода, с одной стороны, позволяют отразить сходство с известным российскому праву институту защиты конституционных прав (функциональное сходство), а с другой стороны, подчеркивают недопустимость смешения процедурных особенностей защиты конституционных прав в Испании и странах Латинской Америки с механизмом защиты конституционных прав, применяемым в России (процессуальное различие).

Proposición f, provocación f, inducción f

Фактически все перечисленные существительные означают разновидности подстрекательства. В УК РФ существительное подстрекательство не фигурирует в качестве термина. В п. 4 ст. 33 содержится дефиниция термина подстрекатель – «лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом». Исходя из положений этой нормы, для РЮД способ совершения подстрекательства является юридически нейтральным.

Однако ИЮД термины имеют очевидно разное семантическое наполнение, что доказывает анализ текста УК Испании.

CP de España, art. 17. *2. La **proposición** existe cuando el que ha resuelto cometer un delito invita a otra u otras personas a participar en él.*	УК Испании, ст. 17. 2. Имеет место *proposición*, если тот, кто решил совершить преступление, приглашает другое лицо или лиц принять в нем участие.
CP de España, art. 18. *1. La **provocación** existe cuando directamente se incita por medio de la imprenta, la radiodifusión o cualquier otro medio de eficacia semejante, que facilite la publicidad, o ante una concurrencia de personas, a la perpetración de un delito.* *[…]* *Si a la provocación hubiese seguido la perpetración del delito, se castigará como **inducción**.*	УК Испании, ст. 18. 1. Имеет место *provocación*, если непосредственно побуждают посредством средств печати, радиовещания или любым иным средством подобного действия, которое способствует огласке, либо перед скоплением людей, к совершению преступления. […] Если за *provocación* последовало совершение преступления, оно наказывается как *inducción.*

Поскольку для указанных видов подстрекательства могут предусматриваться разные правовые последствия, следует осуществить следующий описательный

перевод: *provocación* – подстрекательство в форме публичного призыва к совершению преступления; *proposición* – подстрекательство в форме предложения совместно совершить преступление на этапе приготовления; *inducción* – подстрекательство в форме публичного призыва к совершению преступления, за которым последовало его совершение.

Alevosía *f*

CP de España, art. 22. *Son circunstancias agravantes:* *1.ª Ejecutar el hecho con* ***alevosía****.* *Hay* ***alevosía*** *cuando el culpable comete cualquiera de los delitos contra las personas empleando en la ejecución medios, modos o formas que tiendan directa o especialmente a asegurarla, sin el riesgo que para su persona pudiera proceder de la defensa por parte del ofendido.*	УК Испании, ст. 22. Являются отягчающими обстоятельствами: 1. Совершение деяния с *alevosía* Имеет место *alevosía*, если виновное лицо совершает любое из преступлений против личности, используя при этом средства, способы или формы, которые непосредственно и специально направлены на то, чтобы обеспечить исполнение, без риска для своей личности, который мог бы возникнуть в случае защиты со стороны потерпевшей стороны.

В словаре DPEJ содержится более лаконичная и ёмкая дефиниция, подчеркивающая суть этого отягчающего обстоятельства: оно связано с использованием таких средств и методов, которые обеспечивают беззащитность жертвы[164].

В словарных изданиях предлагаются следующие варианты перевода: «1. измена, предательство, вероломство, коварство; 2. заранее обдуманные, злоумышленные действия (*в деле об убийстве*); 3. продуманность, подготовка преступления и предосторожности, с которыми оно совершается, как отягчающее обстоятельство в других преступлениях» [Испанско-русский юридический словарь, 2003: с. 37]. Первая дефиниция не содержит юридических терминов; вторая ограничивает применимость *alevosía* исключительно одним составом преступления и содержит очевидную ошибку: понятие «злой умысел» вовсе не используется уголовным правом (выделяется прямой и косвенный умысел – ст. 25 УК РФ [165]); третья дефиниция не отражает важнейший признак понятия,

---

[164] https://uvadoc.uva.es/bitstream/handle/10324/47780/Tesis1876-210729.pdf?sequence=1&isAllowed=y

[165] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/bf8c1a879a8344fd5cfc85853f5590cef2af1020/

обозначаемого термином *alevosía*, а именно избежание преступником риска, связанного с возможностью защититься со стороны жертвы.

В перечне отягчающих обстоятельств, установленных в ст. 63 УК РФ, отсутствует что-либо схожее с *alevosía*. Отталкиваясь от признака беспомощности жертвы, который является ключевой характеристикой *alevosía*, находим в УК РФ в качестве квалифицирующего признака убийства совершение его в отношении «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), в отношении изнасилования – «с использованием беспомощного состояния потерпевшей» (ч. 1 ст. 131 УК РФ). Несмотря на то, что намеренное приведение лица в беспомощное состояние для совершения преступления до настоящего момента не отображено в УК РФ [Михайловская, 2021: с. 35], формулировка УК РФ может быть использована для перевода термина *alevosía* как «использование беспомощного состояния потерпевшего в целях совершения преступления».

Violencia machista

Violencia machista – термин, означающий нарушение прав посредством насилия, которое осуществляется в отношении женщин в качестве проявления дискриминации и положения неравенства в рамках системы отношений власти мужчин над женщинами. Оно производится физическими, экономическими или психологическими средствами, включая угрозы, запугивание и принуждение; приводит к физическому, сексуальному или психологическому ущербу или страданию, независимо от того, имеет ли оно место в общественной или частной сфере (ст. 3 Закона Каталонии о праве женщин на искоренение гендерного насилия от 24.04.2008 № 5 – *Ley del derecho de las mujeres a erradicar la violencia machista*[166]). В названии Органического закона о мерах всесторонней защиты от насилия по признаку пола фигурирует иной, более распространённый синонимичный термин *violencia de género*[167]. Следует отметить, что ИЮД ЮТ *violencia de género* получил

[166] https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2008-9294

[167] Ley Orgánica 1/2004, de 28 de diciembre, de Medidas de Protección Integral contra la Violencia de Género.

дальнейшее развитие: в частности, в Венесуэле на законодательном уровне получил терминологическое закрепление с соответствующей развернутой дефиницией целый ряд разновидностей насилия, совершаемого в отношении женщин[168]: *violencia simbólica* (насилие с помощью символов) – <насилие, которое проявляется в сообщениях, ценностях, символах и знаках, передающих и воспроизводящих отношения господства, неравенства и дискриминации в социальных отношениях между людьми и узаконивающих подчиненное положение женщин в обществе>; *violencia mediática* (медийное насилие) – <представление женщин, девочек или подростков в СМИ, которое прямо или косвенно эксплуатирует, дискриминирует, порочит, унижает или оскорбляет их достоинство в экономических, социальных целях или с целью доминирования>; *violencia laboral* (насилие в рабочей среде) – <дискриминация, угрозы, домогательства и преследования в отношении женщин по признаку пола на рабочем месте, как в государственных, так и в частных учреждениях, которые препятствуют их доступу к работе, продвижению по службе или стабильности на рабочем месте или создают враждебную рабочую среду>, например, предъявление требований в отношении семейного положения, возраста, внешнего вида, а также нарушение права на равную оплату за равный труд; *violencia multicausal* (многофакторное насилие) – любое <проявление насилия в отношении женщины, обусловленное сочетанием ее половой принадлежности с фенотипическими особенностями, этнической принадлежностью, расой, цветом кожи, происхождением, инвалидностью, состоянием здоровья, возрастом или любыми другими дискриминационными признаками> и др. Все перечисленные виды насилия представляют собой безэквивалентные термины, поскольку в РЮД отсутствует подобная классификация. Прагматика закрепления такого обширного и с первого взгляда неоправданно детализированного с точки зрения права перечня различных форм гендерного насилия на уровне законодательства с фиксированием

[168]Органический закон о реформе Органического закона о праве женщин на жизнь, свободную от насилия, ст. 19. URL: https://www.asambleanacional.gob.ve/storage/documentos/leyes/ley-organi-20220115184220.pdf

терминов, соответствующих каждому деянию, направлено на повышение уровня информированности о том, что может рассматриваться в качестве насилия в отношении женщины, и на предотвращение таких деяний за счёт их криминализации – законодательного установления за их совершение уголовного наказания.

Объединяющим признаком всех актов, подпадающих под категорию *violencia machista,* является их дискриминационный характер, обусловленный ощущением гендерного превосходства мужчины над женщиной, – именно так сформулирована словарная дефиниция *machismo*[169]. Концепт *machismo* является широко известным концептом испанской культуры, который переводится как «мачизм» и обладает собственным словообразовательным потенциалом в политическом дискурсе: в частности, он послужил основой для неологизма с негативной коннотацией *el machirulismo imperante* – «господствующий мачизм» [Воронцова, 2021: с. 134]. Несмотря на отсутствие термина *machismo* в юридических словарях, в медийном дискурсе словосочетание *violencia machista* выступает для обозначения новостной рубрики, содержащей сообщения о различных категориях преступлений, совершенных мужчинами в отношении женщин[170].

В испанско-русском юридическом словаре он определяется как мужской шовинизм, характеризующийся уверенностью мужчин в превосходстве над женщинами и поведением, которое соответствует указанной уверенности [Испанско-русский юридический словарь, 2003: с. 278]. В российском уголовном праве словосочетание «домашнее насилие» обсуждалось в рамках процесса криминализации и последующей декриминализации деяния. В ст. 116 УК РФ, регулирующей наказания за побои, в ныне действующей редакции не указывается в качестве квалифицирующего признака преступления дискриминация по признаку пола; в ней содержится более широкая формулировка – «по мотивам ненависти или

---

169 https://dle.rae.es/machismo

170 Liberada una mujer que se encontraba retenida por su pareja en su casa de Madrid. 19.08.2024. URL: https://www.lavanguardia.com/local/madrid/20240819/9877387/liberada-mujer-encontraba-retenida-pareja-casa-madrid.html

вражды в отношении какой-либо социальной группы», в которую, безусловно, могут быть объединены женщины.

В свете указанных обстоятельств перевод термина *violencia machista* на основании действующего и не актуального регулирования не представляется возможным. Однако перевод может быть осуществлен на основе акта международного характера: в 1993 году была принята Декларация ООН об искоренении насилия в отношении женщин[171], следовательно, *violencia machista* может переводиться как <насилие в отношении женщин, основанное на ощущении гендерного превосходства мужчины>.

С ЮТ *machismo* тесно связан ЮТ *femicidio*, образованный в качестве противопоставления *homicidio*. Рассматриваемый ЮТ характерен для ИЮД ряда латиноамериканских стран (по данным DPEJ – Аргентина, Чили, Эквадор, Панама, Уругвай и Венесуэла[172]). Следует отметить, что несмотря на внесение неологизма в DPEJ в качестве термина, он функционирует в качестве такового не во всех уголовных кодексах. В частности, в Эквадоре данный термин используется в двух статьях – ст. 141 и 142 УК Эквадора, в которых содержится дефиниция и перечень отягчающих обстоятельств. В Панаме термин не используется в УК, однако встречается в официальных документах, посвященных статистике преступлений, в качестве самостоятельной категории[173]. В отношении перевода термина *femicidio* на русский язык отметим, что речь идёт о безэквивалентном термине: в уголовном праве России отсутствует данный вид преступлений, и адекватным вариантом перевода представляется <убийство лица женского пола>.

Примерами частично безэквивалентных терминов являются также *inoficioso* – <нарушающий право наследников на обязательную долю в наследстве>, *saneamiento* – <компенсация, выплачиваемая продавцом покупателю в связи с

---

[171] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml

[172] https://dpej.rae.es/lema/femicidio

[173] Informe estadístico víctimas de femicidio (Diciembre 2025). URL: https://ministeriopublico.gob.pa/wp-content/uploads/Informe-Estadistico-de-Victimas-de-Femicidios-Diciembre-2025.pdf

обнаружением дефектов в проданном товаре>, *titularidad* – <принадлежность права определённому лицу>, или <правовой титул>.

К частично безэквивалентным терминам также можно отнести *decreto legislativo* – <законодательный декрет> и *decreto-ley* – <декрет-закон>. Они обозначают понятия, отсутствующие в РЮД, поскольку для права РФ в целом не характерно делегированное законодательство, представленное актами, издаваемыми по поручению парламента органами исполнительной власти и обладающими силой закона [Ефимов, 2023: с. 270]. Однако термин «декрет» известен российскому праву – он активно использовался в период после Великой октябрьской революции, в этой связи возможно его использование для перевода рассматриваемых ЮТ с обязательным уточнением особой правовой природой актов и порядка их применения в Испании.

4.3. Квазибезэквивалентные термины

Квазибезэквивалентные, или ложно безэквивалентные термины – это термины, которые обозначают правовое явление, существующее в языке перевода, однако обозначаемое иным, также устоявшимся ЮТ, который может быть установлен в ходе дискурсивного анализа его употребления. Основным приемом, позволяющим установить соответствие терминов на ИЯ и ЯП, является поиск в ЯП такого правового явления, которое будет иметь схожие или совпадающие признаки.

Delito intentado

Иногда перевод квазибезэквивалентных терминов требует тщательного сопоставления контекста употребления, признаков, указанных в дефинициях, и «перевода от обратного», как это имеет место с термином *delito intentado*, который дословно может переводиться как «преступление, которое попытались совершить».

CP de España, art. 16. *2. Quedará exento de responsabilidad penal por el **delito intentado** quien evite voluntariamente la consumación del delito, bien desistiendo de la ejecución ya iniciada, bien impidiendo la producción del resultado, sin perjuicio de la responsabilidad en que pudiera haber incurrido por los actos ejecutados, si éstos fueren ya constitutivos de otro delito.*	Ст. 16 УК Испании. 2. Освобождается от уголовной ответственности за *delito intentado* лицо, которое добровольно отказывается от доведения начатого преступления до конца, либо прекращая уже начатое действие, либо препятствуя наступлению его последствий; лицо будет нести уголовную ответственность в той мере, в которой фактически совершенные деяния содержат иной состав преступления.

Семантическое ядро искомого термина, которое условно можно сформулировать как «попытка совершения преступления», казалось бы, соответствует русскоязычному термину «покушение на преступление». Однако в п. 1 той же ст. 16 УК Испании содержится термин *tentativa*, признаки которого при первом же приближении в значительной степени коррелируют с признаками покушения на преступления, указанными в ст. 30 УК РФ:

CP de España, art. 16. *Hay tentativa cuando el sujeto da principio a la ejecución del delito directamente por hechos exteriores, practicando todos o parte de los actos que objetivamente deberían producir el resultado, y sin embargo éste no se produce por causas independientes de la voluntad del autor.*	УК РФ, ст. 30.
–	Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.
Имеет место покушение на преступление, если субъект непосредственно приступает к совершению преступления своими действиями, совершая все или часть действий, которые объективно должны были бы привести к результату, однако результат не наступает по причинам, не зависящим от воли исполнителя.	

Следовательно, *delito intentado* некорректно переводить как «покушение на преступление»: русскоязычное терминологическое словосочетание имеет иной испанский аналог – *tentativa*.

Чтобы установить правильный эквивалент, потребуется обратиться к тексту УК РФ и идентифицировать статьи, в которых были бы указаны признаки, соответствующие *delito intentado*: так, по слову «отказ», указанному в поисковике на странице с содержанием УК[174], первым выделяется ст. 31 «Добровольный отказ

[174] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

от преступления». При сопоставлении признаков, указанных в ст. 16 УК Испании и ст. 31 УК РФ становится очевидным, что речь идет об одном и том же правовом явлении (подчеркивание наше – А.Ф.), т.е. *delito intentado* – это добровольный отказ от преступления:

Ст. 16 УК Испании.	Ст. 31 УК РФ.
Освобождается от уголовной ответственности за *добровольный отказ от преступления* лицо, которое добровольно отказывается от доведения начатого преступления до конца, либо прекращая уже начатое действие, либо препятствуя наступлению его последствий; лицо будет нести уголовную ответственность в той мере, в которой фактически совершенные деяния содержат иной состав преступления.	Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), направленных на совершение преступления […]. Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца. Лицо подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления.

Ensañamiento

Термин *ensañamiento* DPEJ определяет как умышленное и необоснованное (*deliberado e innecesario*) увеличение страдания жертвы при совершении преступления[175]. В DPEJ уточняется, что *ensañamiento* входит в состав таких преступлений, как убийство с отягчающими обстоятельствами (*asesinato*), причинение вреда здоровью с отягчающими обстоятельствами (*delito de lesiones agravado*) и жестокое обращение с животными (*maltrato de animales*). Вместе с тем в испанско-русском юридическом словаре термин *ensañamiento* переводится как «ожесточение, злоба; жестокость (отягчающее вину обстоятельство)» [Испанско-русский юридический словарь, 2003: с. 188], что не является точным и может спровоцировать недопустимую аналогию с термином *violencia*, который в том же источнике переводится как «насилие, грубая сила, использование силы, агрессия, принуждение, изнасилование» [Испанско-русский юридический словарь, 2003: с. 481]. Для нахождения максимально точного эквивалента следует обратиться к РЮД; так, в п. «д» ч. 5 ст. 105 УК РФ в качестве отдельного вида указано убийство,

[175] https://dpej.rae.es/lema/ensa%C3%B1amiento

«совершенное с особой жестокостью». В комментарии к УК РФ в качестве примеров особой жестокости указывается, среди прочего, совершение убийства способом, который заведомо для виновного лица связан с причинением особых страданий самому потерпевшему или его близким[176].

Следовательно, ЮТ *ensañamiento,* используемый с предлогом *con,* может быть переведен эквивалентным терминологическим словосочетанием «с особой жестокостью», применяемым в отношении того вида преступлений, о котором идёт речь в ИЮД:

CP de España, art. 139. *1. Será castigado con la pena de prisión de quince a veinticinco años, como reo de asesinato, el que matare a otro concurriendo alguna de las circunstancias siguientes:[…]* *3.ª* ***Con ensañamiento****, aumentando deliberada e inhumanamente el dolor del ofendido.*	УК Испании, ст. 139 1. Лицо, убившее другого человека при наличии одного из следующих обстоятельств, наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати пяти лет как виновное в убийстве: […] 3. **с особой жестокостью**, умышленно и бесчеловечно усиливая страдания потерпевшего.

Contrato aleatorio / contrato conmutativo

Иногда квазибезэквивалентными ЮТ оказываются такие лексемы, которые имеют в ЯП очень редко встречающийся аналог. Примером может послужить прилагательное *conmutativo*, которое используется в отношении существительного *contrato* и в этом терминологическом словосочетании противопоставляется *contrato aleatorio*. *Contrato conmutativo* определяется как «договор, в котором изначально установлено отношение между приобретаемым и утрачиваемым сторонами» (пример – договор займа), а *contrato aleatorio* – «договор, в котором отношение между приобретаемым и утрачиваемым сторонами не определено, поскольку оно зависит от какого-либо непредвиденного или неизвестного сторонам обстоятельства» (пример – договор биржевого опциона, договор пожизненной ренты, договор страхования)[177]. В ГК РФ и иных нормативно-правовых актах не содержится указанная классификация ЮТ, однако в некоторых учебниках гражданского права встречается деление сделок на алеаторные (рисковые) или коммутативные в зависимости от того, насколько известны

[176] https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2004-21760
[177] https://dpej.rae.es/lema/contrato-aleatorio

сторонам на момент заключения договора объем, уровень и соотношение встречного удовлетворения [Гражданское право, 2017: с. 254–255]. Следовательно, в данном случае для установления эквивалента при переводе на русский язык требуется обращение к доктринальным источникам.

Примерами квазибезэквивалентных ЮТ также выступают *arrendamiento de servicios* (досл. – «аренда услуг»), который обозначает <договор оказания услуг>, и *sociedad de gananciales* – <режим совместной собственности супругов>.

§ 5. Полиэквивалентные термины

Отдельные термины ИЮД, характеризующиеся моносемичностью, могут требовать дифференцированного перевода на русский язык с использованием нескольких ЮТ терминосистемы РЮД. Данный феномен обусловлен особенностями и традициями использования определенных русскоязычных ЮТ и устойчивых терминологических словосочетаний в РЮД. Для обеспечения корректного перевода моносемичного ИЮТ русскоязычные терминологические соответствия, как правило, устанавливаются на основе непосредственного сопоставительного анализа текстов нормативно-правовых актов, регулирующих идентичные правовые институты. Указанный источник языкового материала для рассматриваемой цели следует считать наиболее релевантным: именно в нормативных актах официально фиксируются те или иные обороты, в том числе их исторические трансформации, которые затем транслируются в иные разновидности ЮД, постепенно закрепляясь в качестве нормы языка.

Sucesión $_f$

Термин *sucesión* в DPEJ определяется как <акт преемства одного лица другому лицу в его правах и обязанностях> (*acto de suceder una persona a otra en sus derechos y obligaciones*) [178] и, следовательно, обозначает прежде всего «наследование» (или «наследственное преемство» [Серебровский, 2003: с. 40]).

Однако существительное *sucesiones*, используемое во множественном числе, при переводе на русский потребует языковых преобразований и поиска

[178] https://dpej.rae.es/lema/sucesi%C3%B3n

контекстных соответствий, обусловленных тем, что существительное «наследование» в РЮД не используется во множественном числе.

Заголовок раздела III ГК Испании[179] о наследовании *«De las sucesiones»*, с учётом аналогии содержания статей 658 ГК Испании и ст. 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)[180], следует переводить <Об основаниях наследования>, поскольку существительное «наследование» в РЮД не используется во множественном числе.

Строгость нормативного типа юридического дискурса диктует необходимость учитывать стилистические особенности и отраслевую принадлежность нормы, в которой употребляется ЮТ. Так, коллизионные нормы (нормы международного частного права), указывающие, право какого государства применимо к отношениям по наследованию, осложнённым иностранным элементом, относятся к особому виду норм права и оперируют специальной терминологией, образующей терминологическую систему международного частного права. В этой связи при переводе словосочетания *la sucesión por causa de muerte*, которое содержится в ст. 9 главы IV «Нормы международного частного права» Вводного раздела ГК Испании, следует использовать формулировку ст. 1224 раздела VI ГК РФ «Международное частное право», а именно «отношения по наследованию».

Терминологическое словосочетание *apertura de la sucesión* не представляет трудностей для перевода ввиду того, что в РЮД имеется устоявшийся эквивалент – «открытие наследства» (ст. 1113 ГК РФ). Однако следует подчеркнуть, что испаноязычный вариант термина более точен, поскольку семантически отражает начало процедуры наследования, в то время как в русском эквиваленте при буквальном толковании открывается не процесс, а само имущество. Является ошибочным буквальный перевод ЮТ как «открытие наследования», поскольку указанное словосочетание не является терминологическим в РЮД.

---

[179] https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1889-4763

[180] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/

Особую трудность для перевода представляет терминологическое словосочетание *derechos a la sucesión*, означающее права, которые <переходят с момента смерти лица его наследникам> – *se transmiten desde el momento de la muerte* (ст. 657 ГК Испании). Опираясь на моносемичность термина *sucesión* в пространстве ИЮД и выдвигая в качестве гипотезы возможность буквального перевода термина как «права наследования», следует учитывать, что в РЮД терминологическое словосочетание «право наследования» означает право получения в наследство от наследодателя имущественных прав и обязанностей [Крашенинников, 2019: с. 49]. В тексте ГК РФ содержится термин «право наследовать» (абз. первый п. 1 ст. 1161 ГК РФ): «Если наследник […] не будет иметь права наследовать…». Термин «право наследования / право наследовать» в РЮД не употребляется во множественном числе, представляя собой единое право, а точнее весь комплекс прав и обязанностей наследника в отношении наследуемого имущества. Для установления эквивалентного термина следует обратиться к РЮД и выяснить, какие именно права переходят с момента смерти наследодателя. Ответ содержится в п. 1 ст. 1110 ГК РФ: «При наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства […]». Следовательно, эквивалентами терминологического словосочетания *derechos a la sucesión* в РЮД следует считать «права на наследство / на наследственное имущество / на имущество умершего».

Русскоязычный эквивалент термина	Пример функционирования термина в ГК Испании	Пример функционирования русскоязычного эквивалента термина в ГК РФ
наследование / основание наследования	*Título III «De **las sucesiones**»* – Раздел III «Об ***основаниях наследования***» ***La sucesión** se defiere por la voluntad del hombre manifestada en testamento y, a falta de éste, por disposición de la ley. (art. 658, párr. 1º)* – ***Наследование*** осуществляется в соответствии с волей, выраженной в завещании, а в отсутствие такового – по закону. (абз. первый ст. 658)	**Наследование** осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. (абз. первый ст. 1111. **Основания наследования**)

отношения по наследованию	***La sucesión por causa de muerte*** *se regirá por la Ley nacional del causante en el momento de su fallecimiento ... (art. 9, apdo. 8) –* ***Отношения по наследованию*** определяются по праву страны, гражданство которой имел наследодатель на момент смерти ... (п. 8 ст. 9)	**Отношения по наследованию** определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства ... (п. 1 ст. 1224)
наследство (в составе терминологического словосочетания *apertura de la sucesión*)	*La decisión de pago ... no producirá efectos si no se comunica a los perceptores en el plazo de un año desde* ***la apertura de la sucesión****. (art. 844, párr. 1º) –* Решение о выплате ... не будет иметь юридическую силу, если о нем не сообщено получателям в срок, не превышающий один год со дня ***открытия наследства***. (абз. первый ст. 844)	Наследство открывается со смертью гражданина. (ст. 1113. **Открытие наследства)**
наследственное имущество / наследство / имущество умершего (в составе терминологического словосочетания *derechos a la sucesión*)	*Los derechos a la sucesión de una persona se transmiten desde el momento de su muerte. (art. 657) –* **Права в отношении наследственного имущества** лица переходят с момента его смерти.	При наследовании **имущество умершего** (**наследство, наследственное имущество**) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства […]. (п. 1 ст. 1110)

Herencia $_f$

Термин *herencia* следует переводить как <наследство>, <наследственное имущество>, <имущество умершего> (данные термины используются в качестве полных синонимов в п. 1 ст. 1110 ГК РФ) или употреблять устоявшийся доктринальный термин «наследственная масса», что подтверждается посредством сопоставления статей 659 ГК Испании и 1112 ГК РФ. Именно в таком значении термин используется в словосочетаниях «принятие наследства» – *aceptación de la herencia* и «отказ от наследства» – *repudiación de la herencia* (ст. 988 ГК Испании). В этом контексте словосочетание *aceptar la sucesión* (ст. 863 ГК Испании) – <принимать наследство> следует рассматривать в качестве метонимического употребления термина *sucesión*: «наследование» вместо «наследства».

Особый интерес для перевода представляют статьи ГК Испании, в которой термин *herencia*, используемый в словосочетаниях *llamado a la herencia* и *repudiar [la herencia]*, переводится в одном предложении как <наследство> и как <наследование>, следуя лексическим особенностям РЮД.

Русскоязычный эквивалент термина	Пример функционирования термина в ГК Испании	Пример функционирования русскоязычного эквивалента термина в ГК РФ
наследство	***La herencia*** *comprende todos los bienes, derechos y obligaciones de una persona que no se extingan por su muerte. (art. 659)* – ***Наследство*** включает в себя все имущество, права и обязанности лица, которые не прекращаются его смертью. (ст. 659)	В состав **наследства** входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности … (абз. первый ст. 1112)
наследование (в составе терминологического словосочетания *llamado a la herencia*)	*El que es llamado a una misma* ***herencia*** *por testamento y ab intestato y la repudia por el primer título, se entiende haberla repudiado por los dos. (art. 1009, párr. 1º)* – Тот, кто призывается к ***наследованию*** одновременно по закону и по завещанию и отказывается от ***наследства*** по первому основанию, считается отказавшимся от него по обоим основаниям. (абз. первый ст. 1009)	При призвании наследника к **наследованию** одновременно по нескольким основаниям (по завещанию и по закону …) наследник может принять **наследство,** причитающееся ему по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям. (абз. второй п. 2 ст. 1152)

В некоторых доктринальных источниках встречаются иные варианты перевода терминов *herencia* и *sucesión* и даже их противопоставление как означающих, соответственно, «наследование по завещанию» и «наследование по закону (правопреемство)» [Трофимец, 2020: с. 43–44].

С данным подходом трудно согласиться, поскольку из ст. 658 ГК Испании, рассмотренной выше в связи с установлением значения термина *sucesión*, следует, что данный термин применяется как к наследованию по закону (*sucesión legítima*), так и к наследованию по завещанию (*sucesión testamentaria*), и в любом случае предполагает правопреемство – переход прав и обязанностей от наследодателя к

его наследникам. Термин *herencia* действительно может переводиться как <наследование> в составе оборота *llamado a la herencia* – <призванный к наследованию>, что обусловлено исключительно традицией употребления русскоязычного эквивалента в РЮД.

Перевод термина *herencia* как «право наследования» [181] представляется дискуссионным. В п. 1 ст. 33 Конституции Испании[182] признается *derecho a la herencia* – «право наследования» (аналогично ч. 4 ст. 35 Конституции РФ[183]); следовательно, *herencia* не имплицирует право, иначе имела бы место тавтология.

Выводы по Главе III

Прагматика ЮТ всегда функциональна и зависит от факторов, связанных с личностью использующих их коммуникантов, целей коммуникации и возможностей адресанта корректно выбрать ЮТ для эффективного достижения целей коммуникации. Важное значение имеет исследование употребления терминов, при которых не достигается основная правовая цель коммуникации, возникают смысловые искажения или наблюдается нестандартное, семантически неточное использование ЮТ. Они могут отражать специфические задачи коммуникации, поставленные отправителем сообщения, что зачастую провоцирует детерминологизацию ЮТ. Кроме того, особая практическая ценность заключается в решении проблемы безэквивалентных терминов. Декодирование значения безэквивалентных терминов – это когнитивный процесс, направленный на выявление смысла, вложенного адресантом при использовании ЮТ, и обеспечение максимально точной передачи значения ЮТ посредством русскоязычных терминов, применяемых РЮД.

---

[181] Испанский язык для юристов: учебник / Отв. ред. О. Н. Лобанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 317.

[182] Constitución Española, 1978 (Última actualización publicada el 27/09/2011) [Электронный ресурс]. URL: https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con (дата обращения: 27.07.2025).

[183] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 16.05.2026).

В сфере ЮД искажение смысла при передаче значения ЮТ, как правило, обусловлено несоответствием денотата терминов в ИЯ и ЯП. Некорректность выбора термина-эквивалента в ЯП может быть скрытой и не осознаваться коммуникантами ЮД ввиду неочевидных различий семантического содержания терминов, которые по контексту использования могут показаться эквивалентами. Терминологические несоответствия, выявляемые в процессе применения положений договора, приводят к невозможности обеспечения единообразной практики толкования и применения международных договоров судами двух и более государств, что, в свою очередь, ставит в неравное положение стороны договора. Несоответствие используемых терминов может привести к невозможности действия и неприменимости договора, по крайней мере до устранения выявленных несоответствий. В случае двусторонних договоров о правовой помощи между государствами указанные обстоятельства снижают эффективность сотрудничества в сфере осуществления процессуальных действий и отправления правосудия.

Отсутствие эквивалентности при переводе ЮТ международного договора следует рассматривать как следствие одновременного влияния нескольких факторов: когнитивного искажения восприятия термина на иностранном языке, сходства терминов ИЯ и ЯП и невозможности выявления ошибки ввиду несоответствия семантического объёма ЮТ. Ввиду специфики языков и междисциплинарного характера проблемы невозможна разработка специализированных универсальных принципов юридической техники для составления аутентичных текстов международных договоров на нескольких языках, отличных от общих принципов перевода, и в каждом случае требуется поиск решений, подходящих для конкретного случая.

Двусмысленность в толковании текстов международных договоров приводит к недостижимости главной цели, которую ставят перед собой государства при их заключении, к снижению уровня доверия граждан к судам, решения которых не могут быть признаны и исполнены на территории другого государства, и в целом к ухудшению отношений между государствами. В контексте сотрудничества между

Россией и испаноязычными странами Латинской Америки в сфере правовой помощи по гражданским делам неточности перевода, допущенные при составлении текстов международных договоров, могут привести к невозможности или ошибкам применения отдельных положений, их надлежащего толкования на основе общепризнанных принципов и норм международного права и принципов международного гражданского процесса.

Поскольку ЮД служит естественной границей функционирования термина в собственном значении, в иных дискурсивных практиках ЮТ может претерпевать смысловые искажения. Функциональная прагматика детерминологизации ЮТ вне пространства ИЮД обусловлена следующими целями: осуществление воздействия на адресата посредством использования более близких, понятных широкому кругу адресатов нетерминологических слов; эмоциональная и смысловая окраска сообщения, передаваемого адресантом; намеренное создание у адресатов ассоциаций с иными понятиями и образами для реализации коммуникативной выразительности и персуазивности. Детерминологизация ЮТ в пределах ЮД связана с процессами упразднения правовых институтов, обозначаемых ЮТ; формирования новых ЮТ с семантическими трансформациями исходного ЮТ, в том числе посредством метафоризации; адаптации термина для широкого круга адресатов; стилистического подчеркивания и эмоциональной окраски.

Прагматическая специфика безэквивалентных терминов требует проведения всеобъемлющего юрислингвистического исследования с привлечением языкового материала всех субдискурсов ЮД для установления сущности понятия, обозначаемого термином. В зависимости от сопоставимости терминов и обозначаемых правовых явлений в ИЯ и ЯП выделяются полностью безэквивалентные термины, относительно (частично) безэквивалентные термины и квазибезэквивалентные, или ложно безэквивалентные термины. От отнесения ИЮТ к одной из этих групп зависит выбор стратегии использования терминов РЮД и иных дискурсивных устойчивых формул для их адекватного перевода. Кроме того, установлены случаи, когда термин ИЮД имеет несколько

эквивалентных терминов в РЮД, что обусловлено традициями функционирования конкретного ЮТ в составе устойчивых словосочетаний на русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование семантических и прагматических особенностей юридической терминологии, которые объективируются в процессе использования терминов коммуникантами в пространстве испаноязычного юридического дискурса, позволяет сделать следующие выводы.

Юридический дискурс – это сложное, многомерное явление, которое в диссертации трактуется как когнитивно-коммуникативное пространство, в котором осуществляется институционально регламентированное взаимодействие коммуникантов, ориентированное на решение профессиональных задач в области права. В юридическом дискурсе происходят процессы смыслообразования и смыслонаделения, посредством которых устанавливаются и регулируются социальные отношения и основанные на праве полномочия между государством, его институтами и гражданами. Результативность и достоверность исследований обусловлена синтезом ситуативно-функционального, когнитивно-коммуникативного и прагмалингвистического подходов, что позволяет учитывать экстралингвистические, социокультурные, психологические и иные факторы коммуникации, особенности языковой деятельности как разновидности процесса познания и мышления и одновременно социального взаимодействия, а также реализацию интенций говорящего, достижение им дискурсивных целей посредством воздействия на других коммуникантов.

Юридический дискурс представляет собой институционально-личностную дискурсивную практику, в которой большую роль играют как социальные институты, где реализуется дискурсивная коммуникация, так и индивидуальные особенности коммуникантов. Неотъемлемыми свойствами юридического дискурса, обеспечивающими эффективность и стабильность дискурсивных коммуникаций, являются институциональность, перформативность и перлокутивность, ритуальность и клишированность, терминологичность, интертекстуальность и прецедентность.

Испаноязычный юридический дискурс в качестве единого и неделимого языкового пространства профессиональной коммуникации в сфере права

инкорпорирует национальные дискурсивные пространства Испании и стран Латинской Америки ввиду общности терминологической системы, кодифицированной в 2016 г. Ассоциацией академий испанского языка (ASALE) в Паниспанском юридическом словаре (DPEJ). Однако терминология ИЮД проявляет семантические и прагматические особенности функционирования в зависимости от национальной принадлежности конкретного дискурсивного пространства её употребления.

Коммуникативное пространство юридического дискурса интегрирует различные типы профессионального дискурса, такие как нормативный дискурс, правоприменительный дискурс и доктринальный дискурс. Нормативный дискурс является ядром, основой юридического дискурса, поскольку все дискурсивные коммуникации, происходящие в иных субдискурсах, осуществляются по поводу норм права, их толкования и применения. Кроме того, именно нормативный тип юридического дискурса служит основой для проведения юридико-лингвистического анализа, подразумевающего сопоставление текстов нормативно-правовых актов и установление традиций использования ЮТ в российском и испанском законодательстве. Правоприменительный дискурс включает в себя административный и судебный дискурсы, разворачивающиеся, соответственно, в органах исполнительной и судебной власти. Доктринальный дискурс охватывает коммуникации, осуществляемые специалистами в области права в научных статьях и дискуссиях на конференциях, посвящённых актуальным проблемам права. Полидискурсивное медийное пространство следует считать информационной периферией юридического дискурса, в которой посредством публикаций в СМИ и социальных сетях на различные темы, связанные с правом, освещаются важные проблемы, связанные с необходимостью усовершенствования права или обеспечением его надлежащего применения.

Полидискурсивное медийное пространство не является субдискурсом в структуре юридического дискурса, однако позволяет сохранять открытость этого дискурса к восприятию реальных потребностей и нужд общества и государства, к реакциям социума на те или иные изменения в законодательстве, на принимаемые

судебные и административные акты, что в конечном счёте способствует онтогенезу юридического дискурса и его терминологии, охватывающему процесс возникновения, последующей трансформации содержания и возможного исчезновения различных правовых явлений, теорий, принципов и т.п. и обозначающих их терминов под влиянием объективных обстоятельств реальной жизни общества и государства.

Правильное толкование смысла, заложенного в юридических терминах, детерминируется отраслевой сферой права их дискурсивного функционирования.

Юридические термины рассматриваются в диссертации как слова или словосочетания, которые служат наиболее точной номинацией обозначаемого понятия, относящегося к сфере права как области специализированной профессиональной деятельности. Юридические термины входят в состав единой юридической терминосистемы – структурированной и упорядоченной совокупности терминов специальной области знаний, в которой действуют устоявшиеся и разветвлённые отношения между терминами. Критерием отнесения конкретной лексемы к категории термина выступает функциональный подход, который включает оценку функции, выполняемой словом в конкретной ситуации его употребления, а также его лексикографическая фиксация в специализированных терминологических словарях. В этом смысле юридический дискурс выступает в роли естественного предела функционирования юридического термина в присущем ему значении, за рамками которого он может утратить исходное семантическое содержание и претерпеть семантические трансформации.

Семантическими особенностями испаноязычных юридических терминов являются функциональные проявления полисемии, синонимии, межъязыковой омонимии и паронимии.

Полисемия объективируется как феномен терминологии ИЮД, поскольку в пространстве профессиональной коммуникации юристов ЮТ по своей природе должен иметь одно, строго соответствующее ему значение. Однако большинство полисемичных терминов проявляют разные значения в зависимости от принадлежности к той или иной отраслевой терминосистеме, в связи с чем

разрешить указанную проблему предлагается посредством дискурсивного соотнесения конкретного рассматриваемого термина с отраслевой терминосистемой. Установлено, что в рамках конкретной отраслевой терминосистемы юридический термин, как правило, однозначен.

Синонимия ИЮТ в зависимости от денотативной составляющей бывает избыточной, ложной и комбинированной. Избыточная синонимия проявляется как плюрализм обозначающего при единстве обозначаемого, ложная – как мнимое соответствие обозначающего и обозначаемого при использовании двух схожих юридических терминов, комбинированная – как сочетание избыточной синонимии двух юридических терминов в рамках одной отрасли права и ложной синонимии в контексте разных отраслевых терминосистем или лексических особенностей ИЮД в странах Латинской Америки, где существуют собственные национальные варианты испанского языка.

В зависимости от степени различия семантического содержания выделяются две группы межъязыковых паронимов: полные межъязыковые паронимы – пары слов, которые полностью различаются по значению в разных языках, и неполные межъязыковые паронимы – пары слов, для которых характерно совпадение в одном из значений и отсутствие паронимической параллели в другом значении.

Прагматические особенности терминологии испаноязычного юридического дискурса проявляются в непосредственной взаимосвязи с семантическими особенностями и имеют функциональный характер. Они связаны прежде всего с коммуникативными интенциями, которые заложены коммуникантом при кодировании сообщения, а также с эффективностью последующего декодирования. Применительно к использованию терминов коммуникацию следует считать успешной, если адресат грамотно и точно декодировал заложенный в них смысл. Причины трудностей, связанные с кодированием и декодированием содержания терминов, кроются в когнитивных и коммуникативных осечках, провоцирующих смысловые искажения и несоответствия испаноязычных и русскоязычных терминов, употребляемых в одном и том же контексте, что нередко приводит к

невозможности применить положения международных договоров и судебных решений, в которых содержится некорректно интерпретированный термин.

Детерминологизация юридических терминов в пределах юридического дискурса связана с упразднением правовых институтов или номинаций, обозначаемых юридическими терминами; формированием новых юридических терминов с семантическими трансформациями значения исходного юридического термина, в том числе посредством метафоризации. Детерминологизация юридических терминов при выходе термина за пределы юридического дискурса обусловлена интенциями воздействия на адресата посредством использования более близких, понятных широкому кругу нетерминологических лексем; созданием у адресатов ассоциаций с иными понятиями и образами для реализации коммуникативной выразительности и персуазивности; в отношении последней отметим, что не вызывает споров тезис о том, что судебное решение, будучи результатом судоговорения, всегда подвержено влиянию актов речевого воздействия участников судопроизводства, и обоснованность решения суда складывается не только из характеристик самих доказательств, но и из формы их преподнесения сторонами [Калиновская, 2020: с. 35]. Общей причиной детерминологизации внутри и вне юридического дискурса является потребность в адаптации термина для широкого круга адресатов, стилистическое выделение и эмоциональная окраска.

Решение проблемы безэквивалентности терминов достигается благодаря использованию комплексного юрислингвистического алгоритма, разработанного в диссертации и включающего несколько ключевых этапов. Во-первых, необходимо установить принадлежность рассматриваемого термина к определённой отраслевой терминосистеме юридического дискурса. Во-вторых, следует проверить дефиницию термина в специализированных источниках, таких как словарь DPEJ. В-третьих, определить правовую норму, которая содержит объяснение понятия, выраженного безэквивалентным термином или однокоренными терминами, отражающими его основные признаки. В-четвёртых, при описательном переводе следует отобразить ключевые характеристики

правового явления, обозначенного безэквивалентным термином, по возможности используя соответствующие юридические термины, функционирующие в языке перевода. В-пятых, важным контрольным этапом является обращение к языковому материалу юридического дискурса языка перевода с целью выявления аналогичных правовых явлений и установления потенциально более подходящих по смыслу терминов в языке перевода. Указанный алгоритм иллюстрирует единство и неделимость семантики и прагматики терминов и доказывает важность одновременного учета семантических и прагматических характеристик функционирования испаноязычных юридических терминов для эффективного решения проблемы безэквивалентности. Схематичное изображение разработанного алгоритма содержится в Приложении 3.

Таким образом, **диссертационное исследование подтверждает сформулированную научную гипотезу**, в соответствии с которой испаноязычный юридический дискурс функционирует как коммуникативное пространство профессионального взаимодействия юристов, которое обладает собственным когнитивно-языковым потенциалом для решения проблем, связанных с пониманием, толкованием, трансляцией и ретрансляцией смыслового содержания различных испаноязычных источников, содержащих юридические термины, которые исключительно в пространстве юридического дискурса и непосредственно в процессе дискурсивного употребления проявляют свойственные им семантические и прагматические особенности.

Исследования юридической терминологии, проводимые в междисциплинарной плоскости юрислингвистики, комплексно и гармонично сочетающей достижения и традиции двух наук, открывают новые горизонты для дальнейших исследований юридического дискурса. При решении проблем декодирования смыслов, заложенных в испаноязычных юридических терминах, а также в процессе поиска адекватного перевода на русский язык с учётом семантических и прагматических особенностей их функционирования в дискурсивном пространстве, становится очевидной неразрывная связь

лингвистики и юриспруденции, а в прикладном выражении – неразрывность лингвистического и юридического анализа терминов.

Перспективы дальнейших лингвистических исследований терминологии испаноязычного юридического дискурса, как представляется, связаны с анализом рассматриваемого дискурсивного пространства с позиции синтактики – раздела семиотики, изучающего отношения между знаками в рамках знаковой системы. Обширное пространство для дальнейших научных исследований представляют семантические и прагматические особенности национально-специфичных юридических терминов, функционирующих в дискурсивном пространстве одного или нескольких испаноговорящих государств. В этой связи проведённое диссертационное исследование отражает стремление автора выявить некие языковые универсалии, семантическую и прагматическую специфику функционирования, присущие испаноязычным юридическим терминам, которые могут послужить теоретической основой для проведения дальнейших юрислингвистических исследований испаноязычного юридического дискурса, способствовать повышению результативности сравнительно-правовых исследований, проводимых на правовом материале испаноязычных государств, а также расширить возможности эффективного юридического сопровождения международного сотрудничества со странами Ибероамериканского региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Научные статьи и монографии

1. Аверин, А. С. Популярно-юридический дискурс в англоязычном медиапространстве: от криминальных сводок к правовым интернет-сайтам / А. С. Аверин // Медиалингвистика. – 2020. – № 1. – Том 7. – С. 104–117.

2. Аветян, Н. А. Особенности перевода юридических документов на материале международных договоров / Н. А. Аветян // Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 мая 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 160–162.

3. Акуленко, В. В. О «ложных друзьях переводчика» // В. В. Акуленко. – Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика»; сост. В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова, В. Л. Юхт; под общим рук. В. В. Акуленко. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – С. 371–384.

4. Алимова, Р. Р. Активные метафорические модели в современном испанском медийном дискурсе / Р. Р. Алимова, В. В. Яковлева // Филологические науки в МГИМО. – 2021. – Т. 7. – № 5(29). – С. 8–15.

5. Апасова, Ю. Н. К вопросу понятия юридического перевода с точки зрения права / Ю. Н. Апасова // NOMOTHETICA: Философия. Социология. Право. – 2021. – Том 46. – № 1. – С. 27–35.

6. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

7. Астахова, Е. В. Особенности политического дискурса испанской партии Подемос или о важности нового смысла слов в политике / Е. В. Астахова // Россия и Иберoамерика в глобализирующемся мире: история и современность, Санкт-Петербург, 01–03 октября 2015 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Гамма, 2015. – С. 113–124.

8. Багиян, А. Ю. Детерминологизация как результат размытости границ между специальной и общеупотребительной лексикой / А. Ю. Багиян //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 7 (37): в 2 ч. Ч. II. – С. 28–33.

9. Баландина, И. Д. Когнитивный подход к описанию юридического дискурса (на примере английского языка) / И. Д. Баландина, Т. Н. Москвитина, А. А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 1 (435). – Филологические науки. – Вып. 119. – С. 21–28.

10. Барабаш, О. В. Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса / О. В. Барабаш // Rhema. Рема. – 2016. – № 3. – С. 29–46.

11. Барабаш, О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы / О. В. Барабаш // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 2 (6). – С. 14–18.

12. Бартагариева, И. И. Правовой дискурс: определение, типологическая идентификация, структура / И. И. Бартагариева // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – С. 95–101.

13. Батюшкина, М. В. Дискурсивные доминанты законотворчества : монография / М. В. Батюшкина; под ред. М. В. Горбаневского. – М.: РОО ГЛЭДИС, 2022. – 160 с.

14. Батюшкина, М. В. Законодательный текст, его адресант и адресат / М. В. Батюшкина // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 70–78.

15. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х – 1960-х г.г. – С. 159–206.

16. Бегичев, А. В., Стрельченко, Д. А. Характерные особенности наследственного права королевства Испания / А. В. Бегичев, Д. А. Стрельченко // Наследственное право. – 2019. – № 1. – С. 28–31.

17. Бейлинсон, Л. С. Дискурсивные формулы профессиональной речи / Л. С. Бейлинсон // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 5 (29). – С. 42–46.

18. Богданович, Л. А. К вопросу о детерминологизации лингвистических терминологических единиц вне научного дискурса / Л. А. Богданович // Вестник МДПУ им. И. П. Шамякина. – 2021. – № 1 (57). – С. 85–91.

19. Богомазова, В. В. Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе / В. В. Богомазова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – № 3 (22). – С. 100–104.

20. Борисова, Л. А. Юридический дискурс: основные характеристики / Л. А. Борисова // Язык. Коммуникация. Социальная среда. – 2016. – № 14. – С. 133–151.

21. Борисова, Л. А. О точности юридического перевода / Л. А. Борисова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 3. – С. 137–142.

22. Боровский, Я. М. Латинский язык как международный язык науки (к истории вопроса) / Я. М. Боровский // Проблемы международного вспомогательного языка. – М., 1991. – С. 70–76.

23. Боруленков, Ю. П. Содержание, сущность и свойства юридического познания в юрисдикционной деятельности / Ю. П. Боруленков // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 10. – С. 177–196.

24. Боруленков, Ю. П. Дискурс как метод юридического познания и доказывания. Ч. 1. Юридический дискурс как элемент формирования механизма социального контроля / Ю. П. Боруленков // Мировой судья. –2013. – № 11. – С. 16–22.

25. Бошно, С. В. Толкование норм права / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2013. – № 4. – С. 17–25.

26. Будылин, С. Л. «Большой палец вверх» – акцепт или оскорбление? Эмодзи, семиотика и право / С. Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 8. – С. 68–97.

27. Бульба, А. А. Глагольные перифразы в испанском юридическом дискурсе / А. А. Бульба // Оригинальные исследования. – 2022. – Т. 12, № 8. – С. 5–19.

28. Бюиссанс, Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь, дискурс, язык / Э. Бюиссанс // Политическая наука. – 2016. - № 3. – С. 209–216. Переведено по: Buyssens E. De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: La parole – le discours – la langue // Acta Linguistica. – Copenhague, 1942. – Vol. 3, Iss. 1. – P. 17–23.

29. Валиуллина, И. Ф. Лексико-семантическое поле юридического термина juez в испанском языке / И. Ф. Валиуллина // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sfk-mn.ru/PDF/40FLSK424.pdf.

30. Верещинская, Ю. В. Классификации газетных заголовков в испанском публицистическом дискурсе / Ю. В. Верещинская // Иберoамериканские тетради. – 2015. – № 2(8). – С. 67–71.

31. Вежновец, В. Н. Конструирование международных договоров / В. Н. Вежновец // Философия права. – 2018. – № 2(85). – С. 126–132.

32. Виноградов, И. А. Свойства, функции и языковые черты юридического дискурса / И. А. Виноградов // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2018. – 2018. – № 1 (51). – С. 124–129.

33. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы. – Т. V: Сб. статей по языкознанию. – М., 1939. – С. 3–54.

34. Воронцова, И. С. Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе: лингвопрагматический аспект / И. С. Воронцова // Филологические науки в МГИМО. – 2021. – № 2. – Т. 7. – С. 128–138.

35. Вострикова, Е. В. Семантика vs прагматика: современные подходы / Е. В. Вострикова // Эпистемология & философия науки. – 2011. – Т. XXX. – № 4. – С. 99–115.

36. Гак, В. Г. Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии / В. Г. Гак // Семиотические проблемы языков науки,

терминологии и информатики : тезисы науч. конф. – М.: Издательство Московского университета, 1971. – С. 68–71.

37. Галяшина, Е. И. Семиотика эмотиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы / Е. И. Галяшина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 2. – С. 41–48.

38. Гамзатов, М. Г. Юридический перевод: лингвистика, юриспруденция, правоведение. Библиографический указатель / М. Г. Гамзатов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2018. – 219 с.

39. Гарашко, А. Ю. Правовой дискурс как интегративный фактор формирования метасистемы права / А. Ю. Гарашко // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 19–23.

40. Гнатюк, О. А. Грамматические различия в языковых системах испанского и русского языков как основа возникновения интерференции / О. А. Гнатюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2019. – Т.12. – Выпуск 8. – С. 202–205.

41. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1999. – № 1. – С. 11–58.

42. Голованова, Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий / Е. И. Голованова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – Вып. 73. – С. 32–35.

43. Григорян, С. С. Специфика словарной реализации понятия «pueblo» в юридическом дискурсе (на материале конституции Королевства Испания) / С. С. Григорян // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Карповская, А. Сантана Аррибас. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – С. 302 – 305.

44. Грошева, А. А. К вопросу об асимметрии терминологического знака в медицинской терминологии / А. А. Грошева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – № 2(2). – С. 449–452.

45. Гуров, А. Н. Маркеры "достоверности" как средство выражения эпистемической модальности в латиноамериканском варианте испанского языка / А. Н. Гуров // Военно-гуманитарный альманах : Материалы XVIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Военный университет Минобороны России, 28 июня 2024 года. – Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. – С. 239–243.

46. Давтян, Ю. В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке / Ю. В. Давтян, Е. В. Крюкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 22, № 5. – С. 51–59.

47. Дединкин, А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука / А. Л. Дединкин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – № 1. – Т. 23. – С. 220–228.

48. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сборник работ / Т. А. ван Дейк; сост. В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

49. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и знание / Т. А. ван Дейк; пер. с англ. яз. Е. Кожемякин. – Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013(а). – № 13 (156). – С. 5–23.

50. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк; пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013(б). – 344 с.

51. Дементьев, А. В. Испанский язык. Испания: политика, экономика, культура : лингвострановедческий практикум / А. В. Дементьев, Н. А. Дементьева ; под ред. О. Б. Чибисовой. – М.: МГИМО-Университет, 2025. – 228 с.

52. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 31–44.

53. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т. В. Дубровская. – М.: Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.

54. Ежова, Е. Н. Артефакты культуры как источник интертекстуальности креолизованного рекламного дискурса / Е. Н. Ежова // Медиалингвистика. Язык в массмедиа: материалы VI международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г.). – СПб.: Медиапапир, 2022. – С. 469–473.

55. Ефимов, Д. А. Юридические термины в испанских нормативно-правовых актах. Трудности перевода / Д. А. Ефимов // Научно-практический альманах «Курсантский вестник: вопросы филологии и лингвистики» : Сборник статей / Под общ. ред. М. В. Полубояровой. – Выпуск 2. – М.: Военный университет, 2023. – С. 267–273.

56. Жукова**,** С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка *как хочешь, как знаешь* в диахроническом аспекте / С. Ю. Жукова // Acta Linguistica Petropolitana. – 2019. – Том XV. – Часть 3. – С. 295–319.

57. Заложных, В. В. Источники и предпосылки возникновения понятия «дискурс» и дискурсивного направления исследований в лингвистике / В. В. Заложных // Функционирование языковых феноменов в системе дискурса : коллективная монография; под общ. ред. Е. В. Вохрышевой. – Самара, СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2017. – С. 11–24.

58. Золян, С. Т. Что есть дискурс? Возвращаясь к «потаенному» Соссюру / С. Т. Золян // Иностранные языки в высшей школе. – 2023. – № 4 (67). – С. 6–11.

59. Золян, С. Т. Дискурс, язык, языковая деятельность / С. Т. Золян // Метод. – 2020. – № 10. – С. 212–242.

60. Зубкова, Е. В. Гендерная инклюзивность в официальном испаноязычном дискурсе / Е. В. Зубкова, А. О. Котельникова, М. А. Киловатая // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. – № 4.

61. Иванов, Н. В. Смысловые оппозиции в переводе: образ – прагматика – референция / Н. В. Иванов // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – Т. 4. – № 16. – С. 61–68.

62. Иванов, Н. В. Феномен и понятие дискурса в современной онтологии языка / Н. В. Иванов, М. Н. Федулова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 199–206.

63. Иванова, Е. В. Лексика аффинажного производства в свете теории поля / Е. В. Иванова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3 (34). – С. 389-392.

64. Иванова, С. В. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культуроносности / С. В. Иванова, З. З. Чанышева // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 154–166.

65. Иовенко, В. А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. Учебник / В. А. Иовенко. – М.: ЧеРо, 2005. – 132 с.

66. Иовенко, В. А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография / В. А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 219 с.

67. Калинина, Е. Ю. Язык живописного произведения как инструмент формирования идентичности и правового сознания в Испании в процессе становления национальной государственности в конце XV в. / Е. Ю. Калинина // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Карповская, А. Сантана Аррибас. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – С. 373–376.

68. Калиновская, В. В. Речевое воздействие в юридическом дискурсе / В.В. Калиновская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 1. – С. 32–36.

69. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.

70. Карасик, В. И. Ритуальный дискурс / В. И. Карасик // Жанры речи. – 2002. – № 3. – С. 157–171.

71. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. – С. 25–33.

72. Кибрик, А. А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

73. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.

74. Киндеркнехт, А. С. Особенности перевода юридических текстов // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 123–127.

75. Клепиковская, Н. В. Семантические исследования в терминологии / Н. В. Клепиковская // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2 (9). – в 3-х ч. – Ч. I. – С. 105–111.

76. Клишас, А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование / А. А. Клишас. – М.: Международные отношения, 2015. – 560 с.

77. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.

78. Кожемякин, Е. А. Тексты институциональной культуры: дискурсивное измерение / Е. А. Кожемякин // Человек. Культура. Образование. – 2012. – № 3 (5). – С. 14–25.

79. Кожемякин, Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Е. А. Кожемякин // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвуз. сборник науч. тр. – Кемерово, 2011. – С. 131–145.

80. Команджаев, Е. А. К вопросу о справедливости в праве / Е. А. Команджаев, Н. В. Ятаева // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. – 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 54–61.

81. Корниевская, Т. К. Термин как объект исследования в лингвистике / Т. К. Корниевская // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 5–1. – С. 234–237.

82. Косарева, И. А. Необходим ли институт помолвки в России: история русского законодательства и опыт законодательств иностранных государств (на

примере Германии) / И. А. Косарева // Власть и управление на Востоке России. – 2007. – № 2 (39). – С. 99–104.

83. Косоногова, О. В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного / О. В. Косоногова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 2. – С. 188–192.

84. Крапивкина, О. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства / О. А. Крапивкина, Л. А. Непомилов // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://human.snauka.ru/2014/09/7855.

85. Крашенинников, П. В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 302 с.

86. Кривоносова, Н. В. К характеристике терминологии прикладных юридических наук испаноязычной юриспруденции / Н. В. Кривоносова // Вестник ВГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 111–116.

87. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Институт языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.

88. Кудряшова, С. В. К вопросу о специфике юридического перевода (на материале немецкого, французского и испанского языков) / С. В. Кудряшова, М. Г. Калинина // Известия Саратовского университета. – Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23. – Выпуск 1. – С. 23–28.

89. Кудряшова, С. В. Англоязычные заимствования в испанском юридическом дискурсе / С. В. Кудряшова // Язык и мир изучаемого языка. – 2014. – № 5. – С. 101–107.

90. Кухно, И. Ю. Подходы к классификации терминов / И. Ю. Кухно // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 3-1(27). – С. 71–83.

91. Лантюхова, Н. Н. Термин: определение понятия и его сущностные признаки / Н. Н. Лантюхова, О. В. Загоровская, Т. А. Литвинова // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – 2013. – Вып. 1 (6). – С. 42–45.

92. Ларионова, М. В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? / М. В. Ларионова. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – 327 с.

93. Ларионова, М. В. Трудности перевода терминологии в контексте анализа нормативного типа испанского юридического дискурса / М. В. Ларионова, А. Д. Фокина // Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 6. – С. 40–52.

94. Ларионова, М. В. Обещание жениться как часть национального лингвокультурного пространства (на примере русскоязычного и испаноязычного юридического, медийного и бытового дискурсов) / М. В. Ларионова, А. Д. Фокина // Cuadernos de Rusística Española. – 2024. – № 20. –С. 49–67.

95. Ларионова, М. В. Латиноамериканский цивилизационный дискурс: топонимы как паттерны культурной идентичности / М. В. Ларионова // Язык и культура. – 2024. – № 67. – С. 32–57.

96. Ларионова, М. В. Ритуальность как типологическая характеристика юридического дискурса: семиотическое измерение / М. В. Ларионова, А. Д. Фокина // Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 1. – С. 51–66.

97. Ларионова, М. В. Семиотика эмотиконов и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации / М. В. Ларионова, А. В. Демкина // Вестник РУДН. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 1178–1200.

98. Ларионова, М. В. Современный политический дискурс: семиотические коды интернет-коммуникации / М. В. Ларионова. – М.: Издательский дом МГИМО, 2026(а). – 349, [2] с.

99. Ларионова, М. В. Морфология и семантика словообразовательной метафоры в испанском медийном дискурсе / М. В. Ларионова, Г. С. Романова // Филологические науки в МГИМО. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 47–59.

100. Ларионова, М. В. Латиноамериканские экзоэтнонимы: лингвокогнитивные особенности идентификации в пространстве коллективного социального воображаемого / М. В. Ларионова, Е. В. Крюкова, Ю. В. Давтян // Научный диалог. – 2025. – Т. 14. – № 10. – С. 145–166.

101. Ларионова, М. В. Артефакт как семиотический знак когнитивного пространства политического дискурса / М. В. Ларионова // Когнитивные исследования языка. – 2026(б). – № 3-1 (68). – С. 298–302.

102. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

103. Литовченко, В. И. Семантические особенности термина / В. И. Литовченко // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. – 2006. – № 2. – С. 185–186.

104. Литус, В. П. Гендерная и политкорректная лексика в испаноязычной публицистике и официальных документах / В. П. Литус // Испанские темы и формы: искусство, культура и общество / Temas y formas hispanicas: arte, cultura y sociedad : сборник тезисов докладов Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 26–28 ноября 2013 года / Санкт-Петербургский государственный университет; Университет Наварры, ГРИСО. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. – С. 100–101.

105. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества : монография / Д.С. Лихачев. – Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. – 160 с.

106. Лобковская, Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») / Л. П. Лобковская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 20 (274). – Вып. 67. – С. 79–87.

107. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

108. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М.: Издательство АН СССР, 1961. – 160 с.

109. Макарычева, А. В. Игра слов в испаноязычном рекламном дискурсе / А. В. Макарычева, Е. В. Смирнова // Филологические науки в МГИМО. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 177–188.

110. Макович, Г. В. Институциональные аспекты юридического дискурса / Г. В. Макович // Социальное управление. – 2023. – Т. 5. – № 12. – С. 555–556.

111. Манакин, В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – Киев: Знания, 2004. – 326 с.

112. Манерко, Л. А. Основополагающие методы когнитивно-дискурсивного терминоведения / Л. А. Манерко // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 2. – Часть 2. – С. 390–405.

113. Матюшенко, Н. Л. Создание экспрессии в экономическом дискурсе испанской публицистики / Н. Л. Матюшенко, Е. С. Коржукова // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 1(21). – С. 59–68.

114. Медведев, С. Н. Введение в гражданское право Испании / С. Н. Медведев. – Ставрополь: АГРУС, 2017. – 138 с.

115. Мешкова, И. Н. Техника перевода юридических текстов и юридическая лингвистика / И. Н. Мешкова // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 219–223.

116. Миловидов, В. А. Категория перформативности в контексте проблематики юридического дискурса / В. А. Миловидов, А. В. Бородина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2017. – № 4. – С. 28–36.

117. Михайловская, О. В. Лицо, находящееся в беспомощном состоянии, как признак квалифицированных составов преступлений / О. В. Михайловская // Научный портал МВД России. – 2021. – № 3 (55). – С. 32–38.

118. Михеева, Н. А. Частный случай синонимии в экономическом дискурсе испаноязычной прессы / Н. А. Михеева // Филология и культура. – 2020. – № 1(59). – С. 86–93.

119. Моисеенко, Л. В. В поисках межъязыковых соответствий в юридическом переводе (на материале испанского языка) / Л. В. Моисеенко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 11(111). – С. 38–46.

120. Моисеенко, Л. В. Обучение пониманию термина (на примере юридической терминологии) / Л. В. Моисеенко // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики : Материалы Седьмой международной научно-практической конференции, Москва, 11–14 декабря 2023 года. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2025. – С. 299–304.

121. Моисеенко, Л. В. Таксономия лингвистических исследований в области юридического дискурса / Л. В. Моисеенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2017. – № 6(785). – С. 99–105.

122. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. – М.: «Радуга». – 1983. – С. 37–89.

123. Мосина, С. К. Кибердемократия – новый феномен в социолингвистике Испании / С. К. Мосина // Филологические науки в МГИМО. – 2019. – № 1(17). – С. 108–119.

124. Мурзин, Ю. П. Прецедентное имя: из сфер-источников «литература» и «кино» в сферу-мишень «политический дискурс» (на материале СМИ Испании) / Ю. П. Мурзин // Филологические науки в МГИМО. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 32–47.

125. Никитин, А. П. Проблема разделения констативов и перформативов в контексте социальной онтологии / А. П. Никитин // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2018. – №. – С. 67–70.

126. Николаев, А. И. Философский анализ роли артефакта в культуре / А. И. Николаев // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 3. – С. 187–196.

127. Новикова, Е. Р. Юридический дискурс как предмет изучения и преподавания на занятиях по иностранному языку специальности / Е. Р. Новикова, О. Г. Поляков, Н. В. Хаусманн-Ушкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2020. – Том 25. – № 189. – С. 31–38.

128. Новикова, М. Г. Понятие «юридический дискурс» с переводческой точки зрения / М. Г. Новикова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 11-2. – С. 140–144.

129. Оглезнев, В. В. Перформативный характер языка права и конструирование правовой реальности / В. В. Оглезнев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 3. – С. 87–98.

130. Огородов, М. К. Межъязыковая догадка, как метод в преподавании юридического перевода для юристов -международников / М. К. Огородов, Е. А. Самородова, И. Г. Беляева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 6–2. – С. 77–81.

131. Орлов, В. Г. Российский правовой дискурс / В. Г. Орлов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 4. – С. 21–36.

132. Палашевская, И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников / И. В. Палашевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010(а). – Т. 12. – № 5(2). – С. 535–540.

133. Палашевская, И. В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты / И. В. Палашевская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Серия «Филологические науки». – 2010(б). – № 6 (50). – С. 28–32.

134. Палашевская, И. В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права / И. В. Палашевская // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 144–156.

135. Палашевская, И. В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход / И. В. Палашевская // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – Вып. 2. – С. 146–151.

136. Пензева, Е. П. «Экспозитивный» способ организации дискурса / Е. П. Пензева // Казанская наука. – 2021. – № 6. – С. 105–107.

137. Передриенко, Т. Ю. Изучение процесса детерминологизации через корпусные исследования / Т. Ю. Передриенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 35–41.

138. Пильщикова, О. А. Речевое взаимодействие адвоката и свидетеля в испанском юридическом дискурсе / О. А. Пильщикова // Современная лингвистика: ключ к диалогу : Труды и материалы IV Казанского международного

лингвистического саммита. В 3-х томах, Казань, 13–15 декабря 2023 года. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. – С. 421–423.

139. Пономаренко, Е. В. Прагматическое воздействие как базовая функция английского делового дискурса / Е. В. Пономаренко // Филологические науки в МГИМО. – 2017. – № 4(12). – С. 55–62.

140. Попова, Е. В. Природа судебного дискурса / Е. В. Попова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 6 (194). – С. 24 –29.

141. Потанина, А. В. Межъязыковая паронимия близкозвучных образований русского и немецкого языков / А. В. Потанина // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2006. – Том 148. – Кн. 2. – С. 128–134.

142. Раевская, М. М. Испанский язык в современном историческом контексте: ответы на вызовы XXI века / М. М. Раевская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 4. – С. 109–121.

143. Рекош, К. Х. Влияние толкования на правовой дискурс / К. Х. Рекош // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 6 (21). – С. 209–216.

144. Рекош, К. Х. Концептуализация правового дискурса на пути к нормативности / К. Х. Рекош // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. – 2016(а). – № 1. – С. 20–25.

145. Рекош, К. Х. Переводческий компромисс как решение асимметрии в правовом дискурсе / К. Х. Рекош // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: сб. статей по итогам международных конференций. – М.: МГИМО-Университет, 2016(б). – С. 219–241.

146. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский; под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

147. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 46–54.

148. Романова, Г. С. К вопросу о терминах в испанском языке / Г. С. Романова // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 2 (11). – С. 239–246.

149. Ромашко, Т. В. Постструктуралистская теория дискурса и ее методы исследования социокультурной реальности / Т. В. Ромашко, О. Ю. Гурова // Социодинамика. – 2022. – № 10. – С. 46–59.

150. Садиков, А. В. Испанский язык сквозь призму лексики. Лексикология испанского языка / А. В. Садиков. – М.: URSS, 2023. – 416 с.

151. Садиков, А. В. Испанский язык сквозь призму лексики. Проблемы испанской и испанско-русской лексикографии / А. В. Садиков. – М.: URSS, 2019. – 328 с.

152. Салтыков, К. Г. Прагматические свойства юридических терминов / К. Г. Салтыков // Современное право. – 2015. – № 8. – С. 26–31.

153. Самородова, Е. А. Иностранный язык специальности в становлении профессиональной идентичности юристов-международников / Е. А. Самородова, Т. А. Симонян // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 8. – № 2. – С. 217–223.

154. Сахарова, Е. Е. Ритуальность как признак перформативного дискурса / Е. Е. Сахарова // Вестник Курганского гос. ун-та. – 2019. – № 1 (52). – С. 63–65.

155. Серебровский, В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В. И. Серебровский. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2003. – 558 с.

156. Силанова, М. А. Медиатизация юридического дискурса [Электронный ресурс] / М. А. Силанова // Медиаскоп. – 2014. – № 4. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/1643

157. Скоробогатов, А. В. Ценностная детерминация юридического дискурса / А. В. Скоробогатов // Правовая культура. – 2019. –№ 2 (37). – С. 30–38.

158. Слюсарева, Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики / Н. А. Слюсарева; отв. ред. В. Н. Ярцева. Изд. 4-е, стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 112 с.

159. Смирнова, И. В. Русский и испанский политический дискурс: вербализация концептов «народ» и «власть» / И. В. Смирнова // Испанистика в эпоху цифровизации : материалы V Международного Конгресса испанистов России, Восточной Европы и Центральной Азии, Москва, 20–22 октября 2021 года / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2023. – С. 156–161.

160. Солнцева, А. В. Романские языки: история формирования и проблемы классификации / А. В. Солнцева // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 3 (22). – С. 124–133.

161. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / под ред. М. А. Обориной; пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

162. Степанов, Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. Изд. 2-е, стереотип. / Г.В. Степанов. – М.: ЛЕНАНД, 2022. – 208 с.

163. Степанов, С. А. Полисемия термина как сущность прототипического характера / С. А. Степанов, М. В. Полубоярова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 99–101.

164. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сборник статей. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35–73.

165. Сторожев, А. Н. Защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в Испании (процедура ампаро) / А. Н. Сторожев // Актуальные проблемы конституционного права России и зарубежных стран. – 2014. – № 12 (49). – С. 2734–2741.

166. Табанакова, В. Д. Семантика, синтактика и прагматика термина-знака в переводном словаре / В. Д. Табанакова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – С. 3–9.

167. Телия, В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В. Н. Телия // Филология и культура: материалы II международной конференции; под ред. Н. Н. Болдырева. – Тамбов: Издательство ТГУ, 1999. – С. 14–15.

168. Трофимец, И. А. Наследственные права пережившего супруга (вдовы, вдовца) по законодательству Испании / И. А. Трофимец // Наследственное право. – 2020. – № 1. – С. 43–47.

169. Федулова, М. Н. Юридический дискурс как социальный и языковой феномен: уровни научной интерпретации / М. Н. Федулова // Филологические науки в МГИМО. – 2015. – № 4. – С. 47–59.

170. Фирсова, Н. М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. Изд. 2-е / Н. М. Фирсова. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 176 с.

171. Фокина, А. Д. Права пережившего супруга при наследовании по закону в России, Франции и Испании: сравнительно-правовой анализ / А. Д. Фокина // Московский журнал международного права. – 2018. – № 2. – С. 138–149.

172. Фокина, А. Д. К проблеме эквивалентности и толкования терминов аутентичных текстов Договора о правовой помощи по гражданским делам (Мадрид, 1990 г.) на русском и испанском языках / А. Д. Фокина, С. А. Данилова // Юрислингвистика. – 2024. – № 34. – С. 140–146.

173. Фокина, А. Д. Лингвопрагматика концепта «derecho/право» в испаноязычном и русскоязычном дискурсивном пространстве / А. Д. Фокина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2025. – Т. 25. – № 6. – С. 51–62.

174. Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. сл. А. С. Колесникова. – СБп.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

175. Фуко, М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

176. Хамнуев, Ю. Г. О существующих определениях термина «законодательство» в отечественном правоведении / Ю. Г. Хамнуев // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 1. – С. 17–21.

177. Харламенкова, Н. Е. Психологическая сепарация: феномен, понятие, концепция / Н. Е. Харламенкова // Разработка понятий в современной психологии. – 2019. – С. 346–371.

178. Хворостов, А. Ю. Юридический язык и язык юриста / А. Ю. Хворостов // Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 168–171.

179. Хижняк, С. П. Юридический перевод как вид специального перевода / С. П. Хижняк // Вестник ПНИПУ. – 2022. – № 3. – С. 20–30.

180. Хомутова, Т. Н. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования / Т. Н. Хомутова, Е. А. Шефер // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 44–53.

181. Храмцова, Н. Г. Комплексный дискурсивный анализ правового дискурса / Н. Г. Храмцова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009(а). – № 1. – С. 59–62.

182. Храмцова, Н. Г. Правовое мышление и язык права – объективные основания правового дискурса / Н. Г. Храмцова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009(б). – № 1. – С. 54–58.

183. Храмцова, Н. Г. Ценности и ценностные ориентации правового дискурса / Н. Г. Храмцова // Общество и право. – 2005. – № 4 (10). – С. 158–159.

184. Храмцова, Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения : монография / Н. Г. Храмцова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун.-та, 2012. – 180 с.

185. Храмцова, Н. Г. К вопросу об обосновании теории правового дискурса / Н.Г. Храмцова // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 19–22.

186. Храмцова, Н. Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации / Н. Г. Храмцова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 1. – С. 167–173.

187. Храмцова, Н. Г. Правовой дискурс в теории права / Н. Г. Храмцова // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 80–84.

188. Храмцова, Н. Г. Правовой дискурс и дискурсивность права / Н. Г. Храмцова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5 (68). – С. 57–61.

189. Храмцова, Н. Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности : монография / Н. Г. Храмцова. – Курган: Изд–во Курганского гос. ун–та, 2010. – 396 с.

190. Храмцова, Н. Г. Терминологическая система правовой науки и факторы образования понятия «правовой дискурс» / Н. Г. Храмцова // Вопросы российского и международного права. – 2018. – № 12А. – Том 8. – С. 41–50.

191. Храмцова, Н. Г. Правовой дискурс: проблемы формирования методологии в современной науке о праве и государстве / Н. Г. Храмцова // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 5. – С. 133–136.

192. Храмченко, Д. С. Синергизм персуазивной прагматики в английском дискурсе масс-медиа / Д. С. Храмченко, А. В. Радюк // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – № 4 (16). – С. 38–44.

193. Храпова, В. А. Юридический дискурс в условиях современной социальной трансформации / В. А. Храпова // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 148–153.

194. Хустенко, А. А. Профессиональный дискурс юристов: неофициальные формы коммуникации (на материале сообществ социальных сетей) / А. А. Хустенко, Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 473. – С. 89–100.

195. Цуканова, Е. В. Юридический дискурс в аспекте институциональной специфики: лингвистический аспект / Е. В. Цуканова // Вестник ТГПУ. – 2020. – № 5 (211). – С. 96–102.

196. Чернышев, А. В. Юридический дискурс и его основные характеристики / А. В. Чернышев // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2016. – № 2. – Том 2. – С. 22–28.

197. Чеснокова, О. С. Колумбия в мире испанского языка. Изд. 3, испр. и доп. / О. С. Чеснокова. – М.: ЛЕНАНД, 2021(а). – 118 с.

198. Чеснокова, О. С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О. С. Чеснокова. – М.: ЛЕНАНД, 2021(б). – 240 с.

199. Чибисова, О. Б. Обучение юридическому переводу: грамматика испанского юридического текста / О. Б. Чибисова // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права: сб. статей по итогам международных конференций. – М.: МГИМО-Университет, 2016(а). – С. 242–255.

200. Чибисова, О. Б. Синтаксис испанского юридического текста как причина когнитивных затруднений при переводе / О. Б. Чибисова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-1(57). – С. 281–284.

201. Чибисова, О. Б. Синтаксис испанского юридического текста: опыт компьютерного перевода / О. Б. Чибисова // Язык. Культура. Перевод: лаборатория актуальных смыслов : Сборник научных трудов, Одинцово, 16–17 февраля 2023 года / Под редакцией В.А. Иконниковой, Е.В. Глушко, Н.А. Гусейновой. Том Часть 2. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2023. – С. 21–26.

202. Чибисова, О. Б. Грамматика испанского юридического текста: вводные слова и предложения / О. Б. Чибисова // Ибероамериканские тетради. – 2016(б). – № S1. – С. 486–495.

203. Чигашева, М. А. Терминологический аспект политического дискурса СМИ Германии / М. А. Чигашева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 358–366.

204. Шарафутдинова, Н. С. О понятиях «Терминология», «Терминосистема» и «Терминополе» / Н. С. Шарафутдинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6 (60). – С. 168–171.

205. Шевцова В. М. Дискурс как объект исследования в прагматике // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методики его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2015. – Т. 1. – С. 482–486.

206. Шевченко, О. Латинские заимствования и их функции в языке современных печатных СМИ России и Испании / О. Шевченко // Cuadernos de Rusística Española. – 2012. – № 8. – С. 87–94.

207. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 328 с.

208. Шепелёв, А. Н. Характеристика юридического языка / А. Н. Шепелёв // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 1 (035). – С. 217–221.

209. Шлепнев, Д. Н. Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология / Д. Н. Шлепнев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2(80). – Ч. 1. – С. 185–188.

210. Шорников, Д. В. Первый взгляд на испанский гражданский кодекс / Д. В. Шорников // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2(49). – С. 90–95.

211. Шубина, Э. Л. Хедж-аппроксиматоры как профессиональные инструменты немецкого публицистического дискурса / Э. Л. Шубина // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 83–98.

212. Шубина, Э. Л. Вариативное падежное маркирование в публицистическом дискурсе Германии / Э. Л. Шубина // Вопросы прикладной лингвистики. – 2023. – № 51. – С. 60–87.

213. Abad Arenas, E. La promesa de matrimonio en el Código civil español: revisión del régimen jurídico y de las consecuencias patrimoniales del incumplimiento de los esponsales [Электронный ресурс] / E. Abad Arenas // La Rivista Comparazione e diritto civile. – 2019. – P. 1–38 – Режим доступа: https://www.comparazionedirittocivile.it/data/uploads/colonna%20sinistra/3.%20famiglia/arenas_promesa2012.pdf.

214. Álvarez, G. E. La enseñanza del discurso jurídico oral y escrito en la Carrera de Abogacía / G. E. Álvarez // Revista sobre enseñanza del Derecho. – 2008. – № 11. – P. 137–148.

215. Ariño, B. Esponsales y promesa de matrimonio [Электронный ресурс] / B. Ariño, M. Faus // vLex, 2024. – Режим доступа: https://vlex.es/vid/esponsales-promesa-matrimonio-568783666.

216. Austin, J. L. How to do things with words. The William James Lectures Delivered in Harvard University in 1955. Oxford: Oxford University Press / J. L. Austin. – Oxford: Oxford University Press, 1962.

217. Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale. V.2. – Paris, 1974. – 296 p.

218. Bossini, L. A. El sentido del Derecho. La finalidad del mundo jurídico / L. A. // Prudentia Iuris. – 2022. – № 93. – P. 249–267.

219. Bueno Ochoa, L. Una selección de expresiones y términos en latín de uso forense / L. Bueno Ochoa // Habilidades prácticas para juristas; dir. C. Martínez-Sicluna y Sepúlveda. – Madrid: Editorial Dykinson, 2022. – P. 181–213.

220. Buyssens, E. Les langages et le discours. Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. – Bruxelles: Office de Publicité, 1943. – 98 p.

221. Chibisova, O. Gramática del texto jurídico español: la difícil comprensión de las sentencias judiciales / O. Chibisova // Иберoамериканские тетради. – 2018. – № 3(21). – C. 77–81.

222. Coaguila Valdivia, J. F. El análisis discursivo del derecho / J. F. Coaguila Valdivia // Isonomía. – 2005. – № 23. – P. 165–177.

223. Corti, H. G. La forma básica del discurso jurídico / H. G. Corti. – Lecciones y Ensayos. № 67/68. – Buenos Aires: ABELEDO-PERROT S.A., 1997. P. 105–145.

224. Escandell Vidal, M. V. Introducción a la pragmática. Nueva edición actualizada / M. V. Escandell Vidal. – Barcelona: Editorial Ariel, 1996. – 251 p.

225. Escandell Vidal, M. V. La comunicación. Lengua, cognición y sociedad / M. V. Escandell Vidal. – Madrid: Akal, 2014. – 154 p.

226. Font, M. A. Guía de estudio de contratos civiles y comerciales / M. A. Font. – 15ª ed. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Estudio, 2024. – 416 p.

227. Fuentes Rodríguez, C. Aproximación a la estructura del texto. Málaga: Ágora, 1996.

228. Fuentes Rodríguez, C. La organización informativa del texto. Madrid: Arco Libros, 1999.

229. Fuentes Rodríguez, C. Lingüística pragmática y Análisis del Discurso. Madrid: Arco Libros, 2000.

230. Gárate Amoroso, J. Léxico jurídico. Antecedentes y perspectivas / J. Gárate Amoroso // Revista de Investigación en Ciencias Jurídicas LEX. – 2021. – V. 4. – № 14. – P. 300–312.

231. Gettial Perengüez, J. C. Hacia la modernización y mejor comprensión del lenguaje jurídico / J. C. Gettial Perengüez // Lenguaje jurídico, filosofía del derecho y teoría jurídica. – Rubén Alberto Duarte Cuadros, ed. – Bogotá: Universidad Libre, 2019. – P. 13–17.

232. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.

233. Hibbitts, B. J. Making Motions: The Embodiment of Law in Gestures / B. J. Hibbitts // Journal of Contemporary Legal issues. – 1995. – Vol. 6. – P. 51–81.

234. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – Second edition. – London, New York: Verso, 2001. – 198 p.

235. Leech, G. N. Principles of Pragmatics. – London & New York: Longman Linguistics Library, 1983.

236. López y López, Á.M. Derecho de familia / López y López, Á.M. & Valpuesta Fernández, R. – Valencia: Tirant lo Blanch, 2017. – 235 p.

237. Martí Sánchez, M. La compleja identidad del léxico jurídico / M. Martí Sánchez // Estudios de Lingüística Universidad de Alicante. – 2004. – № 18. – P. 169–189.
https://ebuah.uah.es/dspace/bitstream/handle/10017/6881/Compleja%20identidad.pdf?sequence=1&isAllowed=y

238. Moreu Carbonell, E. Nuestro lenguaje: el giro lingüístico del derecho / E. Moreu Carbonell // Revista de Derecho Público: Teoría y Método. – 2020. – Vol. 1. – P. 313–362.

239. Pro Martínez, L. Conociendo el delito de genocidio / L. Pro Martínez // Lex criminalis. – 2025. – № 7. – C. 34–44.

240. Quintá Goy, C. La lingüística y el derecho. Un análisis desde la perspectiva de género [Электронный ресурс] / C. Quintá Goy // Revista Digital De Políticas Lingüísticas. – 2022. – № 16. Режим доступа: https://revistas.unc.edu.ar/index.php/RDPL/article/view/39528

241. Ramis Barceló, R. Historia del léxico jurídico / R. Ramis Barceló // Ius et Praxis. – 2011. – № 1. – V. 17. – P. 333–338.

242. Ribeiro, G. Las funciones retóricas del discurso jurídico / G. Ribeiro // Revista de Derecho. – Segunda época. – № 8. – 2013. – P. 235–256.

243. Robles, G. El Derecho como texto. Cuatro estudios de Teoría Comunicacional del Derecho / G. Gregorio. – Madrid: Cuadernos Cívitas, 1998. – 376 p.

244. Rodríguez Llamosí, J. R. Refranero de picapleitos y otros menesterosos de la Justicia / J. R. Rodríguez Llamosí // Revista Nueva Etapa. – 2020. – № 87. – P. 79–90.

245. Sánchez de Ramírez, I. Coherencia y Órdenes Discursivos [Электронный ресурс] / I. Sánchez de Ramírez // Letras. – 1993. – № 50. – P. 61–81.

246. San Martín Neira, L. C. El caso fortuito en la responsabilidad civil extracontractual / Lilian C. San Martín Neira // Revista Ius et Praxis. – 2021. – № 2. – P. 3–20.

247. Soriano Cienfuegos, C. Circulación de modelos y centralidad de los códigos civiles en el derecho privado latinoamericano / C. Soriano Cienfuegos // Boletín mexicano de derecho comparado. – 2013. – V. 46. – № 136. – P. 125–164.

248. Syschikova, E. Géneros discursivos de la red social Instagram en el segmento hispanohablante / E. Syschikova, E. Savchuk // Филологические науки в МГИМО. – 2022. – Vol. 8, No. 4. – P. 189–203.

249. Soto Posada G. Paremiología y derecho: una aproximación a la jurisprudencia desde los refranes / G. Soto Posada // Revista De La Facultad De Derecho Y Ciencias Políticas. – 1997. – № 98. – P. 170–182.

250. Van Dijk, T. A. Critical Discourse Analysis / T. A. Van Dijk // The Handbook of Discourse Analysis. Second edition; D. Tannen, H.E. Hamilton, & D. Schiffrin (Eds.). Wiley-Blackwell, 2015. P. 466–485.

251. Zambrano, P. El derecho como práctica y como discurso. La perspectiva de la persona como garantía de objetividad y razonabilidad en la interpretación / P. Zambrano // Díkaion. – 2009. – № 18. – P. 109–133.

II. Диссертации и авторефераты

252. Аверин, А. С. Англоязычный популярно-юридический дискурс: жанровые, семантические и прагматические особенности : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Аверин Артём Сергеевич. – Воронеж, 2022. – 23 с.

253. Алимова, Р. Р. Неология в современном испанском газетно-публицистическом дискурсе: деривационные и лексико-семантические процессы : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Рушания Рашитовна Алимова. – Москва, 2013. – 22 с.

254. Анисимов, В. Е. Кинодискурс как иерархическое семиотическое пространство (на материале русско-, франко- и англоязычного кинодискурсов) : дис. … д-ра филол. наук : 5.9.8 / Анисимов Владислав Евгеньевич. – Москва, 2026. – 737 с.

255. Богатырёв, А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Богатырёв Александр Валерьевич. – Волгоград, 2016. – 168 с.

256. Борисова, Л. А. Композиция и языковые особенности статута как поджанра в англоязычном юридическом дискурсе : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Борисова Лидия Александровна. – Воронеж, 2010. – 212 с.

257. Горбачева, Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Горбачева Елена Николаевна. – Волгоград, 2015. – 44 с.

258. Гусева, И. В. Национально-обусловленная лексика как культурообразующий фактор формирования мексиканской языковой личности : дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Гусева Ирина Валериевна. – Москва, 2013. – 215 с.

259. Зайцева, И. Д. Дискурсивные признаки жанра постановления (на материале русских текстов правового дискурса) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Зайцева Ирина Дмитриевна. – Барнаул, 2011(а). – 289 с.

260. Зайцева, В. В. Когнитивные, коммуникативно-прагматические и языковые особенности допроса в юридическом дискурсе : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Зайцева Валентина Викторовна. – Тамбов, 2011(б). – 210 с.

261. Ибрагимова, К. Г. Межъязыковые лакуны в юридическом дискурсе и лингвокультурные аспекты их элиминирования (на материале англо-русского перевода) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Ибрагимова Карине Грачиевна. – Москва, 2017. – 221 с.

262. Извекова, М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Извекова Марина Геннадьевна. – Волгоград, 2006. – 20 с.

263. Климович, О. В. Языковая личность адвоката в контексте юридического дискурса (на материале речей С.А. Андриевского и Н.П. Карабчевского) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Климович Оксана Владимировна. – Уфа, 2016. – 212 с.

264. Колесникова, Л. В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области «Международное частное право» : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Колесникова Лилия Викторовна. – Ставрополь, 2007. – 19 с.

265. Коновалова, М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Коновалова Мария Владимировна. – Челябинск, 2008. – 215 с.

266. Кубиц, Г. В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Кубиц Галина Васильевна. – Челябинск, 2005. – 20 с.

267. Ларионова, М. В. Лингвосемиотика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации : дис. … д-ра филол. наук : 5.9.8 / Ларионова Марина Владимировна. – Москва, 2022. – 458 с.

268. Малахова, В. Л. Функционально-семантические процессы в системе факторов формирования прагматики английского дискурса : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / Виктория Леонидовна Малахова. – Москва, 2022. – 427 с.

269. Мальцева, В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Мальцева Валентина Александровна. – Челябинск, 2011. – 256 с.

270. Мосесова, М. Э. Языковая репрезентация категории перформативности в англоязычном юридическом дискурсе (на материале текстов международных конвенций) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Мосесова Милана Эдуардовна. – Пятигорск, 2020. – 202 с.

271. Писаревский, А. Е. Юридическая герменевтика : Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.01 / Писаревский Алексей Евгеньевич. – Краснодар, 2004. – 32 с.

272. Пономарёв, А. М. Дискурсивность права : философско-методологические аспекты : автореф. дис. … д-ра филос. наук : 09.00.08 / Пономарёв Алексей Михайлович. – Москва, 2013. – 59 с.

273. Попова, Л. Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций (Семантический и прагматический аспект) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Попова Лариса Евгеньевна. – Краснодар, 2005. – 24 с.

274. Рекош, К. Х. Французский язык как вербализатор западноевропейского правового знания (от истоков до дискурса права Европейского союза) : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.05 / Рекош Карина Хаджиевна. – М., 2018. – 450 с.

275. Сангинова, Ф. Ю. Актуальные процессы терминообразования в испанских печатных СМИ (на материале экономической терминологии) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Сангинова Фатима Юсуфовна. – Москва, 2005. – 118 с.

276. Силанова, М. А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ : дис. … канд. филол. наук : 10.01.10 / Силанова Марина Александровна. – Москва, 2017. – 260 с.

277. Телешев, А. А. Лингвопрагматические особенности французского законодательного дискурса : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Телешев Антон Анатольевич. – Москва, 2004. – 16 с.

278. Федулова, М. Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе : на материале английского и русского языков: дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Федулова Мария Николаевна. – Москва, 2010. – 173 с.

279. Храмченко, Д. С. Функционально-прагматическая эволюция делового дискурса : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / Храмченко Дмитрий Сергеевич. – Москва, 2014. – 448 с.

280. Шевырдяева, Л. Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 "Германские языки" / Шевырдяева Лилия Николаевна. – Москва, 2009. – 25 с.

III. Словарные и справочные издания, энциклопедии

281. Испанско-русский юридический словарь / А. П. Скурихин. – 2-е изд., стер.: [издание в pdf-формате]. – М.: Просвещение, 2021. – VIII, 539, [13] с.

282. Испанско-русский юридический словарь / Под ред. Е.Р. Шубиной. – СПб.: Юридический центр-пресс, 2003. – 484 с.

283. Испанско-русский юридический и экономический словарь = Diccionario jurídico y económico español-ruso / Л. Л. Швыркова, Х. А. Гальего-Росильо, Л. Феликс Фернандес; под ред. Л. Л. Швырковой и А.А. Клишаса. – М.: Норма, 2015. – 720 с.

284. Латинские термины в современном международном праве : латинско-русский, русско-латинский словарь / сост. Н. В. Маршалок, И. Л. Ульянова. – М.: Статут, 2015. – 301 с.

285. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / отв. редактор канд. филол. наук Раренко М.Б. – М., 2010. – 260 с.

286. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. – М.: Статут, 2013. – 758 с.

287. Código Civil para el Distrito Federal en Materia Común y para toda la República en Materia Federal, comentado. T. I : Libro primero. De las personas, 3a. ed. / Instituto de Investigaciones Jurídicas Universidad Nacional Autónoma de México. – México: Grupo editorial Miguel Ángel Porrúa, 1993. – 475 p.

288. Diccionario del español jurídico / Real Academia Española, Consejo General del Poder Judicial; dirigido por Santiago Muñoz Machado. – Barcelona: Espasa Libros, 2016. – 1669 p.

289. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Diccionario de la lengua española, 23.ª ed., [versión 23.7 en línea]. <https://dle.rae.es> [Fecha de la consulta:].

290. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Diccionario panhispánico del español jurídico (DPEJ) [en línea]. < https://dpej.rae.es/ > [Fecha de la consulta: dd/mm/aaaa].

291. Cabanellas de Torres, G. Diccionario jurídico elemental / G. Cabanellas de Torres, nueva ed. act., cor. y aum. por Cabanellas de las Cuevas, G. 11ª ed. – HELIASTA S.R.L., 1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pensamientopenal.com.ar/system/files/2015/01/doctrina34261.pdf.

292. Sevilla Muñoz, J., Zurdo Ruiz-Ayúcar, M. I. T. Refranero multilingüe. – Madrid: Instituto Cervantes (Centro Virtual Cervantes), 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/.

IV. Учебники и справочные пособия

293. Алексеев, С. С. Общая теория права : курс лекций / С. С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. – 360 с.

294. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.

295. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп.– М.: Статут, 2017.

296. Гражданское право: учебник. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 576 с. (Автор § 4 гл. 9 – В. С. Ем).

297. Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник / отв. ред. проф. А. С. Комаров, проф. А. А. Костин, проф. О. Н. Зименкова, доц. Е. В. Вершинина. Т. 2: Особенная часть. М.: Статут, 2020. – 832 с.

298. Испанский язык для международников. Уровни B2–C1 / Г. С. Романова, М. В. Ларионова, В. А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 379 с.

299. Испанский язык для юристов. Основные отрасли права / Е. В. Зверева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 391 с.

300. Испанский язык для юристов. Основные понятия / Е. В. Зверева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 175 с.

301. Испанский язык для юристов : учебник / отв. ред. О. Н. Лобанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – 344 с.

302. История испанского языка : учебное пособие / В. П. Григорьев. – Изд. 5-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 176 с.

303. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

304. Лингвистическая стилистика: учеб. пособие. Книга 1. Теория / О. А. Крылова. – М.: Высшая школа, 2006. – 313 с.

305. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.

306. Практический курс перевода. Международные отношения. Испанский язык. Учебник. Уровни B2–C1 / В. А. Иовенко. – 6-е издание, перераб. и доп. – М.: Р.Валент, 2021. – 288 с.

307. Раевская, М. М. Испанский язык в современном мире: курс лекций. Испанский язык в междисциплинарной парадигме XXI века:

социолингвистическое, политическое, экономическое, юридическое, дидактическое, библиографическое измерения: Учебное пособие. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.

308. Современный политический медиадискурс. Лексический аспект : учебник / Н. А. Чес. – М.: МГИМО-Университет, 2023. – 175 с.

309. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2014. – 464 с.

310. Теория права и государства : учебное пособие / А. А. Малиновский, В. М. Малиновская, Е. А. Рыжкова [и др.]; под редакцией А. А. Малиновского. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 369, [2] с.

311. Федотова, И. Г. Юридические понятия и категории в английском языке: Учебное пособие / И. Г. Федотова, Г. П. Толстопятенко. – М.: Статут, 2014. – 404 с.

312. Ortiz Sánchez M., Pérez Pino V. Léxico jurídico para estudiantes. – Madrid: Tecnos, 2004. – 312 p.

313. Vítolo, D. R. Manual de derecho civil parte general / D. R. Vítolo; coordinación general de Juan Carlos Pratesi (h). – 1ª ed. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Estudio, 2017. – 576 p.

314. Caramelo, G. Código civil y comercial de la Nación comentado / Gustavo Caramelo; Sebastián Picasso; Marisa Herrera. – 1ª ed. – V. 3. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Infojus, 2015. – 672 p.

315. Calsamiglia Blancáfort, H. Las cosas del decir. Manual de análisis del discurso / H. Calsamiglia Blancáfort, A. Tusón Valls. – Barcelona: Ariel, 1999. – 396 p.

V. Нормативно-правовые акты и регламенты

316. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

317. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

318. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [Электронный ресурс] // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

319. Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ [Электронный ресурс] // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – 4552. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

320. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ [Электронный ресурс] // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (часть I). – Ст. 5496. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

321. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Российская газета. – 1993. – № 237. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

322. Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 15.06.2023), § 44–45 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13034/.

323. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) [Электронный ресурс] // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

324. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам, заключенный 26 октября 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=a077c16c-3c54-451b-9ee3-813f64139f6e.

325. Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025), ст. 7. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/95b7bacf7a7228c578178f5b3ec806258af3f9cf/.

326. *Acuerdo de 23 de noviembre de 2005, del Pleno del Consejo General del Poder Judicial, por el que se aprueba el Reglamento 2/2005, de honores, tratamientos y*

protocolo en los actos judiciales solemnes (Решение Генерального совета судебной власти от 23 ноября 2005 года, которым утверждается Регламент 2/2005 о знаках отличия, обращении и протоколе в ходе официальных судебных актов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2005-20840.

327. *Constitución Española* (Конституция Испании; в ред. от 17.02.2024) [Электронный ресурс] // BOE. – 1978. – № 311. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229 (*Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado*).

328. *Convenio entre la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas y el Reino de España sobre asistencia judicial en materia civil* (Договор между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spain.mid.ru/upload/iblock/184/9celq6drt0o1rdcfuwboqwghwcqtm7vk.pdf.

329. *Ley Orgánica Contra la Delincuencia Organizada y Financiamiento al Terrorismo* (Органический закон Венесуэлы против организованной преступности и финансирования терроризма) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oas.org/juridico/pdfs/mesicic4_ven_ley_del_org_finan_terr.pdf.

330. *Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial* (Органический закон о судебной власти № 6 от 01.07.1985; в ред. от 17.02.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-12666 (*Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado*).

331. *Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil* (Королевский декрет от 24.07.1889 года, которым публикуется Гражданский кодекс; в ред. от 03.01.2025) // Gaceta de Madrid. – 1889. – № 206 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1889-4763 (*Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado*).

VI. Судебные решения

332. *Sentencia de la Audiencia Provincial de Valencia, Sección 6, № 171/2019, 24/05/2019* (Решение Шестой коллегии Суда провинции Валенсия № 171 от

24.05.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fernandezrozas.com/wp-content/uploads/2019/09/arbitraje-aap-valencia-6c2ba-24-mayo-2019.pdf.

333. *Sentencia del Tribunal Superior de Justicia, Sala de lo Contencioso*, *Sección 8, № 808/2011, 05/10/2011* (Решение Восьмой коллегии Процессуальной палаты Верховного суда г. Мадрид № 808/2011 от 05.10.2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.poderjudicial.es/search/openDocument/3bc10e51060f6efa.

VII. Публицистические материалы

334. Аршинова, В. Эмодзи как доказательство. Может ли графический символ выступать в качестве доказательства в арбитражном и гражданском процессах? / В. Аршинова // Адвокатская газета [сайт]. 01.12.2023. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/emodzi-kak-dokazatelstvo/ (дата обращения: 12.04.2026).

335. Галятин, М. Ю. Судьи в чёрном, или Синдром чёрной мантии [Электронный ресурс] // Закон.ру: [сайт]. 23.07.2024. URL: https://zakon.ru/blog/2024/7/23/sudi_v_chyornom_ili_sindrom_chyornoj_mantii (дата обращения: 20.04.2026).

336. Ефименко, Е. Латынь в суде: зачем она юристам и судьям [Электронный ресурс] // Универсальный информационный портал Pravo.ru: [сайт]. 12.06.2019. URL: https://pravo.ru/story/212053/ (дата обращения: 01.04.2026).

337. Царев, Е. Смайлики в судебной практике [Электронный ресурс] / Е. Царев // VC.ru : [сайт]. URL: https://vc.ru/legal/872025-smailiki-v-sudebnoi-praktike (дата обращения: 20.04.2026).

338. Яшина, В. Эмодзи в суде: плюсы, минусы и примеры из практики [Электронный ресурс] // Универсальный информационный портал Pravo.ru: [сайт]. 05.08.2022. URL: https://pravo.ru/story/242042/.

339. Liberada una mujer que se encontraba retenida por su pareja en su casa de Madrid [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lavanguardia.com/local/madrid/20240819/9877387/liberada-mujer-encontraba-retenida-pareja-casa-madrid.html.

340. Hernández, A. El asesinato de un hombre de 45 años en Pechina «podría estar relacionado con el tráfico de drogas» [Электронный ресурс] / A. Hernández. – Режим доступа: https://www.lavozdealmeria.com/almeria/sucesos/437009/asesinato-hombre-45-anos-pechina-podria-relacionado-trafico-drogas.html.

341. Castaño Chaparro, B. El jurado popular considera culpable de asesinato a la acusada de matar a su pareja en Zafra [Электронный ресурс] / B. Castaño Chaparro. – Режим доступа: https://www.elperiodico.com/es/sucesos/20260116/jurado-popular-considera-culpable-asesinato-125744324.

342. Ataques a Venezuela | Últimas noticias: en vivo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.univision.com/noticias/politica/ultimas-noticias-en-vivo-explosiones-venezuela-aviones.

343. Esteban, P., Desviat, I. Prometer matrimonio y no cumplir puede obligar al pago de una indemnización. El País. 2019, February 14. Режим доступа: https://elpais.com/economia/2019/02/14/mis_derechos/1550144888_841498.html.

344. Las implicancias del veredicto en el Caso Gatica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.latercera.com/editorial/noticia/las-implicancias-del-veredicto-en-el-caso-gatica/ (дата обращения: 20.01.2026).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Список латинских выражений, использованных в постановлениях Верховного суда Испании в 2006 году

Источник: https://repositorio.comillas.edu/rest/bitstreams/587045/retrieve

- *A quo* («de origen, desde el cual»; SSTS 30-03, 05-04, 06-04, 11-05, 01-06, 28-06, 05-07, 18-07, 16-10 y 01-12).
- *Aliud pro alio* («una cosa por otra»; SSTS 06-11, 07-12 y 20-12).
- Alterum non laedere («no dañar a nadie»; STS 19-07).
- *Causa petendi* («causa de pedir, motivo de la petición»; SSTS 09-03, 23-03, 30-03, 28-06, 11-09, 06-10, 24-10, 16-11 y 01-12).
- *Da mihi factum, dabo tibi ius* («dame el hecho, te daré el derecho»; STS 16-11).
- *Erga omnes* («frente a todos»; SSTS 01-03, 09-03 y 29-11).
- *Factum* («relato fáctico de una sentencia, hechos»; SSTS 22-02, 17-03, 06-04, 07-07, 18-07, 28-09 y 18-12).
- *Iura novit curia* («el tribunal conoce el Derecho»; SSTS 31-01, 09-03, 23-03, 24-03, 25-09, 24-10 y 16-11).
- *Iuris tantum* (SSTS 24-01, 14-03, 18-07 y 12-12).
- *Iuxta, allegata et probata* («los tribunales deben dictar sus fallos con arreglo a lo alegado y lo probado»; STS 06-04).
- *Nemo dat quod non habet* («nadie da lo que no tiene»; STS 02-03).
- *Onus probandi* («la carga de la prueba»; SSTS 23-02, 02-03, 23-03, 30-03, 31-05, 06-07 y 07-07).
- *Petitum* («petición, suplico de la demanda»; SSTS 30-03, 03-04, 18-05 y 04-10).
- *Pretium doloris* («el valor del daño moral»; SSTS 10-02, 03-05 y 20-12).
- *Quaestio facti* («cuestión material, de hecho»; SSTS 26-01, 31-05, 22-06, 05-07, 19-07, 25-09, 06-11, 15-12 y 20-12).
- *Ratio decidendi* («la justificación de la sentencia»; SSTS 16-02, 13-03, 24-03, 27-03, 01-12, 18-12 y 27-12).

- *Reformatio in peius* (prohibición de «reformar a peor» o «reformar en perjuicio» que rige para el tribunal que conoce del recurso; SSTS 16-02, 08-05, 01-06, 14-06 y 08-11).

Приложение 2. Список испанских паремий, содержащих лексему *derecho*, с переводом на русский язык и толкованием

Источник паремий: Rodríguez Llamosí, J. R. Refranero de picapleitos y otros menesterosos de la Justicia / J. R. Rodríguez Llamosí // Revista Nueva Etapa. – 2020. – № 87. – P. 79–90. URL: https://rcumariacristina.es/wp-content/uploads/OBRA-COMPLETA-NUEVA-ETAPA-2020.pdf

Antes de tener pleito, pierde algo de tu derecho. – <Перед тем, как обращаться в суд, пойди на уступку>. Пословица отражает мысль о целесообразности поиска способов, являющиеся более выгодной и быстрой альтернативой разрешения спора в суде.

El juez, derecho, como la viga en el techo. – <Суд для права – как балка для потолка>. Пословица подчеркивает фундаментальную роль судьи в осуществлении правосудия, поскольку на нём фактически держится вся система отправления правосудия. Без судьи, без его личного вклада в рассмотрении дела не может быть осуществлено правосудие и достигнута справедливость.

No dones cohecho, ni pierdas derecho или *No pierdas derecho, ni tomes cohecho* – <Не давай взятку, но и не утрачивай право>. Нельзя добиваться защиты своих прав путём совершения преступления, в том числе в виде дачи взятки, но и не следует отказываться от законных прав.

Con estos derechos se hacen / salen los cohombros muertos / tuertos – <С такими правами выходят кривые огурцы>. Пословица метафорически означает, что не следует доводить правосудие до абсурда, поскольку буквальное исполнение закона иногда может приводить к абсурду и величайшей несправедливости, не соответствующей праву, когда правда становится «кривдой». Его синонимом выступает пословица *Gran justicia, gran injusticia*. – <Великое правосудие – великая несправедливость> [Soto Posada, 1997: p. 180].

Приложение 3. Алгоритм перевода, рекомендуемый для решения проблемы безэквивалентности испаноязычных юридических терминов

